

**Военные
Приключения**

АТОМНАЯ КРЕПОСТЬ

ИВАН ЦАЦУЛИН

Военные приключения

Иван Цацулин

Атомная крепость

«ВЕЧЕ»

Цацулин И. К.

Атомная крепость / И. К. Цацулин — «ВЕЧЕ», — (Военные приключения)

Миллиардер Уильям Прайс способен купить ученых, разведчиков, киллеров... Но разные, зачастую не знающие о существовании друг друга люди мешают реализации чудовищных замыслов — они не хотят, чтобы над планетой вспыхнуло смертоносное пламя новой мировой войны. Широко известный остросюжетный роман возвращается к читателю!

© Цацулин И. К.

© ВЕЧЕ

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Глава первая	5
Глава вторая	14
Глава третья	20
Глава четвертая	28
Глава пятая	30
Глава шестая	34
Глава седьмая	38
Глава восьмая	46
Глава девятая	58
Глава десятая	69
Глава одиннадцатая	75
Глава двенадцатая	80
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Иван Цацулин

Атомная крепость

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Вечерний телефонный звонок Уильяма Прайса прервал размышления начальника разведывательного управления.

– Приезжайте немедленно. Лучше – самолетом. Я на Гудзоне.

Слышно было, как где-то, далеко-далеко, упала на рычажок телефонная трубка.

Аллен Харвуд недовольно повернулся в кресле и закурил. Черт побери! Этот человек смеет командовать им – самым шефом разведки?! Но уже через минуту, подавив раздражение, Харвуд по обыкновению ровным голосом приказал появившемуся на звонок секретарю:

– Тэдди, самолет!

– Он ждет вас, сэр.

Самолет всегда ждал его – таков был порядок, заведенный здесь еще задолго до появления Аллена Харвуда.

– Машину! – приказал он.

– У подъезда, сэр. Прикажете сопровождать?

– Нет, можете идти.

Секретарь вышел.

Харвуд медленно прошелся по комнате. Он мучительно думал сейчас над тем, что от него потребовалось этому выскочке, счастливчику Прайсу, которого ныне в США не без основания величают королем урана. Он начал со скотобоен в Чикаго, со свиной тушенки, затем путем каких-то невероятных по смелости и ловкости спекуляций приобрел колоссальное состояние и стал одним из фактических хозяев страны. С этим следовало считаться тем более, чем менее сам Уильям Прайс считался с чинами и положением тех, кого он в любое время мог вызвать к себе.

Харвуд подошел к зеркалу, чтобы поправить прическу: из зеркала на него смотрел весьма уже пожилой человек с седыми подстриженными усами и оловянно-безучастными глазами на круглом лице. Серый костюм, галстук-бабочка на белой сорочке придавали ему вид провинциального профессора или успевшего выслужиться банковского клерка. Харвуд усмехнулся: первейшим условием каждого разведчика должна быть заурядная, не выделяющая его из толпы внешность. Правда, на самого-то шефа разведки это правило могло и не распространяться: от него до толпы слишком большое расстояние.

«Да, но что же все-таки нужно от меня Прайсу? – ломал голову Харвуд. – И почему он предложил воспользоваться самолетом? Ведь до Прайсксилла, где расположено поместье “короля урана”, не так уж далеко». Теперь Харвуду показалось даже, да нет, он мог в этом поклясться, что в голосе Уильяма Прайса чувствовалась какая-то тревога. В чем же дело? Эту загадку обязательно следовало разгадать прежде, чем лететь в Прайсксилл.

Он поднял трубку внутреннего телефона:

– Полковник Спаркмэн? Сейчас же отправляйтесь к себе. Поняли? И подготовьте Двадцатого... да, да. Возможно, сегодня ночью я буду у вас. Поспешите.

– Кажется, я понимаю, в чем дело, – прошептал Харвуд, направляясь к двери.

Машина оставила позади себя беснующиеся рекламные огни Бродвея, центральные авеню, выбралась за город и, набирая скорость, помчалась к аэродрому.

Харвуд теперь не сомневался, что все дело в Двадцатом. «Но что же все-таки нужно Прайсу? – думал он в самолете. – Украсть для него ценный патент, похитить или убить человека? Захочет ли он дать соответствующие объяснения?»

Осторожно держась за поручни, Харвуд сошел на землю. Проектора, за исключением одного небольшого, погасли. В глубоком ночном небе мерцали желтые и зеленые звезды. Рядом с аэродромом шумел вековой лес. Пахло сыростью и цветами.

Огромный черный автомобиль остановился в двух шагах. Из автомобиля выскочил высокий, с длинными, как у гориллы, руками человек.

– Это ты, Скаддер? – спросил Харвуд.

– Да, сэр. Прошу в машину, сэр. – И длиннорукий верзила поспешно открыл дверцу автомобиля. – Мистер Прайс ждет вас, сэр, – добавил он, когда машина уже развернулась и устремилась в темноту, по направлению к Прайскхиллу.

Харвуд сидел на заднем сиденье. За окнами стояла густая весенняя темь, перед глазами маячил затылок Скаддера, этого, пожалуй, наиболее близкого к Прайсу человека, его телохранителя и секретаря. О, Харвуд отлично знал, что за субъект этот Скаддер: гангстер и содержатель публичных домов, он возглавлял затем «команду смерти» в одном из преступных концернов Нью-Йорка, то есть отправлял на тот свет тех, кого ему приказывали. Но на одном из убийств Скаддер попался и очутился в камере смертников в Синг-Синге. Ему оставалось уже немного дней до казни на электрическом стуле, когда в Синг-Синг явился Уильям Прайс-старший. Он искал себе как раз такого человека – и Скаддер не только очутился на свободе, но и стал его доверенным лицом.

Нашлись, конечно, недоброжелатели – и чудесное превращение Скаддера из висельника в приближенного самого мистера Уильяма Прайса не прошло бесследно: судья Смит внес протест в Верховный суд. Но старика Прайса это нисколько не смутило. В интервью корреспонденту газеты «Нью-Йорк таймс» он заявил:

– Скаддер совершал преступления по приказу Франка Костелло. Если вы хотите, чтобы казнили моего Скаддера, тогда арестуйте и судите Франка Костелло. Но этого делать, кажется, никто не собирается: на именинах Костелло недавно присутствовал сам президент, министры, члены Верховного суда, в том числе почтенный Смит.

Это была правда, об этом случае знала вся Америка – и газеты умолкли.

Кресло, в котором сидел Прайс, казалось слишком большим для его маленького, тщедушного тела. Внешность старика производила отталкивающее впечатление. У него была лишенная растительности, обтянутая желтой старческой кожей голова. Его худое, испещренное продольными морщинами лицо отнюдь не украшали тонкий крючковатый нос и глубоко запавшие в орбиты маленькие глаза.

Бросив на своего собеседника острый, почти неприязненный взгляд, Прайс заговорил:

– Я не буду извиняться за беспокойство, Аллен, – интересы страны выше всяких условий. Не так ли?

Ничего еще не понимая, Харвуд кивнул и по привычке сжал в руке трубку, с которой никогда не расставался.

– Можете курить, – сказал ему Прайс и продолжал: – Вы видели сегодня шифровку из Москвы за номером ноль двенадцать восемьдесят три?

Харвуд наморщил лоб: он хотел вспомнить о какой шифровке идет речь, но так и не вспомнил – документов поступало в управление слишком много.

– Так вот, – продолжал Прайс. – Я давно ждал документа, подобного тому, который получил сегодня. Час настал... Теперь медлить нельзя ни одной минуты... Сейчас я вам все объясню.

Прайс уже не сидел в кресле. Он нетерпеливо двигался взад и вперед по ковру, застилавшему пол кабинета.

– Сейчас я вам все объясню, Аллен. Между нами, вы считаете меня несколько... экстравагантным, не правда ли? – старик хихикнул и выжидательно посмотрел на Харвуда. Но тот продолжал оставаться невозмутимым. Неожиданно голос Прайса стал резким и повелительным.

– Вы хотите знать в чем дело? Хорошо... Я заинтересован в том, чтобы вы, помогая мне, работали с открытыми глазами, знали, ради чего мы с вами рискуем. Я люблю называть вещи своими именами. – Прайс передернул плечами и остановился у стола. – Я стремлюсь как-то спасти себя... себя и вас, Аллен, и других, подобных нам. И я должен теперь спешить. Наши генералы и сенаторы кричат о необходимости войны против Советов... Ваш родной брат надрыдается о том же... Но, избави бог, если мы сейчас развяжем эту войну – коммунисты правы, тогда мы погибнем.

Лицо Аллена Харвуда сделалось не только серьезным, но и зловещим: подобного рода шуток он не любил.

Но Уильям Прайс, кажется, и не собирался шутить, наоборот.

– Мы с вами живем в страшное время, Аллен, – продолжал он. – Я часто думаю о том, чем оно определено: непонятным мне роком или просто тем, что в наши дни развелось так много идиотов, воображающих себя умниками. Почти сорок лет я слежу за нашей внешней политикой и вижу, как мы с непостижимым упорством делаем одну ошибку за другой. Я не собираюсь читать вам лекцию, я просто хочу, чтобы вы поняли мой образ мыслей, сегодня это необходимо для дела... Итак, мы последовательно приводим в движение силы, которые в конечном счете погубят нас с вами. Да, да... погубят! Главная наша опасность – ограниченность. Это ужасная вещь! Смотрите: в тридцать втором году к нам приехал Яльмар Шахт. От имени деловых кругов Германии он просил нас благословить приход к власти Гитлера. Мы благословили. В ноябре тридцать седьмого года сенатор Ванденберг, глава концерна Дюпон, и мистер Слоун из «Дженерал моторс» тайно встретились с представителем Гитлера в Сан-Франциско и обещали ему поддержать фашизм... А через четыре года мы оказались вынужденными вместе с Советами воевать против Гитлера! Мы-то с вами знаем, что, взяв в руки оружие, Гитлер всерьез мечтал и о завоевании Америки... Гитлер съел почти всю Западную Европу и подбирался к Англии. Но наши надежды сбылись – он все-таки набросился на Россию. Вся Европа была его тылом и арсеналом. Он оказался в состоянии сразу бросить против России почти двести восемьдесят дивизий и... был разбит наголову!

Прайс умолк. Аллен Харвуд продолжал сидеть молча.

– А ведь Россия тогда была одна, – продолжал Прайс. – Одна! А теперь? Теперь мы боремся почти против миллиарда человек. Вот они, плоды нашей внешней политики!

– Вы считаете в этих условиях нашу победу невозможной, а борьбу бесполезной? – спросил Харвуд.

– О нет! – воскликнул Прайс. – Я считаю, что мы должны извлекать уроки из наших провалов и тогда уже действовать. Однако вся беда в том, что у нас не находится желающих признать в своих провалах. Удалось нам сделать Гитлера своим военным союзником, заставить его уйти из захваченных им государств Западной Европы, дать гарантию Великобритании и безоговорочно выполнять наши указания? Нет, нам это не удалось. Во время прошлой войны вы, Аллен, три года просидели в Швейцарии, руководя оттуда заговором против Гитлера. Вы должны были убрать Гитлера и поставить во главе Германии наших людей, но вам и этого не удалось сделать! К концу войны вы обязаны были создать в Баварских Альпах неприступный

бастион, в котором могли бы отсидеться и прийти в себя гитлеровские армии, чтобы продолжать войну, но...

– Я не понимаю, что вы всем этим хотите сказать, – сжав губы, сказал Харвуд и поднялся.

Но Прайс словно не хотел замечать возмущения начальника разведывательного управления.

– Я говорю все это не для того, чтобы обвинять вас в чем-то... – сухо сказал он. – Я это делаю для того, чтобы вы лучше поняли меня... Только и всего... Рузвельт сделал великую глупость, сообщив Черчиллю, что он отдал приказ приступить к изготовлению атомной бомбы. Я до сих пор не понимаю, зачем он это сделал.

– Но ведь Гитлер... – начал было Харвуд.

– Знаю, знаю, – бесцеремонно перебил его Прайс. – Гитлер до последней минуты надеялся, что немецкие ученые преподнесут ему атомную бомбу, которую он немедленно пустил бы в ход... Но этого, к нашему счастью, не случилось – они опоздали. И все же за каким чертом было сообщать о нашем секрете англичанам?

Харвуд молча пожал плечами.

Прайс продолжал:

– По-моему, это была чудовищная ошибка... Не так ли?

Харвуд кивнул головой.

– Что же случилось потом? – продолжал Прайс. – В Белом доме очутился Трумэн. Ему бы радоваться, что вместо двенадцати тысяч долларов в год сенаторского жалованья он стал получать оклад президента, но нет, этот парень решил увековечить свое имя в истории и приказал сбросить атомные бомбы над Японией. Я хотел бы, чтобы когда-нибудь его судили за это как военного преступника! – злобно вскричал Прайс.

Харвуд с величайшим изумлением смотрел на собеседника.

– Если бы я мог, – кричал Прайс, бегая по кабинету, – я приказал бы судить Гарри Трумэна! Нет, не за погибших японцев, до них мне нет никакого дела. Но я считаю поступок Трумэна актом величайшей национальной измены: он окончательно рассекретил наше важнейшее оружие. Понимаете? И сделал это без нужды, это же нам всем ясно: известно, что Япония капитулировала не потому, что сгорели деревянные домики в Нагасаки, а потому, что русские разгромили Квантунскую армию, заняли Маньчжурию и не сегодня-завтра могли высадиться на островах, вступить в Токио. А рассекретив атомную бомбу, мы проиграли нашу будущую победу над Советами, Аллен, – таково мое глубокое убеждение.

Как бы устав, Прайс на некоторое время умолк.

– Потом нашлись безответственные карьеристы вроде Брэдли и подняли крик о превентивной войне, – сказал он с тихой злобой.

Харвуд решил активнее включиться в беседу.

– Вы забываете, сэр, о необходимости подготовить соответствующую обстановку для принятия военных кредитов, – сказал он.

Прайс отлично понял намек.

– Я сам заинтересован в кредитах, – ответил он, – но ведь для этого можно было ограничиться версией о предстоящем нападении на нас, а вовсе не кричать о том, что мы первыми сбросим на Москву атомную бомбу. Тем более я убежден, что практически это вряд ли осуществимо. А вся эта идиотская болтовня рассекречивает наши планы. Какая же это превентивная война, если мы о ней изо дня в день трубим на всех перекрестках? Это наша вторая ошибка.

Мы рассчитываем на немцев, турок... Но боже мой! Кто знает, когда же мы будем наконец иметь настоящую армию, которую можно было бы бросить против Восточной Европы и Китая? Не надо забывать: нас с вами, Аллен, преследуют неудачи – бесславно провалились подготовленные нами заговоры в ГДР и Польше, не удалось организованное нами восстание в Венгрии. Не возражайте: мы снова провалились, это следует признать честно. Путч в Вен-

грии подавлен, а переброшенные нами через венгерскую границу кадровые офицеры Гитлера и Хорти разбежались кто куда. Часть их схвачена советскими войсками и солдатами Яноша Кадара...

Потом мы затеяли сложную игру на Ближнем Востоке, вдохновили авантюру против Египта... Все шло, как мы и предвидели, – оккупационным войскам Англии, Франции и Израиля пришлось ретироваться. Мы отлично знаем почему – вмешался Советский Союз.

– Мы предвидели и это, – холодно заметил Харвуд.

– Да, конечно, предвидели. – Прайс яростно запрыгал на месте. – И что же дальше? На свет появилась «доктрина» Эйзенхауэра, президент просит у конгресса полномочий по его личному усмотрению использовать наши войска на Ближнем и Среднем Востоке, мы должны поскорее и любыми средствами занять позиции, с которых вынуждены были уйти англичане и французы! А это значит?.. – Прайс выжидательно посмотрел на собеседника.

– Война, – бросил Харвуд.

– С поправкой на блеф. – Прайс на минуту умолк. – Но мы стремимся к войне, это надо признать, – заключил он.

Кивком головы Харвуд согласился с выводами «короля урана».

– Вы не согласны с политикой правительства? – осведомился он.

– Мы проиграем войну, – ответил Прайс уставшим голосом. – К сожалению, в Вашингтоне этого не хотят понять – одни по глупости, другие из корысти. Но верьте мне, Аллен, мы будем биты. – Прайс бессильно опустил в кресло.

– Так какой же выход? – усмехнулся Харвуд. – Принять предложение русских о мирном сосуществовании?

– К черту! – злобно вскричал Прайс, вскакивая на ноги. – Мы обязательно будем воевать, для этого у нас есть и оружие, и деньги. Деньги! Вы понимаете, Аллен?!

Харвуд понимал, но он недоумевал: зачем все же Прайс вызвал его?

– Но воевать иначе, совсем иначе, – неожиданно спокойно заговорил Прайс. – Мы должны быть крайне осторожны, предвидеть возможные неожиданности... Лучше подготовиться. Однако перейдем к делу. Я скупаю урановую руду повсюду и хочу точно знать, каковы же запасы этого сырья в Советском Союзе? И именно с этой точки зрения меня интересует вот этот район. Подойдите сюда, Аллен.

Вслед за хозяином Харвуд подошел к стене. Прайс дернул за шелковый шнур, шторы ушли в стороны, и перед ними оказалась огромная карта Советского Союза.

– Вот, смотрите, – продолжал Прайс, вооружившись длинной указкой. – За этим районом я слежу уже в течение нескольких лет... Есть предположение, что там у русских колоссальное, практически неисчислимое количество уранового сырья.

Они снова возвратились к письменному столу. Прайс что-то вынул из стоявшего рядом большого стального сейфа и положил на стол перед Харвудом.

– Посмотрите на этот документ, – сказал он.

Перед Харвудом лежал старинный манускрипт, написанный какой-то выцветшей краской на коже. Документ был составлен на китайском языке. Иероглифы стройными колонками бежали сверху вниз. Рядом лежал сделанный, по-видимому, сравнительно давно перевод на английском языке. Харвуд присмотрелся: текст был стихотворный. Он с интересом и недоумением взглянул на Прайса. Тот явно был доволен произведенным впечатлением и, забравшись в свое кресло, бросал торжествующие взгляды.

– Этому документу нет цены, – сказал он.

Харвуд пожал плечами:

– Нечто антикварное. Но объясните, какое отношение имеет этот лоскут ослиной кожи к срочному приглашению меня сюда?

– Самое непосредственное, – оживился Прайс. – Видите ли, в сорок пятом году мои люди появились в Западной Германии вслед за нашей армией. Они мне кое-что привезли оттуда, в частности один весьма секретный архив с бумагами, касающимися попытки немцев сделать атомную бомбу. Среди секретнейших документов мои сотрудники обнаружили вот этот уникум, что лежит сейчас перед вами. Прочли и решили было выбросить. Но когда доложили мне, я заинтересовался... Не будут же немцы строжайше хранить всякую чепуху! Посмотрел: стихи. Заглавие – «Поэма на пальмовых листьях». Но я чувствовал за всем этим что-то другое, какой-то тайный смысл, пока скрытый от меня. И вот помог случай! На листе перевода мне удалось обнаружить гриф «Д.Р.». Видите, вот тут, сбоку. Это же явно чьи-то инициалы! Но чьи? Я и мои помощники пришли к выводу, что поскольку документ, судя по всему, восточного происхождения, то он мог попасть в немецкий государственный архив от какого-то частного лица. Навели справки: оказалось, что «Поэма на пальмовых листьях» принадлежала англичанину профессору Джону Рэдуэлу, который еще в молодости приобрел ее в одном из буддийских монастырей где-то на северо-востоке Тибета. По словам Рэдуэла, автором «Поэмы на пальмовых листьях» считается Суань Цзян. Вам знакомо это имя?

– Нет, – признался Харвуд.

– Я так и думал. Суань Цзян – китаец, ученый, буддийский монах. Он жил в седьмом веке, много путешествовал. В частности, он посетил те места, – при этих словах Прайс подошел к карте СССР и ткнул указкой в то самое место, которое, как он только что говорил Харвуду, его весьма интересует, – через которые несколько столетий спустя прошел знаменитый венецианец Марко Поло. Н-да... Возник вопрос: каким же образом принадлежащий Рэдуэлу документ оказался в гитлеровском архиве? Но это скоро выяснилось. По словам профессора, частым гостем у него бывал некий молодой немец Генрих фон Краус, ученый-физик. Будучи профаном в востоковедении, этот Краус тем не менее почему-то интересовался творением древнего китайского ученого, и когда в тридцать восьмом году «Поэма» исчезла, Рэдуэл решил, что ее похитил Краус. Но зачем? Этого Рэдуэл разгадать не смог. Да и я вряд ли догадался бы в чем дело, если бы не обнаружили «Поэму» среди документов, относящихся исключительно к атомной энергии. Итак, Краус. Я стал наводить справки о нем. И что же? Он оказался одним из тех, кого Гитлер не успел повесить за неумение своевременно дать ему атомную бомбу.

– Краус... Это имя мне знакомо, – заметил Харвуд.

– Превосходно. Итак, Краус-то должен был знать, в чем тут дело. Мои люди отыскиали его и привезли к нам в Штаты.

– И он все объяснил вам? – улыбнулся Харвуд.

– И не подумал! Мне пришлось купить, понимаете – купить у него тайну «Поэмы на пальмовых листьях». Я дорого заплатил ему, Аллен. Не буду отнимать у вас времени и подробно объяснять, в чем дело. Скажу только, что при изучении «Поэмы» у Крауса появилась одна оригинальная мысль, которую он решил проверить. С этой целью он поехал в Советский Союз и посетил то место, о котором стихотворно рассказывает Суань Цзян. Предположение немца подтвердилось – поэма оказалась просто-напросто путевыми записками древнего ученого и таким образом в силу обстоятельств из художественного произведения превратилась в деловой документ величайшей важности и секретности. Убедившись в этом, Краус похитил документ и передал его в секретный архив гитлеровской атомной лаборатории. Бедняга Рэдуэл так и не догадался, какой ценности документом он располагал! – заключил Прайс.

– Но я все еще жду разъяснений, – заметил Харвуд.

– Представьте, Аллен, все, что я так пространно рассказывал вам, относится к делу. Вот в этом районе Суань Цзяна поразили некоторые странные явления. Как только Краус ознакомился с текстом «Поэмы», он заподозрил, что, сам о том не ведая, Суань Цзян рассказывает в ней о бурном проявлении радиации, получаемой, как мы теперь знаем, в результате естественного внутриатомного распада. Понимаете? У Крауса имеется своя теория о причинах этого

бурного процесса в природе. Я не буду ее вам излагать. Меня сейчас интересует другое: путем научных изысканий установить наличие в этом районе урановых руд, определить их залегание и общее количество. А тогда уже, при последующих подсчетах, мы примем во внимание и теорию Крауса. Вы должны помочь мне в этом.

Харвуд несколько растерялся.

– Это не простое дело – произвести геологическое исследование одного из районов страны, где за каждым нашим шагом следят, – возразил он.

Прайс рассмеялся.

– Я не предлагаю вам организовать посылку в этот район американской экспедиции, – сказал он почти весело. – И знаете почему? Не потому, что для вас это было бы весьма затруднительно, а потому, что я поверю научным данным только советских ученых.

– Почему? – спросил Харвуд.

– Потому что они-то врать не будут, ведь их изыскания радиоактивных элементов предназначаются для советского правительства. Понимаете меня?

– Не совсем еще, – признался Харвуд.

Прайс протянул ему шифровку.

– Читайте... Вот что сообщает мой агент Снэйк из Москвы... Геологическая экспедиция Лучинина уже выехала на восток. В ней принимает участие друг Лучинина, профессор ядерной физики Александр Ясный. Об этом же вами сегодня получена шифротелеграмма номер ноль двенадцать восемьдесят три от Шервуда. Ваше дело, Аллен, перебросить на территорию Советского Союза того человека, о котором мы говорили раньше, и дать ему указание помочь Снэйку в этом деле. Мне нужна геологическая карта района; эту карту – итог работы экспедиции – надо изъять так, чтобы у русских не осталось и черновика ее. Лучинин и Ясный должны быть затем уничтожены, но опять-таки так, чтобы на нас не пало подозрений. Все должно выглядеть естественно.

Зажав в губах потухшую трубку, Харвуд снова сидел в автомобиле, который мчался с аэродрома на этот раз на юг от Нью-Йорка. Было уже поздно. Городишки, через которые проносилась машина Харвуда, спали. Но вот шофер повернул направо. Показались крыши строений, обнесенных глухой стеной. Ворота тяжело, как бы нехотя, открылись, и машина въехала во двор. Здесь было пустынно и тихо, но Харвуда это нисколько не смутило. Выйдя из автомобиля, он уверенно направился по асфальтированной дорожке к подъезду главного здания. На ступенях лестницы Харвуда встретил одетый в штатское худощавый подвижный человек.

– Хэлло, полковник Спаркмэн, – приветствовал его Харвуд. – Пройдемте к вам.

Они вошли в здание, Спаркмэн включил свет и повел Харвуда по длинному коридору, мимо многочисленных дверей. Толкнув одну из них, он ввел Харвуда в довольно большую, почти лишенную мебели комнату. В стороне от бюро полковника находились простенький канцелярский стол и пара стульев. На стенах висели портреты Макартура и одной из голливудских звезд в довольно непристойной позе.

– Где Двадцатый? – резко спросил Харвуд.

– Здесь, его доставили сюда час назад, – ответил Спаркмэн.

– Под каким именем он знает вас? – поинтересовался Харвуд.

– Под именем инструктора Боба, сэр, – ответил полковник.

– Хорошо. Покажите мне его документы. Я хочу знать, каковы его успехи в науках... усвоил ли он что-нибудь, – сказал начальник разведки.

– Я подготовил их для вас, сэр, – с готовностью ответил Спаркмэн и подал шефу папку с документами того, кого они называли Двадцатым.

Харвуд уселся за бюро и стал внимательно рассматривать бумаги.

– Ого! Это хорошо, – заметил он. – Двадцатый получил у нас солидные познания и в геологии и в минералогии...

– Таков был ваш приказ, сэр, – отозвался Спаркмэн. – Я лично все это время следил за учебой Двадцатого. Помимо того, он окончил школу наших агентов в Пулсвилле: стрельба, радиодело, тайнопись, яды, ну и все, что положено по программе.

– Вы уверены в нем? – спросил Харвуд.

Полковник изобразил на своем лице улыбку.

– Этот вопрос излишен, сэр, – ответил он. – Двадцатый – золотой агент: он ненавидит Советский Союз, как бы это сказать... по-звериному. Такая ненависть не иссякает! И к тому же он очень умен и ловок.

– Хорошо. Именно такой человек нам и нужен, – согласился Харвуд. – Сейчас вы пригласите его сюда и сообщите ему, что настала пора действовать... что ему поручается весьма важная операция. – Харвуд подчеркнул слово «весьма», но сейчас же спохватился. – Нет, – сказал он. – Вы, Спаркмэн, не обращайте внимания нашего агента на особую важность поручаемого ему задания. Не надо. Пусть он приучится думать, что у нас все одинаково важно и ко всему надо относиться серьезно. Зовите его.

Спаркмэн позвонил.

– Пришлите ко мне Двадцатого, – сказал он появившемуся дежурному. – Передайте ему, что мистер Боб ждет его.

Дежурный исчез. Уже через минуту в пустом коридоре послышались гулкие, тяжелые шаги и в кабинет вошел Двадцатый. Он с любопытством взглянул на Харвуда, но не поклонился ему, а лишь слегка кивнул головой.

Полковник Спаркмэн обратился к секретному агенту:

– Готовы ли вы?

– Да.

– Знаете ли вы, что вам грозит смерть, если вы попадете в руки советских властей?

– Да.

– Понимаете ли вы, что задание, которое вы сейчас получаете здесь, равносильно боевому приказу, выполнить который вы обязаны, хотя бы это стоило жизни?

– Да.

– Мы перебросим вас в Советский Союз. Вы снова будете там... Но вы можете сто раз умереть, прежде чем возвратитесь к нам. Готовы ли вы к этому?

– Да, готов.

Спаркмэн взглянул на шефа. Харвуд протянул агенту пакет, полученный им недавно от Прайса.

– Вот инструкции, – произнес он. – В них сказано, что вы должны будете делать, очутившись на территории Советского Союза, и как вести себя. Сейчас вы пойдете к себе – изучите эти инструкции. Ровно через час вы возвратите пакет инструктору Бобу, который тотчас же отвезет вас на аэродром. Вам надо спешить, Двадцатый. Утром вы вылетите на специальном самолете в Европу. Курс – на Пирей в Греции. Там вас встретят, снабдят всем необходимым и переправят в Советский Союз. Надеюсь, вы неплохо себя чувствуете при прыжках с парашютом?

– Да, сэр.

– Можете идти. Счастливого пути.

Двадцатый по-военному четко повернулся и вышел, унося с собой инструкции Уильяма Прайса.

Тяжелые его шаги постепенно замерли в гулком коридоре.

– Мне пора, – сказал Харвуд, вставая. – За Двадцатого вы отвечаете головой, Спаркмэн.

Полковник вытянулся.

Большая черная машина выехала из ворот и помчалась туда, где сверкал огнями ночной Нью-Йорк.

Глава вторая

На одной из центральных улиц Москвы расположено красивое здание с просторными, светлыми комнатами. В этом доме помещается учреждение, в котором не говорят по-русски. Это не значит, что сотрудники не владеют русским языком (владеет русским языком, постоянно изучать его они обязаны по роду своей службы), но в своей повседневной работе, общаясь друг с другом, они предпочитают говорить на своем родном языке.

В тот весенний день, о котором пойдет речь в этой главе, сотрудники не раз осторожно и несколько боязливо стучали в дверь находящегося на третьем этаже кабинета, но, не получая ответа, уходили прочь.

«Мистер Шервуд, по-видимому, еще не приехал», – говорили они. Девушки, работающие в канцелярии, которым положено знать о своих сослуживцах все, загадочно молчали.

«Шервуд проводит акцию», – догадывались сотрудники. Слово «акция» в переводе с английского означает не только «денежный документ, которым владеют акционеры». Оно еще означает и «действие». «Проводить акцию» – значит заниматься каким-то определенным, конкретным делом, и не просто заниматься делом, а делом, обязательно направленным против кого-то.

Дверь кабинета оставалась закрытой до обеда: Шервуд действительно «проводил акцию». Он начал ее с того, что накануне не приехал домой ночевать. Миссис Шервуд не беспокоилась, она к этому привыкла. А на следующее утро Шервуд появился у Абельмановской заставы. Несколько сутулый, с большими серыми навывкате немигающими глазами и отвисшей тяжелой челюстью, одетый в летнее пальто и низко надвинутую на лоб черную шляпу, он остановил такси, уселся на заднее сиденье и дал шоферу адрес – Лефортово. Но до Лефортово он не доехал, вышел из машины на тихой, почти безлюдной улице, расплатился по счетчику и быстро скрылся за углом. Шервуд шел, озираясь, кружил по улицам и переулкам – он хотел убедиться, что за ним не следят. Так, петляя, ходил он не менее часа, после чего сел в трамвай и доехал до Трубной площади. Здесь с тревогой посмотрел на часы и пешком направился вверх по бульвару, по направлению к Петровским воротам. Выйдя на Пушкинскую площадь, Шервуд, осторожно осмотревшись, открыл дверцу одного из стоявших тут такси, быстро уселся в уголок и приказал шоферу отвезти его на Дмитровское шоссе.

– Я очень тороплюсь и хорошо заплачу вам, – прибавил он при этом.

Шофер, молодой парень, сложил газету, которую читал в ожидании очередного пассажира, сунул ее в карман, включил мотор, и машина помчалась в сторону Савеловского вокзала. Шервуд сидел притаившись и часто нервно поглядывал на наручные часы – он боялся опоздать на условленное свидание.

Шофер оказался человеком словоохотливым.

– Сегодняшнюю «Правду» читали? – спросил он пассажира, не поворачивая головы.

– Нет еще... А что там? – поинтересовался Шервуд.

– Да опять американцы войной грозятся, – шофер в негодовании покрутил головой. – Так вот и не терпится им войну начать. Советский Союз им поперек горла встал.

– Ну и как вы думаете, будет все-таки война? – спросил Шервуд.

– Все возможно, – шофер немного помолчал. – Они, известно, на авантюру какую ни на есть рискнуть могут...

Машина миновала Лихоборы. Шервуд выругался.

– В чем дело? – спросил шофер.

– Да вот папиросы второпях забыл захватить, – ответил Шервуд, все еще продолжая с растерянным видом шарить по карманам. – Простите, нет ли у вас папирос?

Шофер вынул из кармана пачку.

– Пожалуйста, – предложил он.

– «Беломор»? – Шервуд опустил протянутую было руку. – Нет, я обычно курю «Казбек», – сказал он с кислой миной.

– Как хотите, – и шофер спрятал папиросы в карман.

– Придется, видимо, у кого-нибудь одолжить, – сказал Шервуд. – Как назло чертовски хочется курить.

Некоторое время они ехали молча.

– Остановите на минутку, – неожиданно предложил Шервуд.

Шофер с удивлением взглянул на него, но все же затормозил. На обочине дороги стояла коричневая «Победа», у поднятого капота которой возился плотный человек в кожаном пальто.

– Может, у него есть, – сказал Шервуд и вышел из такси.

– Извините, – произнес он нарочито громко, – нельзя ли попросить у вас закурить? Оставил дома папиросы...

– Пожалуйста, – буркнул человек в кожаном пальто. Продолжая возиться с карбюратором, он вытащил из кармана коробку папирос «Казбек», спички и протянул их Шервуду.

– Благодарю вас, – сказал Шервуд, закуривая с видимым удовольствием. Он возвратил человеку в кожаном пальто папиросы и спички.

– Ну, поехали, – обратился Шервуд к водителю такси. Он был доволен: дело сделано!

Когда машина уехала, человек в кожанке осторожно вынул из папиросной коробки маленький, вырванный из блокнота листок бумаги, на котором рукой Шервуда по-русски было написано: «Приказ получен. Приступайте к акции немедленно».

Вот оно что! Снэйк давно ждал этого приказа, и вот он получен – теперь за дело! Снэйк тщательно порвал бумажку на мельчайшие кусочки и бросил в сторону. Ветер подхватил и понес их...

– Ваши документы! – неожиданно раздался голос рядом.

Снэйк оторопел: как мог он так задуматься, что не заметил, как к нему подошел постовой милиционер? Но что это значит, зачем ему документы?

– Документы? – переспросил Снэйк. – Какие?

– Шоферские права и паспорт.

Снэйк не спеша вынул из бокового кармана документы.

– Силин Михаил Иванович, – прочитал постовой вполголоса, – инженер. Та-ак... А что у вас случилось с машиной? – спросил он.

– Карбюратор засорился, пришлось вот повозиться... Теперь исправил. – И Снэйк-Силин полез в кабину.

Постовой внимательно смотрел на Снэйка. У него появились смутные, еще не осознанные подозрения. Не первый год дежурил он в этих местах, но до сегодняшнего дня ему еще ни разу не приходилось видеть, чтобы пассажир такси специально останавливал машину и лез на обочину дороги только для того, чтобы выпросить папиросу у незнакомого ему гражданина, ведь папиросы здесь можно купить через какие-нибудь три-четыре минуты езды, в первом встречном ларьке или магазине... И почему этот сутулый в черной шляпе подошел именно к инженеру Силину? На шоссе было много и других прохожих и проезжих. Стало быть, папироса – лишь предлог, сутулому нужно было за чем-то встретиться вот так именно с Силиным. Но в таком случае почему же оба они сделали вид, что незнакомы? Нет, тут что-то не то...

Когда коричневая машина скрылась из виду, милиционер возвратился на то место на обочине дороги, где она стояла, и стал внимательно осматривать цветы, траву.

«По-моему, он что-то тут бросил», – вспоминал милиционер, убеждая себя, что здесь произошла не просто случайная встреча. Ему пришлось довольно долго ползать на коленях, но все же он обнаружил и подобрал несколько крошечных кусочков бумаги. Разложив найденные обрывки на служебном блокноте, он принялся за поистине мозаичную работу. После

некоторых усилий ему удалось восстановить слово «приказ». Что бы это значило? Бумажку эту инженер Силин порвал и бросил сейчас же после того, как от него отошел высокий гражданин в черной шляпе. Очевидно, именно тот человек и вручил ему эту бумажку, так как трудно предположить, что Силин, возясь с карбюратором своего автомобиля, стал бы зачем-то держать ее в кулаке. К тому же, хотя бумажка и измята, но она чистая, стало быть, находилась в руках этого Силина всего какую-нибудь минуту и не успела загрязниться. Не значит ли это, что сутулый мужчина в черной шляпе и вручил Силину эту бумажку, прочтя которую Силин немедленно уехал? Что-то он ковырялся-ковырялся, а тут вдруг сразу исправил свою машину! Очевидно, здесь Силин поджидал того, другого. Та-ак... Но что значит «приказ»? По-видимому, Силину или приказали что-то сделать, или сообщали о каком-то приказе, который имеет к нему непосредственное отношение. Надо действовать! Номера обеих автомашин были записаны. Прежде всего следовало установить личность того, кто ехал в такси. Приказ Силину он передал, и теперь ему вряд ли есть смысл уезжать очень далеко, он должен скоро возвратиться. И действительно, прошло не более получаса, как постовой увидел знакомое такси, шедшее теперь к Москве. Он сделал шоферу знак остановиться и бросился к машине: пассажира в черной шляпе в ней не было.

Расставшись со Снэйком, Шервуд продолжал с лихорадочной быстротой разрабатывать план дальнейших действий. Возвращаться в Москву той же дорогой нельзя. Следовало избавиться и от шофера.

Неожиданно слева, несколько в стороне, показался заводской поселок, и по требованию Шервуда машина свернула влево. У большого четырехэтажного дома Шервуд предложил шоферу подождать.

Он вошел в подъезд дома и остановился: ему нужно было выиграть хотя бы минут десять, чтобы шофер убедился в том, что его пассажир находится у человека, к которому он и ехал по срочному делу. Однако не прошло и двух минут, как на лестничной площадке показалась молодая женщина.

– Вам кого, гражданин? – спросила она, с явным любопытством рассматривая незнакомца.

– Я ищу Стрекопытова, – соврал застигнутый врасплох Шервуд. – Вы не знаете, в какой квартире он живет?

– Стрекопытова? – повторила женщина. – У нас такого нет.

– Значит, я спутал... в другом доме...

– Я тут в поселке всех знаю, – сказала женщина. – Никакого Стрекопытова у нас нет. Да вам какой адрес-то нужен?

Шервуд пробурчал что-то неопределенное и решительно направился к выходу. За женщиной закрылась дверь, и, несколько успокоившись, Шервуд вышел на улицу.

– Я останусь здесь, у приятеля. Вам придется возвращаться одному, – сказал он шоферу и, расплатившись, снова вошел в подъезд. Но на этот раз он оставался в подъезде какие-то доли минуты: едва машина скрылась за поворотом, как Шервуд вышел на дорогу и быстро пошел по направлению к станции Лианозово. Если бы Шервуд не так спешил, возможно, он заметил бы, что невдалеке от него, в том же направлении, шла и женщина, которую он видел на лестничной площадке: она слышала, как, расплачиваясь с шофером, Шервуд говорил, что он останется здесь у приятеля. И удивилась: ведь никакого Стрекопытова поблизости не было, это она хорошо знала. Когда же она увидела, как, отделившись от шофера, незнакомец немедленно отправился на станцию, это ее насторожило. Что все это значило? Зачем этот человек приезжал сюда из Москвы, заплатив сорок рублей за такси? Движимая любопытством и еще не совсем осознанным беспокойством, женщина пошла следом за Шервудом, стараясь не быть им замеченной.

Они пришли на станцию. Шервуд подошел к кассе, взял билет на электричку до Москвы и стал с нетерпением ожидать поезда. Женщина же направилась к уполномоченному государственной безопасности.

Минут через десять Шервуд сидел в чистом и светлом вагоне поезда, который вез его в Москву.

Как только машина Снэйка оказалась в черте города, он поспешил к телефону-автомату. Ему ответил молодой мужской голос.

– Товарищ Красавин, вы сейчас свободны? – спросил Снэйк.

– Да, в чем дело?

– Я хотел бы часика через два встретиться с вами.

– Где? – поинтересовался собеседник. – Там, где в прошлый раз?

– Нет, нет, – усмехнулся Снэйк. До чего же наивен этот Красавин, не понимает, что два раза подряд встречаться в Измайловском парке не следует. Подумав, он сказал: – Придется вспомнить о втором варианте.

Красавин ответил:

– Я сейчас выезжаю.

– Хорошо.

Снэйк повесил трубку, вышел из кабины и, воровато оглядываясь, юркнул в автомобиль. Ничего подозрительного он не заметил и уже спокойнее включил мотор.

Два часа еще не миновало, как Снэйк вышел из автобуса номер пять.

Одет он был теперь в светло-серый костюм. Такого же цвета шляпа и изрядно нагруженный портфель придавали ему солидный вид. Его можно было принять и за почтенного ученого, и за крупного хозяйственника.

Выйдя из автобуса, он немного подождал, пока «пятый» повернул направо, в сторону высотного здания Московского университета, и, внимательно осмотревшись, направился прямо, вдоль шоссе, затем свернул в сторону и пошел полем, параллельно большим зданиям новых домов. Минут через десять Снэйк вышел к новой автобусной остановке. Здесь была конечная остановка, и автобусы приходили полупустыми. Красавин еще не приехал.

Снэйк начинал злиться. Так он, чего доброго, мог обратить на себя внимание. Но вот у окна очередной машины он увидел полное румяное лицо Красавина.

Тогда Снэйк, не дожидаясь, пошел прочь от остановки, вышел на Боровское шоссе и, аккуратно придерживая портфель, спокойно зашагал в сторону от города. Краешком глаза он следил за высокой атлетической фигурой Красавина, видел, как тот, осмотревшись по сторонам, устремился за ним и теперь быстро его нагонял. Он позволил Красавину догнать себя как раз там, где шоссе пересекала пешеходная дорожка, через пустое поле уходящая к видневшимся вдалеке новым строениям. Они свернули на тропинку и пошли полем. Здесь можно было разговаривать – подслушать их было невозможно, и любого, кто стал бы за ними следить, Снэйк легко заметил бы. В этом и было преимущество второго варианта, к которому он нередко прибегал для своих встреч с нужными ему людьми.

– Ну, рассказывайте, как дела, – обратился Снэйк к своему спутнику. – Занимаетесь ли спортом, как я вам рекомендовал, посещаете ли стадион?

Красавин пожал плечами:

– Спортom занимаюсь, что ж... а дела мои... я думаю, что вы вызвали меня сюда не для того, чтобы выслушивать болтовню о моих делах, которые не представляют для вас никакого интереса.

Снэйк исподлобья посмотрел на Красавина.

– Вы чем-то расстроены? Что-нибудь случилось? – спросил он.

– Мне надоело все это. Я не хочу больше работать на вас, понимаете – не хочу! И сегодня я приехал сюда для того, чтобы сказать вам об этом. Я требую, чтобы вы оставили меня наконец в покое. Поймите – я не желаю зачеркивать свою жизнь из-за преступной ошибки, совершенной, когда я еще был мальчишкой-студентом. Михаил Иванович, не могу я больше!

– Так, так, Красавин, – Снэйк строго посмотрел на парня. – Но вы же знаете, что за этим последует?

– Вы выдадите меня, разоблачите? – Красавин сжал кулаки. – Я готов нести любую ответственность за прошлое, но я не хочу кошмарного настоящего. Я не хочу умирать заживо, ежедневно... все время думать о том, что вот сейчас придут и арестуют меня.

– Для того чтобы вас арестовали, надо провалиться, а до этого не дошло, – заметил Снэйк. – Но вы опасный человек, Красавин. Это я говорю вам доверительно... И что же вы решили, если сегодня я отвечу вам отказом? Пойти на Лубянку и сообщить...

– О том, что некий гражданин Силин Михаил Иванович принуждает меня работать на иностранную разведку, – твердо закончил Красавин.

– И меня сейчас же арестуют! – Снэйк зло рассмеялся. – А вы уверены, что я действительно проживаю под той фамилией, под которой вы меня знаете?... Но дело не в этом.

Голос американца стал жестким и угрожающим.

– Мы с вами люди дела, и давайте решать их по-деловому. Итак, вы поступили на работу?

– Конечно нет, – ответил Красавин. – С того времени, как меня уволили по сокращению штатов, я давно мог бы устроиться на производство, но вы почему-то мне не разрешили. И в то же время избегали разговора со мной.

– Это естественно, – усмехнулся Снэйк. – Во-первых, я знал, о каком разговоре со мной вы мечтали, а такая беседа, как вы сами понимаете, не очень приятна мне; во-вторых, мне нужно, чтобы вы до поры до времени были свободны.

Красавин остановился.

– Михаил Иванович, или как вас там еще, – начал он. – Повторяю, я не хочу и не буду больше работать на вас. Довольно! И учтите, я не боюсь вас.

Снэйк тихо рассмеялся.

– Не кажется ли вам, дорогой мой, – сказал он, – что вы ломитесь в открытую дверь? Вы не хотите больше иметь со мной дела – я согласен. Вы удивлены? Да, да, я согласен. Почему? Да потому, что я тоже живой человек, и мне жизнь дорога, а иметь дело с вами опасно. Вы, Красавин, человек неуравновешенный, и кто знает, что вы можете выкинуть.

– Например, пойти на Лубянку? – иронически спросил Красавин.

– И это не исключено, – спокойно согласился Снэйк. – Или взбредет блажь наброситься на меня при встрече на улице. При вашей силе...

– Это могло бы случиться, – со смехом заметил Красавин.

– Шалишь, этого не могло бы случиться, – сказал Снэйк неожиданно новым, злым голосом. От его напускного спокойствия ничего не осталось. Он подошел к своему спутнику вплотную, поднимая на него застывший в бешенстве взгляд. – Если бы я считал это нужным, я уже сегодня двадцать раз отправил бы вас на тот свет, Красавин. Я могу сделать это и сейчас без всякого шума... Не думаете ли вы, что кто-нибудь увидит, как я расправлюсь с вами и брошу ваш труп вот в эту канаву? И ваши мощные мускулы не спасут вас, вы это отлично знаете.

Слово «снэйк» в переводе с английского на русский означает «змея». Вот сейчас Снэйк и действовал, как змея, он шантажировал Красавина и грозил ему смертью. И тот понял, что оказался в дураках: к чему, в самом деле, было бахвалиться своей силой, когда вот этот безжалостный, с оловянными глазами человек может в любую минуту лишить его жизни? Снэйк видел, как его молодой спутник вздрогнул.

– Я приказываю вам, – жестко сказал Снэйк, – быть умнее, если вы, конечно, на это способны. Отпустить вас «на волю» я согласен, черт с вами, вы слишком играете на моих

нервах, и мне это надоело. Но вам придется выполнить еще одно мое поручение. Только одно, даю вам в этом честное слово. И, можете мне поверить, что, если бы я давно не наметил вас для этого дельца, когда вы еще не ставили вопроса о разрыве с нами, я уже сегодня отпустил бы вас на все четыре стороны. Понимаете, Красавин? Выполните еще одно задание, получите вознаграждение – и можете жить, как вам заблагорассудится. Идет?

Красавин думал: «Ну а если не “идет”, тогда что? Можно ли быть уверенным, что тогда “Михаил Иванович” оставит меня в живых? Стоит ли из-за одного, последнего, задания рисковать жизнью?»

– Что вы от меня хотите? – спросил он.

Снэйк без труда разгадал тот психологический перелом, который произошел в его собеседнике.

– Вы должны сказать своим родным и знакомым, что решили поехать на целину.

– На целину?! – почти вскричал Красавин.

Снэйк саркастически улыбнулся:

– Что же в этом особенного? Сейчас многие едут на целинные земли. А вам ведь нужно устраивать свою жизнь, и специальность у вас подходящая – электрик.

– Но что же я буду там делать? – спросил Красавин.

– Об этом я скажу позднее, – ответил Снэйк. – А пока вы скажите, что поедете не работать, а только посмотреть, чтобы уже затем решить вопрос окончательно. Вы должны подготовить ваших родных и знакомых к мысли о том, что уедете не менее чем месяца на два, и к тому, что, поскольку вы все время будете разъезжать, они не смогут вам писать. Поняли?

– Та-ак... – произнес Красавин, явно сдаваясь. – А я действительно поеду на целину, и куда именно?

– О том, куда и зачем поедете, вы узнаете от меня за час до отхода поезда, когда я вручу вам билет, – резко сказал Снэйк. – Вы поедете через пять-шесть дней, но готовы к отъезду должны быть через три дня. Побольше будьте дома. Я хорошо, очень хорошо заплачу вам за это дело, Красавин! Вы будете обеспечены на всю жизнь, можете мне поверить.

– Хорошо... Но это будет последний раз, – напомнил Красавин.

– Я уже дал вам слово.

Они не спеша вышли на шоссе и разошлись в разные стороны.

Глава третья

Капитан Дуглас Нортон – молодой голубоглазый летчик атлетического телосложения – был явно сильнее нескладного увальня Каррайта. Тот был и значительно старше Нортон. Но Каррайт обладал одним редким качеством: он мог в невероятном количестве поглощать спиртное. При этом, как заметил Нортон, он не пьянел, лишь его квадратное лицо, лишенное какой-либо мысли, все более багровело, а оттопыренные уши странным образом шевелились.

Сегодня с самого утра Каррайт был занят коктейлями: бутылки стояли вдоль полок бара, как войско. Все бы ничего, но он дьявольски надоед летчику. Он надоед ему еще там, в Азии, откуда они вместе недавно прибыли...

...Аэродром, крепость в горах, секретная лаборатория, гитлеровец Краус, таинственные звонки, часовые на каждом углу подземных коридоров, идущих не только горизонтально, но и почти вертикально. Что они делают там: Прайс, Каррайт, Краус? И хотя Нортону никто не говорил, что Краус – фашист, он чувствовал это всем своим существом. Каррайт ездил куда-то в автомобиле, верхом, был подвижен, энергичен... И чем больше суетился этот неприятный человек с хриплым голосом пропойцы, тем больше в Нортоне росла уверенность, что по приказу своего шефа, Уильяма Прайса, Каррайт занимается чем-то преступным. Завеса тайны приоткрылась, когда Нортон узнал о научной экспедиции ботаника Смита, прибывшей в глубины Азии из США: в экспедиции были геологи, геофизики, топографы и просто агенты Центрального разведывательного управления. Но в ней не было ни одного ботаника, а под именем Смита фигурировал сам Каррайт. Члены экспедиции поселились в специальном лагере на горном плато, в двух шагах от секретной лаборатории Крауса. Они тренировались в лазании по горам, совершали большие переходы. Зачем все это? К чему они готовились? Чего ждали?

Нортон заметил, что в адрес лаборатории часто приходили грузы. Большие ящики поднимались кранами в расположенные в скалах помещения и исчезали. В ящиках – какое-то оборудование, но какое именно Нортону так и не удалось выяснить. Потом на базу прибыл профессор Старк. Это озадачило летчика еще больше и заставило его задуматься: вместе с Робертом Оппенгеймером Старк в течение ряда лет трудился над изготовлением атомного оружия в Лос-Аламосе. Что же ему нужно здесь, в горах Азии? Ответить себе на этот вопрос Нортон был не в состоянии. Но он не мог не заметить, что после приезда Старка людей из «экспедиции ботаника Смита» совсем изолировали от лаборатории, а Краус, Старк и Каррайт после нескольких путешествий по подземным помещениям и бесед за закрытой дверью сделались раздражительными и в то же время замкнутыми. Какая кошка пробежала между ними? Что нового в работу лаборатории внесло посещение ее Старком? Что не понравилось в ней известному ученому-атомщику? И зачем он здесь появился? Не свидетельствует ли его визит в Гималаи о том, что Прайс занимается и здесь разработкой все тех же проблем, связанных с использованием чудовищной силы атомного ядра? Дело, по-видимому, обстояло именно так. Этим, кстати, объяснялось и то обстоятельство, что лабораторию создали под видом военной базы, да еще в такой глуши, куда вряд ли мог бы пробраться самый ретивый репортер газеты или радио. К тому же весь обширный район вокруг лаборатории, с ее скрытыми между скал поселком научных работников и мощной электростанцией, находился на особом положении: въезд сюда посторонних, неизвестных местным властям лиц был совершенно исключен.

И чем больше Нортон присматривался к Старку, тем больше приходил к уверенности, что ученый чем-то поражен и подавлен, что он растерян и в то же время глубоко озабочен. Чем?

Всю прошлую войну Нортон провел на фронте, боролся с фашизмом. Теперь же он запознал себя в том, что является соучастником каких-то грязных дел, и ему стало не по себе.

...Однажды он возвращался с прогулки. На окраине селения его догнал автомобиль Старка. Ученый сидел за рулем. Нортон окликнул его, и Старк притормозил.

– Садитесь, – предложил он.

– Как ваше здоровье? – обратился к нему Нортон.

Тот с яростью посмотрел на него.

– Черт бы вас побрал! – почти крикнул Старк в гневе. – Не думаете ли вы, что честный человек может здесь хорошо себя чувствовать?!

– Сэр, к сожалению, я не знаю назначения лаборатории, я только летчик...

Старк внимательно посмотрел на собеседника.

– Почему «к сожалению»? – спросил он почти миролюбиво.

– Потому что я воевал против Гитлера, мистер Старк, – тихо ответил Нортон.

– И что же вас беспокоит?

– Всё, – Нортон повел рукой перед собой. – Для чего все это? Зачем здесь вы? – он сказал это зло, с вызовом.

Тормоза резко скрипнули, и машина остановилась. Старк всем телом повернулся к Нортону, и на его лице летчик увидел выражение тревоги.

– Вы понимаете, чего вы хотите? – спросил он.

Нортон несколько растерялся, но все же ответил:

– Кажется, понимаю.

– Нет, вы не понимаете! – вскричал Старк. – В тот момент, когда вы станете обладателем тайн Уильяма Прайса, вы можете заказывать по себе панихиду, – и он решительно взялся за руль.

Но Нортон не хотел так легко сдаваться.

– Я должен знать, что делают люди в этой чертовой лаборатории, – упрямо произнес он.

– Почему? – Старк пылливо посмотрел на него.

И тогда Нортон понял, что ученый не доверяет ему, не уверен в том, что его, Нортон, не подослали к нему. И, поняв это, почувствовал свое бессилие. Чем, в самом деле, мог он убедить Старка в своей искренности? Больше он не мог оставаться с ученым. Он пожал плечами и, положив руку на руль машины, попросил остановить ее.

Старк усмехнулся:

– Обиделись, капитан Нортон?

– И да, и нет. По-своему вы правы, – ответил летчик. – Но мне от того не легче. Я хочу быть уверен, что дело, которому меня сейчас заставляют служить, не связано с новой мировой войной.

– Вас беспокоит совесть? – почти весело спросил Старк.

– Я не думаю о своей шкуре, – ответил Нортон.

Старк задумался.

– Вам не следует знать тайну этой адской лаборатории, – произнес он. – Вы все равно ничего не сможете изменить, Нортон. Да я и ничего не могу вам сообщить, на это потребовалось бы слишком много времени, а за мной здесь следят. Если вы честный человек, уходите от Прайса. Этот человек полон чудовищных замыслов. Сейчас он пытается осуществить свои планы диверсий против Советского Союза и Китая, планы «Бездна», – при этих словах Старк протянул руку в сторону синевящей невдалеке громады гор, где находилась лаборатория Крауса, – и «Космос».

– Стало быть, он пытается развязать новую войну... – сказал Нортон.

– Боюсь, что его замыслы идут дальше. – Лицо профессора стало непроницаемым. – Прощайте, мне пора.

Нортон вышел из машины и по тропинке направился в сторону: ему хотелось побыть наедине со своими мыслями. Автомобиль Старка исчез в облаках пыли.

«Бездна» и «Космос», что же означает этот шифр? По-видимому, в них и скрыта суть проводимой по приказу Прайса работы. Но какой работы? Что же все-таки Краус и его амери-

канские коллеги делают в лаборатории Прайса, здесь, в Гималаях? И какое отношение эта их работа имеет к экспедиции Смита? А что какая-то связь имеется, в этом Нортон был уверен.

Летчик думал о словах ученого: «Если вы честный человек, уходите от Прайса». Но Нортон не мог согласиться с ним. Ему казалось сейчас, что, наоборот, если он честный человек, то должен не уходить от Прайса, а оставаться возле него, проникнуть в его тайны, чтобы затем вступить с ним в борьбу. Он, к сожалению, не знал, что только что люди Прайса видели его беседующим со Старком и что участь Нортон была уже тем самым предрешена. Впрочем, не знал об этом и Каррайт, иначе он, конечно, не пришел бы во флигель, временно предоставленный летчику на вилле Прайса на Гудзоне, и не стал бы столь беззаботно с утра возиться с коктейлями.

На этот раз Каррайт был все же пьян.

– Бо-та-ни-ки!.. – бормотал он и грозил кому-то пальцем. – Но я-то здесь при чем? Пусть уж с ними возится Краус. Я устал жить одними нервами. Да, да! Мне надоело рисковать жизнью. Краус!.. Этот чертов проныра думает снова выехать на мне... Шалишь! Не поеду, и все! Какое мне дело до этих русских ученых – Ясного и Лучинина? Черт побери, не бандит же я, чтобы заниматься мокрыми делами! Он помолчал.

– Н-да... – снова вполголоса заговорил Каррайт, – их есть кому ликвидировать и без меня, будьте покойны... А мне пора в Военно-связной комитет. Правда, Дуглас?

Нортон сделал вид, что спит.

Так вот оно что! Каррайт ждет от «короля урана» за свои заслуги тепленького местечка в Военно-связном комитете при Комиссии по атомной энергии. И это вполне возможно: формально Каррайт военный, по существу – верный слуга Уильяма Прайса, одного из архимиллионеров США. Ловко! Но при чем тут какие-то русские ученые, Ясный и Лучинин? «Ботаники»! Так, стало быть, «экспедиция Смита» имеет какое-то отношение к предстоящему покушению на двух русских, о котором только что проболтался Каррайт? Надо что-то предпринять, и немедленно, но что?

Старк медленно поднимался по ступеням лестницы. Он был недоволен собой, недоволен тем, что согласился приехать в Прайсхилл. Зачем, в самом деле, было приезжать? Разве не ясно заранее, что предстоящий разговор с Прайсом не даст ничего нового, что он, в сущности, не нужен? Конечно же, это совершенно очевидно, по крайней мере для самого Старка. Но Прайс почему-то упорно не хочет понять этого, он предпочитает считать свои грязные дела бизнесом и делает вид, что не видит в них ничего из ряда вон выходящего. Во всяком случае, так он говорил во время последнего коротенького разговора по телефону. И вот вместо того чтобы послать Прайса к черту, Старк сдался на уговоры и приехал на его виллу для последней беседы. Ученый сердито фыркнул и остановился, чтобы поправить пенсне. Он посмотрел назад на деревья, закрывающие отсюда широкую гладь Гудзона, взглянул на уже высоко поднявшееся солнце и вдруг неожиданно рядом с собой заметил Нортон.

– Хэлло, профессор, – почти вплотную приблизился к нему летчик.

– Хэлло, капитан, – Старк приветливо и несколько смущенно поднял шляпу.

Он сделал шаг навстречу Нортону и тихо произнес:

– Я приехал сюда для последней беседы. Вы меня понимаете?

– Если я вас правильно понял, вы поступили опрометчиво, – сказал Нортон. – Будьте осторожны... Вы даже не представляете, что эти люди могут с вами сделать.

– Наоборот, я хорошо представляю это, – ответил профессор, – но следует иметь в виду, что опасность теперь угрожает мне или может угрожать, независимо от того, где я буду находиться, – здесь или дома... Послушайте, – быстро проговорил он, – если со мной что случится, разыщите мою дочь и помогите ей... Чармиан останется совсем одинокой.

Нортон молча кивнул, пожал ученому руку и, круто повернувшись, пошел к флигелю, видневшемуся невдалеке.

Старк, высокий, худой, с плотно сжатыми челюстями, решительно поднялся по ступеням, прошел по коридору, постучал в дверь кабинета Прайса. Он был так поглощен своими мыслями, что совершенно не обратил внимания на то, что его почему-то никто не встретил.

– Кам ин! Войдите! – послышался голос Прайса, и Старк толкнул дверь.

При виде профессора Прайс поднялся из-за массивного письменного стола и с протянутой рукой сделал несколько шагов навстречу.

Они уселись в глубокие кожаные кресла. Прайс с нескрываемым любопытством смотрел на Старка, но Старк молчал. Он справедливо считал, что на этот раз молчание будет убедительнее слов: Прайс сразу должен понять, что он, Старк, тверд в своем решении и категорически отказывается сотрудничать с ним. Он пытливо взглянул на Прайса, ожидая увидеть на его лице так хорошо знакомое ему выражение недовольства и озлобленности. Однако, к своему удивлению, Старк заметил, что Прайс чем-то весьма доволен.

– Признайтесь, вы здорово напуганы, – спросил Прайс со смешком, хлопнув собеседника по коленке.

Ученый неопределенно пожал плечами.

– Вот как!.. – протянул Прайс, наморщив лоб. – В таком случае в чем же дело, почему вы не желаете взяться за работу? Я хотел бы, чтобы вы помогли мне в работах лаборатории Крауса в Гималаях и в моих космических затеях, – Прайс хихикнул, желая, по-видимому, подчеркнуть не совсем обычный характер этих его «затей». Кажется, он хотел, чтобы Старк рассматривал их как чудачества миллиардера.

– Я много думал, – сказал Старк, – и пришел к выводу, что, независимо от того, удастся или нет вам осуществить ваши планы, они направлены против мира, против человечества, и я не могу помогать вам.

На испещренной морщинами птичьей физиономии Прайса появилось выражение искреннего изумления.

– Вы в чем-то ошибаетесь, мой друг, – сказал он мягко. – Я первый готов отдать все, что имею, для блага человечества, и прежде всего для блага моей страны.

– Под словами «благо страны» каждый из нас понимает нечто различное, – жестко сказал Старк. – По крайней мере то, что я видел своими глазами, никак не может служить на пользу моей Америке!

Прайс едва сдерживался.

– Вы ошибаетесь, друг мой, – он попытался улыбнуться. – Мои планы, в осуществлении которых мне нужна ваша помощь, преследуют лишь цели обороны.

– Обороны? От кого? – Старк рассмеялся. – Я, право, не ожидал, что вы со мной начнете разговаривать как с мальчишкой, – продолжал он почти обиженно. – Басни об обороне вы можете рассказывать кому-нибудь другому. Это не в Гималаях ли вы собираетесь обороняться? Но я не расположен шутить, мистер Прайс. Я приехал сюда по вашей просьбе, но не могу ничего сказать иного, кроме того, что вы уже знаете: моя совесть ученого не позволяет мне принять ваше предложение.

Но Прайс, кажется, и не слышал, что ему говорили.

– Скажите откровенно, – обратился он к ученому, – что вы думаете насчет теории Крауса?

– Я уверен, что, к счастью, теория Крауса – авантюра, – ответил Старк резко. – Пытаться добиваться расщепления атомного ядра в естественных условиях – это же фантазия и блеф. Краус напоминает мне древних алхимиков, трудившихся над изготовлением золота.

– Ну, – усмехнулся Прайс, – как вы знаете, в принципе алхимики были правы. Теперь, когда мы научились превращать элементы, мы умеем изготовлять и золото.

– Да, теперь, – согласился профессор, сделав ударение на последнем слове.

– Я исхожу из того, что, как правило, всякая теория, особенно такая дерзкая, как та, что выдвинул Краус, сначала кажется вздорной, – заметил Прайс. – Так вы, стало быть, не хотите работать со мной именно потому, что боитесь зря потерять время?

Старк почувствовал, как в нем поднимается гнев.

– Терять время на всякие антинаучные фантазии у меня действительно нет никакого желания, терять же время на попытку осуществить не только бредовые, но и чудовищные по своему замыслу теории я считаю для себя принципиально неприемлемым, – с прежней резкостью пояснил он.

– Политика вас не касается, – быстро перебил его Прайс. – Я предлагаю вам выгодные условия, даю вам лабораторию, подобной которой в США не имеет ни один ученый. Я прошу вас только об одном – думать не о политике, а о науке. Что же вам еще нужно?

Старк с изумлением посмотрел на Прайса: на этот раз даже он, привыкший ко всему, удивился.

– Мне ничего не надо, – стараясь сохранить самообладание, ответил он. – Я не могу принять ваше предложение, мистер Прайс.

На физиономии Прайса появились красные пятна.

– Черт возьми! Вы загнали меня в тупик, – закричал он со странным, не подходящим к случаю весельем. – Говорите же, какие ваши условия. Я заранее на все согласен.

Старк не мог понять, почему его доводы не доходят до сознания Прайса.

– Я не буду трудиться над осуществлением ваших планов вовсе не потому, что меня не устраивает жалование, мистер Прайс, – холодно пояснил он. – Я не хочу заниматься сомнительными делами.

– Вы... вы... – Прайс в бешенстве вскочил на ноги.

Старк не смутился.

– Ваши замыслы грозят миру войной, – сказал он.

– Если я буду вынужден действовать, то это будет лишь превентивная война!.. – вскричал Прайс.

– То, что вы замышляете, – не война, а убийство, массовое убийство мирных людей, – сурово прервал его ученый. – И я не хочу быть соучастником ваших преступлений. Войну же правомочны объявлять только правительство и конгресс.

Прайс расхохотался.

– Пусть этот вопрос вас не беспокоит, – произнес он сквозь смех.

Старк отлично понял значение этого презрительного смеха: Прайс всерьез думал, что Америка – это он.

– Я не знаю, выйдет ли что-либо из ваших планов, но совесть ученого не позволяет мне отдавать свои знания и опыт делу истребления людей.

– Черт возьми! – сердился Прайс. – Можно подумать, что до сих пор вы занимались изготовлением кукол, а не атомных бомб в Лос-Аламосе! Разве это я, а не вы убили сотни тысяч японцев в Хиросиме и Нагасаки?

Теперь настал черед Старка в гневе подняться с места.

– Их убил Трумэн и его советники! – вскричал он. – Мы, ученые, были против истребления людей с помощью атомной бомбы...

– Против! – презрительно перебил его Прайс. – Разве вы изготавливали атомные бомбы для того, чтобы они лежали без действия? Разве не ради изготовления вами атомной бомбы мы тогда затратили огромные деньги на постройку атомных заводов в Хенфорде и Окридже? Тогда вы работали...

Старк провел рукой по лбу.

– Тогда нас уверяли, что атомная бомба нужна для победы над фашизмом, – перебил он Прайса. – Нас уверяли, что если мы не создадим атомную бомбу раньше, чем ее создаст

Гитлер, то Америке и нашим европейским союзникам будет плохо. Поэтому мы и работали изо всех сил. Но нас подло обманули! И больше работать на войну я не желаю, с меня довольно.

Прайс пристально посмотрел на него.

– Тогда вы помогали нам в борьбе против Гитлера, против фашизма, сейчас я прошу вас помочь нам в борьбе против коммунизма, не менее, а, может быть, более опасного для нас врага, – он говорил размеренно и почти спокойно. – И я не понимаю, почему же теперь вы отказываетесь...

– Я не буду работать для того, чтобы вы могли убивать людей.

Старк взял вторую сигарету, но не закурил, а незаметно для себя раскрошил ее.

– Хорошо, – спокойно произнес Прайс. – Крайности в ваших выводах пусть останутся на вашей совести... – он пожал плечами. – Не могу же я насиловать вашу волю. Я считал вас человеком дела и расчета. Увы – я ошибся. Уверен, что вы сумеете сохранить в тайне все, что узнали о моих делах, и то, что вы видели у меня в Стальном зале.

– Безусловно, – заверил Старк.

– Будем считать, что на этом наши деловые отношения закончились. – Прайс задумчиво прошелся по кабинету, затем подошел к профессору и пожал ему руку.

– Гуд бай, – сказал он, прощаясь.

Старк направился к выходу. Ему стало неожиданно легко, точно он сбросил с себя тяжелый груз, давивший его. Было приятно сознавать, что кончился кошмар, мучивший его последнее время. Напрасно еще совсем недавно, перед входом в этот дом, он беспокоился о том, что Чармиан может остаться одинокой.

Прайс смотрел профессору вслед тяжелым, злобным взглядом.

За Старком закрылись тяжелые двери кабинета. Мысль о Чармиан в этот момент была его последней мыслью...

Дуглас Нортон долго еще стоял у окна, дожидаясь, когда Старк выйдет из дому, но он так и не появился. А некоторое время спустя Нортон увидел, как машина, на которой профессор приехал, ушла из Прайсквилла без Старка. Летчику стало ясно, что с ученым случилось несчастье, что, к сожалению, оправдались самые худшие его опасения.

А Прайс еще добрых четверть часа после того, как за профессором закрылась дверь, продолжал бегать по кабинету.

– Он считает авантюрой дело всей моей жизни... – шептал он сквозь стиснутые зубы. – Идиот!

Дверь бесшумно открылась и в кабинете появился Скаддер.

– Готово, босс... сделано, – доложил он.

– Все так, как я приказал? – осведомился Прайс.

– В точности. – На уродливой лошадиной физиономии Скаддера появилось подобие улыбки.

– Хорошо, идите и позовите ко мне мистера Каррайта, – приказал Прайс.

Каррайт не заставил себя ждать. Несмотря на изрядную выпивку накануне, а может быть, именно потому, он держался бодро и предупредительно: он боялся вызвать недовольство своего шефа. Каррайт ожидал обстоятельной беседы и готовился к докладу о ходе выполнения задания в Азии, но получилось совсем не так, как он ожидал. Прайс указал ему рукой на кресло и, как только Каррайт раскрыл папку с бумагами, прервал его:

– Не надо. Я сам прочту... в ближайшее время я вызову сюда Крауса, он и доложит. Вам же следует возвратиться в Азию и всецело заняться вашими «ботаниками». Вы должны немедленно тронуться в путь и, оставив лабораторию в Гималаях на Крауса, перевалить через горы, незаметно пробраться на территорию Западного Китая. Вас не должны обнаружить ни советские, ни китайские власти.

Прайс посмотрел в сторону Каррайта: на квадратном, лишенном выразительности лице он не уловил ни тревоги, ни сомнений, ни мысли – ничего. Прайс продолжал:

– Позднее вы установите связь с Ла Лоу.

Каррайт кивнул, но ничего не сказал.

– Ла Лоу – ваш козырь, – сказал Прайс.

– Установить связь с ним будет трудно, – пробурчал Каррайт.

– Знаю, – согласился Прайс. – Его гоняют с места на место... но он может оказаться вам совершенно необходимым – как-никак у Ла Лоу несколько сот человек, и если ваша «экспедиция» очутится в критическом положении, он выручит вас. Связь с Ла Лоу должна быть абсолютно секретной.

Каррайт снова молча кивнул. Он ждал, когда же шеф скажет ему, где, как и по какому сигналу ему следует попытаться перейти советскую границу, но Прайс опять озадачил его.

– Вам не надо переходить советскую границу, – сказал он. – В этом нет никакой необходимости. Руководство разведывательного управления предложило другой вариант, с которым я согласился. Это вариант номер один.

Каррайт с недоумением посмотрел на него. Прайс усмехнулся.

– По этому варианту основное задание будет выполнено не вами, – пояснил он. – Лучинин и Ясный будут ликвидированы в горах Тянь-Шаня без вас. Вы должны лишь пробраться вот в этот пункт, – Прайс ткнул пальцем в разостланную на столе карту Западного Китая, – встретить там Двадцатого, получить от него материалы для меня – и только!

Каррайт вопросительно взглянул на шефа: что тот хотел сказать словами «и только»? Получить и доставить материалы... А как же быть с самим Двадцатым? Но уточнять не имело смысла – Прайс любил, чтобы его понимали с полуслова: тайна должна остаться тайной – таков был его девиз.

Казалось, Прайс понял мысли собеседника.

– Двадцатый может мне потребоваться, – бросил он.

Каррайт внутренне усмехнулся: никто не знает, какие трудности придется преодолевать там, на территории Синцзяна, и окажется ли возможным вместе с материалами доставить в сохранности и живой груз – Двадцатый не бумажка, его не спрячешь в карман!

Прайс отлично знал, что поездка в Азию, особенно нелегальный переход в Синцзян, Каррайту не по душе, знал он и причины плохого настроения Каррайта – у того свежа была травма, полученная в результате провала его шпионско-диверсионной деятельности в Урумчи и Кашгаре. Но Прайс не был сентиментален, и сейчас он сочувствовал не столько Каррайту, сколько самому себе: важнейшее дело приходилось доверять человеку, у которого до сих пор не прошел озноб от пережитого им в Синцзяне, именно там, куда ему придется отправиться снова. А это плохо. Но, с другой стороны, пожалуй, вряд ли можно найти другого, кто знал бы районы Западного Китая лучше Каррайта. К тому же Каррайт лично знаком с гоминьдановским генералом Ла Лоу, продолжающим со своей бандой рыскать то на границе Тибета, то в оазисах пустыни Такла-Макан. Эти-то обстоятельства и решили вопрос о том, кому поручить выполнение очередного задания в Синцзяне.

Прайс понимал, что Каррайта следует морально поддержать, и знал, как это надо сделать.

– Это будет ваше последнее задание такого рода, – сказал он. – Как только операция с Двадцатым будет успешно доведена до конца и нужные документы окажутся в моих руках, вы получите назначение в Военно-связной комитет при Комиссии по атомной энергии.

Каррайт с благодарностью пожал шефу руку.

– Вы сказали, что встреча Двадцатого со мной у Небесных гор – вариант номер один. Следовательно, если ему почему-либо не удастся пробраться ко мне, то придется вводить какой-то другой вариант для того, чтобы организовать его переброску через советскую границу? – обратился он к Прайсу.

Прайс передернул плечами.

– Вы страшно догадливы... Раз есть вариант номер один, то, естественно, должен быть и вариант номер два. И он есть. Но не беспокойтесь, во-первых, я думаю, что мы ограничимся операцией в Центральной Азии, во-вторых, если придется применить и второй вариант, то для этого, наверное, будут подобраны новые люди. Ваше участие может не потребоваться.

На минуту в комнате установилось молчание.

– Я понимаю ваше нежелание снова оказаться под угрозой быть пойманным китайскими коммунистами, – начал Прайс. – Но, к сожалению, ваша поездка совершенно необходима. Было бы лучше, если бы мы в свое время купили у Чан Кайши Синцзян и Тибет, как когда-то купили Аляску у русского царя. Я поддерживал проект покупки Синцзяна и Тибета, выдвинутый генералом Ченнолтом, но, как вы знаете, миссия генерала Ведемейера, которая вела переговоры с Чан Кайши, не имела успеха потому, что китайские красные слишком быстро развивали свое наступление с севера на юг, и Чан Кайши пришлось бежать на Тайвань. Мы не успели.

– Да, все это так, – согласился Каррайт. – Получив в свою собственность территорию Западного Китая, мы здорово улучшили бы наши стратегические возможности в предстоящей войне с Советским Союзом.

– Миссия Ведемейера опоздала, – продолжал Прайс. – И я до сих пор не могу понять, о чем думал генерал Маршалл, ведь он-то имел все возможности заблаговременно договориться с гоминьдановцами о приобретении нужных нам территорий в Китае. И тогда прежде всего не существовала бы Китайская Народная Республика, и мне незачем было бы теперь ломать голову над тем, как ее уничтожить.

– Мы получили бы прекрасную базу для наших бомбардировщиков и истребителей, – мечтательным тоном пояснил Каррайт. – И я не пробирался бы туда тайком, рискуя жизнью.

– Я всегда говорю, что наши дипломаты ни к черту не годятся, – желчно проворчал Прайс.

– Когда мне выезжать к моим «ботаникам»? – спросил Каррайт.

– Как можно скорее. Во всяком случае, через две недели вам надо находиться уже в Гималаях, близ китайской границы, – ответил Прайс.

– Я поеду с Нортоном?

– Нет, – голос Прайса сделался резким. – Я подозреваю, что этот человек может оказаться предателем.

– Что? – Каррайт побледнел. Он старался сейчас вспомнить, не наговорил ли он чего-нибудь лишнего летчику, к которому чувствовал симпатию.

– Краус сообщил мне, что была отмечена продолжительная беседа Нортона со Старком. Да и сегодня он снова о чем-то шептался с ним. Не исключено, что профессор мог наболтать Нортому лишнее. Понимаете?

Но Каррайт не понимал. Он давно ждал дальнейших объяснений, и Прайс дал их.

– Старк овладел секретом моих планов, проник в тайну лаборатории в Гималаях, а затем вот здесь, час назад, отказался работать со мной, и мне, естественно, пришлось обезвредить его. Видит Бог, – Прайс поднял глаза кверху и молитвенно сложил руки, – я не хотел ему зла, но он оказался опасно наивным, и мне пришлось принять кое-какие меры. Он должен был заранее предвидеть такой конец нашей дружбы. К сожалению, он живет книжными представлениями.

– Ну и черт с ним, – сказал Каррайт. – Меня больше интересует Нортон. Кто же у вас будет вместо него? Кто сможет управлять таким самолетом, как ваш «Метеор»?

– О, пилота мне уже подыскали, – ответил Прайс. – Его фамилия Гейм, капитан Стивен Гейм, боевой офицер, не интересуется политикой. Через несколько дней он будет здесь. Я сумею найти с ним общий язык.

– А как же с Нортоном?

– Капитан Нортон отправится для прохождения службы в Гренландию.

Глава четвертая

Полковник Бриджес подошел к висящей на стене большой карте и ткнул пальцем куда-то в самую верхнюю часть изображенной на ней территории.

– Что вы видите здесь? – обратился он к капитану Гейму.

– Пустое место, сэр.

– Уже завтра оно перестанет быть пустым... Завтра туда вылетим мы с вами, капитан.

– Но у меня нет самолета.

– На этот раз вам придется быть пассажиром. Вы включены в нашу экспедицию в качестве специалиста по посадке самолетов в сложных условиях. Мы с вами должны найти там площадку для строительства новой авиационной базы.

– Как, еще одной? – спросил Гейм.

Бриджес пояснил:

– Капитан, наша задача – создавать не только как можно больше баз, но и как можно дальше от собственной нашей территории. В условиях Гренландии, где мы с вами сейчас находимся, это означает прежде всего продвижение на север, поближе к полюсу. Понимаете?

– Н-да... – Гейм кивнул головой. – Как называется это чертово место, куда мы полетим завтра?

– Земля Пири, а может быть, Земля Кронпринца Кристиана – решим, когда будем в воздухе над теми местами.

– Разрешите мне, полковник, захватить с собой моего бортмеханика?

– Как его фамилия? – спросил Бриджес, вооружаясь карандашом.

– Роберт Финчли, сэр.

– Хорошо. Мы возьмем его с собой. Рекомендую учесть, Гейм, – экспедиция наша весьма рискованная. Если что случится, придется уповать на Всевышнего. А теперь идите собирайтесь.

И Гейм очутился на улице.

Полуденное, незаходящее солнце Заполярья освещало бескрайние ледяные просторы, играло на острых гранях огромных ледяных гор, окрашивая их то в сапфирово-голубой, то в изумрудно-зеленый цвет. Серебристо-белым пологом поднимался остров к горизонту и, пересеченный бликами солнечной позолоты, обрывался к востоку.

Поселок датских заполярников Туле расположен на западном берегу Гренландии, на семьдесят шестом градусе северной широты, далеко на север от Полярного круга. Ледяное безмолвие Баффинова залива и постоянные снежные штормы безлюдных арктических пустынь, казалось Гейму, превратили поселок в забытый Богом уголок. Но таково было лишь его первое впечатление: гигантский аэродром, отрытые в скалах бензохранилища, множество военных самолетов и пять тысяч американских солдат придавали поселку вид гарнизонного городка, выдвинутого далеко в сторону противника. Датчан, которым формально принадлежит Гренландия, летчик не увидел.

Мрачный и сосредоточенный вошел Гейм в отведенный ему домишко. Постоянный спутник и помощник капитана – бортмеханик Финчли, которого Гейм мысленно не называл иначе как Крепыш Боб, был занят тем, что пытался придать жилищу «одомашненный» вид: на стенах уже появилось несколько фотоснимков родных и друзей.

– Отставить, – сказал ему Гейм и лег на койку. – Собирайся.

– Когда вылет?

– Через несколько часов.

– Куда?

– К дьяволу в пасть, – ответил Гейм серьезно.

Крепыш Боб – коренастый, черноглазый, несколько ниже Гейма ростом. Долгие годы совместной службы крепко сдружили этих двух как будто противоположных по характеру людей. Боб Финчли много читал, имел свое суждение о людях, явлениях, событиях. Последнее обстоятельство, в сочетании с необычной склонностью Боба Финчли поговорить, часто причиняло Гейму изрядное беспокойство. Иногда капитан наставлял помощника:

– Вот что, Боб, я разрешаю тебе заговорить меня до смерти, так и быть... но умоляю: держи язык на привязи, помолчи, когда вокруг нас болтаются разные субъекты, среди которых, ручаюсь, немало секретных осведомителей Бюро федеральной разведки. Не хочешь же ты, в самом деле, чтобы нас вызвали в какую-нибудь комиссию конгресса...

Надо отдать справедливость Финчли: увещевания друга подействовали на него, и в конце концов почти единственной жертвой его любви поболтать стал Гейм.

– К дьяволу в пасть... – повторил Боб задумчиво и проворно вынул из чемодана карту Гренландии. – Значит, полезем на север.

– Почему ты так думаешь? – поинтересовался Гейм.

– Посуди сам: в центре этой огромной ледяной пустыни, именуемой Гренландией, нам делать нечего. На юге и востоке имеется достаточно других ребят на наших базах, там обойдутся без нас. Остается северная часть этого злосчастного острова, в насмешку над нами с тобой названного «Зеленой землей». Север, север – тем более что нас ведь так и тянет к полюсу! Абсолютно ясно. Так... – продолжал Боб. – Куда же нас забросит рок? Ты говоришь, в пасть? Выше этого паршивого поселка даже наши ледоколы по Баффинову заливу не поднимаются... С востока – Гренландское море, тоже для судов фактически недоступное из-за льдов. Ясно, дружище Стив, если пастью дьявола нельзя назвать, к примеру, Землю Пири, то я... впрочем, готов поставить сто против одного... Идет?

Рассуждения Боба Финчли были не лишены логики. Немного отдохнув, Гейм и Финчли отправились на вещевой склад – нужно было подготовиться к полету на север, в места ледяной стужи и ужасных снежных ураганов. Летчики выбрали себе одежду, сшитую из нескольких слоев меха, надели по четыре пары перчаток и толстые фетровые сапоги. Рядом со складом что-то делали десятки рабочих. Оказалось, что это строители будущей военной базы. В ожидании отправки еще дальше на север они приводили в порядок приготовленные для обитателей базы разборные домики. Каждая часть такого домика состояла из предназначенной для отражения тепла алюминиевой пластинки на внутренней стороне, затем фанеры, стекла, асбеста, досок и, наконец, слоя брезента. Все это соединено вместе при высокой температуре и под огромным давлением.

– Опыт полярников-датчан, – пояснил летчикам очутившийся рядом с ними полковник Бриджес.

– Теперь спать, – скомандовал Гейм, и они отправились в свое временное убежище.

– Попробуй поспи тут, – ворчал Боб Финчли, – солнце лезет во все щели. И вообще, то ли сейчас полночь, то ли полдень, не могу понять.

– Спать, спать, – торопил Гейм. – Через несколько часов вылет.

И наконец, кое-как закрыв окно, друзья уснули.

Глава пятая

Двухмоторный, снабженный лыжами самолет С-47 уже несколько часов находился в полете. Гейм рассматривал своих спутников. Вот прильнул к окну полковник Бриджес. Рядом с ним хмурый капитан воздушных сил Дуглас Нортон. Группу рабочих и техников возглавляет Джо Брэй, «Человек с Аляски», в штанах из шкуры белого медведя, с паяльной лампой у пояса. Позади полковника устроились неизвестно зачем попавшие сюда тщедушный старичок Лоусон и верзила Скаддер. Как сказал Гейму полковник, Лоусон – крупный ученый-геолог. Что же касается его спутника, не то секретаря, не то ассистента, Скаддера, Гейм никак не мог определить его роль в этой экспедиции.

Самолет стремительно шел на север, затем повернул на северо-восток. Финчли уткнулся в карту – он разыскивал на ней пункт, где, по его предположению, должна быть совершена посадка. Гейм присматривался к Нортону. Погруженный в свои размышления, тот, казалось, мало обращал внимания на окружающее и едва ли слышал слова полковника, обращенные к ученому.

– Мы находимся на вершине мира! Это знаменательный факт, – произнес с воодушевлением Бриджес. – Здесь проходит наш новый ледяной фронт – от залива Моулд и Земли Элсмита в Канаде до Земли Пири и Земли Кронпринца Кристиана в Северной Гренландии. Эти территории находятся на пятьсот пятьдесят миль ближе к полюсу, чем мыс Барроу в Аляске.

Полковник говорил о значении военной базы, которую им предстоит построить «на вершине мира».

Гейма же занимал вопрос, что произошло с Нртоном, с тем чудесным веселым Нртоном, с которым он во время войны с гитлеровской Германией не только неоднократно встречался, но и принимал участие в совместных военных операциях. Разве можно забыть «челночные» полеты над Южной Европой с остановками на аэродромах в России? Однако Нортон, сильно осунувшийся и погруженный в какие-то невеселые думы, кажется, даже не хотел узнавать Гейма.

Самолет стремительно мчался все дальше и дальше, рассекая пространство, наполненное безмолвием, холодом и светом полярного дня.

– Знаете, господа, – сказал полковник, – если когда-нибудь вспыхнет война, этот район, один из самых безлюдных в мире, станет ареной битвы огромных флотов бомбардировщиков и истребителей.

«Неужели он действительно верит всей той чепухе, которую говорит? – думал Гейм. – Нет, вряд ли».

– Я был там, – продолжал Бриджес, простирая руку вперед. – Мне удалось найти такое место, что я едва мог себе поверить: под самолетом находилась долина, достаточная для того, чтобы вместить полдюжины аэродромов такого размера, как нью-йоркский аэродром Ла Гардиа. И я решил, что это место, откуда широко открываются просторы Северного Ледовитого океана и Атлантики, является идеальным для создания военной базы.

Гейм взял у Финчли карту.

– Где мы? – спросил он.

– Подходим к мысу Риксдаген, – пояснил бортмеханик.

Полковник поднялся и прошел в кабину пилота.

– Я думаю, – тихо сказал Финчли Гейму, – что пасть дьявола, о которой ты вчера говорил, находится теперь где-то под нами.

Бортмеханик оказался прав. Только Бриджес уселся на свое место, С-47 пошел на посадку. Полковник торжественно улыбался.

– Здесь, – проговорил он и ткнул пальцем в окно.

Гейму казалось, что самолет падает, но нет, вот моторы опять заработали четко, и вдруг сильный удар потряс машину. Удары следовали один за другим. Предохранительные пояса оборвались, и людей стало бросать из стороны в сторону. Выпавший из сетки термос больно стукнул Гейма по колену. Внезапно окна закрыло огромное снежное облако, моторы перестали работать, и самолет остановился.

Бриджес был взбешен.

– Что такое? Ничего не понимаю! – кричал он, потирая ушибленные места. – Мы у мыса Риксдаген? – спросил он пилота.

– Так точно, сэр.

Все стало ясно, как только пассажиры выбрались на лед. Там, где, по мнению полковника, должна была находиться зеркально-чистая поверхность, оказались высокие ледниковые наносы. Слева, в море, было много айсбергов, отсвечивающих жутким зеленым светом.

Термометр показывал двадцать градусов мороза. Стояла тишина, не нарушаемая ни криком птиц, ни шорохом зверя.

Люди разбрелись. Джо Брэй, бригадир строителей, угрюмо и встревоженно оглядывался по сторонам. Гейм отлично понимал его: в таком месте строить аэродром нельзя. Впрочем, последнее обстоятельство было ясно и обескураженному Бриджесу.

– Куда завезли нас, черт вас возьми? – кричал он пилоту.

– Я приземлился в точно указанном пункте, сэр, – оправдывался тот.

– Ты не думаешь, что мы уподобимся экспедиции Амундсена? – приставал к Гейму Боб.

Гейм, как всегда, был спокоен.

– Поживем – увидим, – ответил он и обратился к Нортону: – Что ты думаешь о нашем положении, Дуглас?

Нортон пожал плечами:

– Идиотское положение, что и говорить. Сомневаюсь, что оно кончится для нас благополучно. И знаешь, поделом нам – что мы тут потеряли, в этой ледяной пустыне?

Бриджес, Лоусон и верзила Скаддер возвратились после небольшой экскурсии.

– По местам! – скомандовал полковник.

Все полезли в самолет. Уселись.

– Я не успел написать завещание, – шепнул Финчли приятелю. На этот раз Гейм отнесся к его словам серьезно.

Воздушный корабль не мог набрать скорости на снежных сугробах. Пилот стал раскачивать его взад и вперед, стремясь сгладить ледниковые наносы и подготовить площадку для взлета. Но это не помогло: взлет был невозможен из-за сильного бокового ветра. Неожиданно заглох один из моторов. Пилот перекачал горючее для его питания и вновь начал заводить мотор. Затем он развернул самолет почти под прямым углом. И вдруг, к ужасу пассажиров, силой ветра самолет стало относить со скоростью ста миль в час к видневшейся невдалеке горе.

Каким-то чудом пилоту удалось снова развернуть машину, двинуть вперед и буквально заставить ее прыгнуть в воздух с вершины снежного сугроба. На какие-то секунды огромная металлическая махина повисла в воздухе... Но страшный порыв ветра снова подхватил самолет и, как игрушку, бросил вниз.

Удар... Снежный вихрь брызнул в разбитые окна. Моторы смолкли. Оглушенные пассажиры лежали на полу и ждали, что будет дальше. Всем было ясно, что самолет потерпел аварию. Пришлось опять выбираться из кабины на лед. Пилот оказался опасно ранен. Бриджес указал место для палаток. В одну из них Гейм, Нортон, Финчли и Брэй осторожно положили истекающего кровью пилота.

– Проклятое место... – бурчал Боб, с сожалением смотря на потерпевшего.

Установили рацию.

На горизонте появился самолет В-17. Бриджес приказал летчику приземлиться и забрать раненого, но пилот ответил, что у него неисправен мотор, и скрылся.

Пока полковник вызывал по радио военную базу в Туле, Гейм и Нортон отправились на поиски сколько-нибудь сносной площадки для посадки самолета. Им удалось обнаружить ее на расстоянии примерно одного километра от места аварии. Правда, площадка эта никак не походила на ту, о которой так красноречиво рассказывал Бриджес во время полета, но на худой конец ее все же можно было оборудовать для приема одного-двух самолетов.

Гейм и Нортон стали отмеривать шагами на льду полосу в пять тысяч футов, отмечая захваченными с собой красными флажками каждую тысячу футов. После этого на концах «взлетной дорожки» они положили самосветящиеся панели, а присоединившиеся к ним Финчли и Брэй написали красной краской на снегу огромными буквами: «87 дюймов».

Они работали быстро, так как хорошо понимали, что от этого зависит спасение жизни их товарища.

– Проклятое место, – продолжал бормотать Боб Финчли. – Не успели прибыть – жертва.

Через несколько часов прилетел двухмоторный С-119, доставивший бочки с маслом и бензином и небольшой снежный вездеход, которому Финчли тут же дал имя «Норд». Раненый пилот был отослан на базу в Туле.

Бриджес объявил, что утром он отправится к полуострову Принцессы Дагмар на поиски площадки, виденной им с самолета. Ему стало почему-то казаться, что площадка обязательно должна быть там, а не здесь, у мыса Риксдаген. Чтобы оправдать себя, он «запамятовал», приказывал ли пилоту, чтобы тот приземлился здесь, среди ледяных торосов.

– Нет, не приказывал, – поддакивал Лоусон, качая головой как заведенный болванчик. – Летчик сам ошибся и сам же пострадал. Кхе-кхе...

Утро при незаходящем солнце – понятие довольно относительное. Отдохнув после нервного напряжения в течение прошедшего дня, стали готовить экспедицию на полуостров Принцессы Дагмар. По распоряжению полковника с ним отправлялись Гейм, Нортон, Брэй, Финчли, Лоусон и Скаддер. К вездеходу были прикреплены сани, на которые погрузили горючее и продукты. Люди разместились, Брэй занял место водителя – и вездеход тронулся в путь.

Шли долгие часы. Сидеть в «Норде» можно было, лишь поджав колени к подбородку. Именно в такой позе сидели Бриджес, Лоусон и Гейм. Остальным, разместившимся на санях, было еще хуже – от арктического холода их не спасали олени шкуры и брезент.

Гейм видел, как с каждым часом испарялась самоуверенность полковника Бриджеса. Он, собственно, не руководил экспедицией. Брэй и Финчли поочередно садились за руль и вели машину. Куда? Сколько времени предстояло еще пробыть в пути? Этого никто не знал. Гейм понимал, что Бриджес рассчитывает лишь на случайность. «Черт побери! – возмущался Гейм, стиснув зубы. – Взять людей в рискованную поездку и не знать даже, куда он их везет, – это уже слишком!»

Стив Гейм много передумал за эти долгие часы блуждания среди вечных льдов Гренландии... Он вспоминал себя маленьким-маленьким там, на отцовской ферме в цветущей Калифорнии. Потом – школа, мечты о том, чтобы выучиться и стать ученым. Но в Европе началась война, и Гейм очутился в летной школе. Все шло как-то само собой, Гейму не приходилось думать ни о смысле происходящих событий, ни о своем будущем. Казалось, все уже давным-давно кем-то продумано за него, определено, и ему остается лишь спокойно шагать по жизни. Он был спокоен.

Так продолжалось до того дня, когда он впервые почувствовал приступ ярости и гнева. Это случилось во время полетов с бомбардировочной эскадрильей над Германией: ему приказали сбрасывать бомбы над объектами, которые никак нельзя было считать военными. Позже он участвовал в «челночных» полетах на Восток и видел поруганную фашистами, выжженную землю, загубленный труд честных людей в России, Польше, Венгрии. Советские солдаты пока-

зали себя хорошими бойцами и отличными товарищами. Война кончилась. Гейм хотел вернуться к отцу на ферму, но дела старика шли неважно, а из армии не отпускали. И вот вместе со своим неразлучным другом бортмехаником Финчли Гейм очутился в Гренландии и сейчас, скорчившись в крохотной кабине вездехода, наблюдает за полковником Бриджесом.

Машина останавливается через каждый час, и, хотя ровный морской лед, низкие острова и полуострова позволяют видеть на огромном расстоянии, все вылезает на ледяной ветер, разбредаются в стороны и ищут площадку. Даже Лоусон вертит головой, пытаясь что-то разглядеть между сугробов и льдин. После таких остановок приходится снова забираться на свои места и скрючиваться. Мускулы тела болят все больше, болят невыносимо. Не поездка, а пытка. Бриджес побледнел и иногда стонет.

Ветер неожиданно прекратился, и все увидели десятки огромных айсбергов, отражающих розовые лучи солнца. Но когда к ним приблизились, айсберги исчезли.

– Вот эта точка, прямо перед нами! – вскоре обрадованно вскричал Бриджес. Но это тоже оказалось миражем: перед экспедицией по-прежнему расстилалась ледяная пустыня Северной Гренландии.

Когда экспедиция приблизилась к Данмаркс-фиорду, путники увидели нечто, отчего полковник Бриджес едва не потерял сознание. Гейм, Нортон и Финчли не были малодушными людьми, но и им стало не по себе. Издалека, с юго-востока, неся воздушный поток, поднимавший за собой снежные тучи. Огромная грязно-серая масса охватила горизонт, закрыв расположенные неподалеку острова.

Свирепый ледяной ураган набросился на экспедицию.

– Туда! Туда! – кричал сидевшему за рулем Брэю полковник, указывая на видневшуюся в стороне гору.

Но было поздно. Мгла окутала все вокруг. Мороз усилился. Крошечные льдинки впились в лица, как иглы. Двигаться дальше было немыслимо, оставаться на месте – значило замерзнуть. Все ждали распоряжений руководителя, но Бриджес был настолько испуган, что никак не мог прийти в себя.

Надо было спасать себя и других. Гейм понял – нужно действовать. Он осторожно вылез из машины и, держась за веревку, другой конец которой был у Финчли, отправился вперед. Казалось, стоит сделать еще один-два шага в этой непроглядной ревущей мгле, и вихрь собьет с ног, унесет... И все же разведка оказалась успешной: Гейм завел экспедицию в распадок между ледяными торосами, и здесь удалось наконец поставить две палатки. В одной из них разместились Гейм, Нортон и Финчли.

Глава шестая

– Ну как, Боб? – спросил Гейм.

– Ничего не получается, – ответил Финчли, не поднимая головы от дорожного примуса, с которым он возился.

Нортон молчал, углубившись в свои размышления.

Вот уже часа полтора они, скорчившись, сидели в крошечной палатке, которую с великим трудом удалось поставить под прикрытием огромного тороса.

Сухой спирт наконец вспыхнул под дорожной конфоркой, и Боб Финчли занялся консервами.

– Зачем нас дьявол занес в эту преисподнюю? – бормотал он. – Недаром покойная сестра моей достойной мамы утверждала, что я окончу свою жизнь во цвете лет и обязательно при исключительных обстоятельствах...

Гейму было и смешно и грустно слушать болтовню приятеля.

– И ты думаешь?.. – спросил он.

– Я думаю, Стив, – сказал бортмеханик, поднимаясь, – что сейчас эти исключительные обстоятельства наступили.

– Ну, ну, старина, не вешай носа! Выберемся отсюда, будь уверен!

– Нет, в самом деле, зачем нас сюда дьявол занес? – настойчиво повторил Финчли. – Уж если придется погибать в этом ледяном аду, то хотелось бы знать – во имя чего.

Гейм пожал плечами.

– Нашим ребятам на севере еще хуже, – произнес молчавший до сих пор Нортон.

– На севере? – Финчли даже подпрыгнул от удивления. – Каким ребятам? Где?

– Во льдах Северной Гренландии сейчас находятся наши подлодки.

– Что они там делают? – допытывался Финчли.

– Проводят опытные плавания подо льдом, тренируются, – пояснил Нортон.

– Та-ак... Понятно. Набеги на Россию со стороны полюса!

– Потихе, потихе, Боб, – по привычке вмешался Гейм и пояснил Нортону: – Ему не мешало бы научиться сдерживаться.

Финчли орудовал ножом у примуса.

– Готово!

Он снял с огня сковородку, но ему никто не ответил: Нортон снова погрузился в свои размышления, а Гейм внимательно смотрел на него. И чем больше Гейм наблюдал за своим фронтовым товарищем, тем больше ему становилось жаль этого хорошего, храброго и честного солдата. Он положил руку на его плечо.

– Послушай, друг, – почти нежно сказал он. – Что с тобой? Куда делись твоё веселье, твоя жизнерадостность?

Нортон поднял голову и посмотрел прямо в глаза Гейму.

– Меня угнетает предчувствие страшного несчастья, – сказал он едва слышно.

– У тебя неприятности по службе?

– Пожалуй... Но дело не во мне.

– А в ком же?

Нортон колебался.

Финчли поставил перед приятелями разогретое на примусе консервированное мясо.

– Прошу! – пригласил он.

Некоторое время ели молча, прислушиваясь к завываниям вихря. Финчли хотел было уже пуститься в какие-то рассуждения, когда, к его крайнему удивлению, Гейм жестом остановил его – он хотел говорить сам.

– С тобой что-то случилось, друг, – обратился он к Нортону.
Тот неопределенно качнул головой.

– Я не любопытен, ты это знаешь, – продолжал Гейм, и Финчли весь превратился во внимание. – Не могли бы мы помочь тебе?

– Нет, – ответил Нортон, колеблясь. – Я не могу, не должен ничего говорить тебе, дорогой друг.

– Почему?

– Потому что я хорошо знаю твой характер.

Гейм и Финчли удивленно переглянулись. Нортон слегка улыбнулся.

– Я доверяю вам обоим, дело не в этом, – пояснил он. – Но иногда лучше не знать чего-нибудь... Да, да... Особенно, когда все равно ничего нельзя сделать.

Гейм с недоумением посмотрел на него.

– Видишь ли, Дуг, – заговорил он медленно. – Если эта тайна имеет отношение лично к тебе, то давай вообще ее не касаться.

Нортон отрицательно покачал головой.

– Нет, нет, не то... Меня очень беспокоит тайна, в которую я не посвящен, но которой я слегка коснулся... Слегка. Я пришел к выводу, что всем нам угрожает страшная опасность.

– Опасность?! – крикнул нетерпеливый Боб Финчли.

– Да... Катастрофа. Возможно, я не прав, кто знает... Но какое-то внутреннее чувство говорит мне, что опасения мои обоснованные. Эта тайна – страшная, и вам лучше ее не касаться. Ведь ничего ни изменить, ни предотвратить вы все равно не имеете возможности.

Нортон умолк.

– Если, по твоему мнению, существует какая-то опасность для всех нас, то ты не имеешь права молчать, – твердо сказал Гейм. – Ты узнал о подготовке какой-нибудь авантюры?

Нортон утвердительно кивнул головой.

– Ты не должен молчать, – продолжал убеждать его Гейм.

– Я боюсь без пользы навлечь на вас беду. – Нортон явно начал сдаваться. На него надо было еще «поднажать», и это сделал Финчли.

– Есть тайны, владеть которыми одному – преступление... Мало ли что может случиться.

– А за нас с Бобом ты не беспокойся, – заверил приятеля Гейм.

– Ну, раз так – слушайте... – сдался наконец Нортон. – Вас интересует, чем я занимался последнее время?

– О да!

– Ну так я служил у Уильяма Прайса.

– У Прайса? Что ты у него делал? – с удивлением спросил Гейм.

– И как ты к нему попал? – добавил Финчли. – Ведь Прайс – это свиньи, холодильники, банки...

Нортон грустно улыбнулся.

– Вы ошибаетесь... Свиньи, банки составляют прошлое этого человека. Банкир Прайс – это прежде всего уран, атомная энергия.

– Вот как? – с удивлением протянул Гейм. – Этого я не знал.

– Однако это так, – продолжал Нортон. – Я служил у Уильяма Прайса, этой злобной скотины, и еще пять дней назад Прайс регулярно переводил на мой текущий счет доллары – мое жалованье. На прошлой неделе он уволил меня, и командование направило меня сюда, в Гренландию. Теперь я должен быть готов к прыжку через полюс на Советский Союз.

– Час от часу не легче! – проворчал неисправимый Финчли. – Но что же ты все-таки делал у Прайса? Вел его конторские книги? Помогал ему искать уран?

– Ни то, ни другое – я летал.

– Стало быть, ты был личным пилотом Прайса?

– И да, и нет. Я был его личным пилотом, но мне ни разу не довелось иметь Прайса на борту моего «Метеора».

– «Метеора»? Так ты назвал свою машину? – любопытствовал Гейм. – Судя по названию, это реактивный самолет?

– «Метеор» – так называется тип машины, существующей всего в одном экземпляре. Ты прав, Стив, это реактивный самолет. Но от всех имеющихся у нас в Штатах он отличается двумя особенностями: скоростью, намного превышающей скорость других реактивных машин, и бесшумностью... абсолютной бесшумностью полета.

– Интересно... – бросил Гейм. – Что же ты возил на этой своей машине и куда?

– Что я возил, этого я в точности не знаю, – ответил Нортон. – А куда? Вы слышали что-нибудь о научной экспедиции профессора Смита в глубь Центральной Азии? Нет? Я так и знал. – Неожиданно Нортон зло расхохотался. – Жулики! Мошенники! – говорил он сквозь смех. – Экспедиция Смита! Но там нет никакого Смита! Понимаете – все это вранье!

– Если там нет профессора Смита, то кто же вместо него?

– Профессор Смит – знаменитый ботаник, но там нет никакого Смита, все это блеф, понимаете? Он вовсе не Смит...

– Но кто же он в таком случае? – потерял терпение Финчли.

Нортон наклонился к друзьям и шепотом произнес:

– Каррайт. Джеймс Каррайт – известный шпион.

– Фашист Каррайт? Поклонник Гитлера? – Гейм с интересом посмотрел на Нортон. – Что же он там делает?

– И при чем здесь ты? – вставил Финчли.

– Не спешите, друзья, сейчас я вам все расскажу. Итак, я летал на специально приспособленном для этого «Метеоре» от резиденции Прайса на реке Гудзон до лагеря Каррайта в Азии, в горах, неподалеку от китайской границы, и обратно. Возил какие-то ящики с оборудованием туда и какие-то документы в запечатанном портфеле – обратно. Так продолжалось до прошлой недели...

– Когда Прайс прогнал тебя?

– Вот именно.

– Но за что же он уволил тебя? И какое это имеет отношение к страшной тайне, о которой ты упомянул?

– Сейчас узнаете... Я думаю, что все это находится в какой-то связи с исчезновением профессора Старка и с попытками покушения на русского ученого Ясного. Видите ли, Старк каким-то образом проник в тайны Прайса, в тайну экспедиции Каррайта. Мне неизвестно, в какой мере Старк был осведомлен, но, кажется, он знал много. А тут еще Чармиан, дочка профессора... она ничего не знает о судьбе отца. Прайс держит ее при себе в качестве заложницы... По-видимому, Прайс решил, что я знаю больше, чем следует, и убрал меня.

– Но что же все-таки они делают там, в Азии? – спросил Гейм.

– Сопоставляя различные известные мне факты, я пришел к выводу, что они замышляют нечто ужасное.

– Тсс... – шепнул Гейм и приложил палец к губам. – Мне показалось, что кто-то притаился у стены палатки.

Финчли вскочил на ноги и в следующий же миг выбежал наружу.

– Обошел вокруг, никого нет, – сказал Боб, возвратившись через несколько минут и занимая свое прежнее место.

– Ну, значит, мне почудилось, – произнес Гейм с сомнением.

Нортон хотел было продолжать рассказ, но в этот момент полог палатки открылся и перед друзьями появился Брэй – Паяльная Лампа, Человек с Аляски.

– Там очень тесно, – пояснил он, делая неопределенный жест рукой. – Стеснять полковника неудобно, и я решил перебраться к вам, если вы, конечно, не имеете ничего против.

– Располагайтесь, места хватит, – предложил Гейм, поневоле вынужденный быть гостеприимным.

Финчли поставил перед Брэем остатки еще теплых консервов.

– Говорят, ты давно служишь в Арктике, – обратился он к Паяльной Лампе. – Не понимаю, приятель, что тебя прельщает в таком адском климате.

– Доллары, – пробормотал в ответ Брэй, энергично уничтожая пищу.

– Послушай, друг, – сказал Нортон, – мы люди военные, подневольные, – это понятно. Но ты-то вольнонаемный, разве тебе так хочется разбогатеть на новой войне, которую ты помогаешь готовить?

– Я не думал об этом.

– Напрасно.

– Но ведь если здесь не будет меня, все равно будет кто-то другой, кому доллары необходимы как и мне. Так уж лучше пусть эти доллары получу я.

Нортон хотел что-то возразить, но Гейм взглядом остановил его: ведь они совсем не знают этого парня с Аляски, как же можно рисковать!

В палатке воцарилось молчание, нарушаемое лишь воем бури, доносившимся извне.

– Ну, давайте-ка спать, – предложил Гейм.

– С вашего позволения, я сейчас... – пробормотал Брэй, просматривавший при свете свечи вынутую им из кармана помятую газету.

– Интересно... – продолжал бормотать он. – Очень интересно.

– Опять что-нибудь насчет «летающих тарелок»? – иронически спросил Финчли.

– Н-нет... Интересная заметка...

– Дай-ка, приятель, я прочту вслух. – Финчли бесцеремонно взял из рук Брэя газету и прочитал: – «Как сообщает агентство Франс Пресс, газета “Энтрансижан” опубликовала сегодня статью, полученную от своего корреспондента в США. В пустыне штата Новая Мексика, где когда-то было произведено испытание первой атомной бомбы, специальная группа американских ученых и инженеров недавно взорвала атомную бомбу последней модели. В результате взрыва образовалась воронка девятьсот метров глубиной и диаметром шестнадцать километров. Постройки самого различного типа, включая специальные железобетонные сооружения, все без исключения разлетелись, и наблюдатели нашли на их месте только громадный кратер, глубина которого в три раза превышает высоту Эйфелевой башни. Технические подробности еще неизвестны в связи с тем, что опыт производился в секрете».

– Запугивают, – заключил Финчли, возвращая газету Брэю. – Весь мир стараются запугать наши вояки своей атомной бомбой. А не думаешь ли ты, парень, что у русских атомная бомба хуже?

– Все это чепуха, детские игрушки, – прошептал Нортон, склонившись к Гейму. – Не в атомной бомбардировке теперь дело.

Гейм вопросительно посмотрел ему в глаза.

– При первой же возможности я расскажу вам, в чем дело... Помни о Прайсе, – едва слышно сказал Нортон, склонившись к самому уху друга. – Завтра расскажу.

Однако «завтра» Нортону рассказывать ничего не пришлось. События продолжали развиваться быстро. Друзья, к сожалению, не знали, что произошло в то время, когда Нортон повествовал им о своей загадочной службе у Прайса и о полетах куда-то в глубь Центральной Азии. Но об этом будет рассказано позже.

Глава седьмая

Ветер внезапно прекратился, и экспедиция снова тронулась в путь. Ехали все в том же порядке. Бриджес выглядел весьма озабоченным. Нортон по-прежнему сидел в прикрепленных к вездеходу санях, а Гейм – рядом с полковником, и временами сменял за рулем Брэя – Паяльную Лампу. Так проехали несколько десятков километров. Погода снова изменилась. Опять возникли зловещие грозные снежные тучи на юго-западе, солнце скрылось, пронизывающим холодом задышала ледяная Арктика.

Что делать? Бриджес растерялся. Как и все люди его склада, в эти минуты опасности он буквально позеленел от страха. Его мало волновала сейчас судьба экспедиции – он дрожал только за свою шкуру.

– Давайте убираться отсюда, – сказал он дрожащим голосом.

Но куда? На этот раз даже спасительных торосов поблизости не было видно. Брэй посмотрел на Гейма, и тот понял, что Паяльная лампа ждет его решения. Бриджес сейчас был не в счет.

– Вперед! – приказал Гейм, и машина двинулась на север, по направлению к полуострову Принцессы Дагмар.

Машина и люди как бы находились внутри беснующегося снежного кома.

– Как будет называться военная база, которую мы должны создать здесь, сэр? – спросил Гейм полковника.

– «Норд», – ответил тот, с тревогой осматриваясь вокруг.

– Я думаю, ее следовало бы назвать Дантовым адом, сэр, – сказал Гейм с гневом. – Для чего нам нужна база в этом проклятом Богом месте? Здесь не могут жить даже эскимосы!

– Приказ есть приказ, капитан, – пожал плечами Бриджес. – Имел же где-то неподалеку отсюда свои метеорологические радиостанции Гитлер, почему же не иметь их нам, американцам?

Гейм предпочел не отвечать на этот вопрос. «И тут мы идем по следам Гитлера, – подумал он и решил смолчать. «Нужна осторожность», – еще раз повторил себе Гейм.

Некоторое время машина двигалась наугад, затем Гейм вынул из кармана крошечный компас и, передав его Нортону, попросил летчика отойти от вездехода за пределы действия металла и определить направление. Но все равно показания компаса были неточны, часто на целых девяносто градусов, так как экспедиция находилась севернее магнитного полюса.

Неожиданно буран прекратился, но это не принесло облегчения людям. Что-то странное творилось в природе, казалось, воздух начал перемещаться вертикально, и постепенно белая поверхность острова слилась с неестественно белой атмосферой.

– В Арктике это называется «белизна». Страшная штука, – пояснил Брэй.

– Выберемся ли мы отсюда? – пробормотал Бриджес в смятении.

Ему никто не ответил.

Во время очередной остановки Нортон с компасом в руках отошел от машины и неожиданно совсем исчез, как если бы он растворился в воздухе.

Гейм с тревогой выскочил из кабины и несколько раз крикнул, подавая приятелю сигнал вернуться. Ответа не последовало. Странная, не виданная им никогда раньше светящаяся белизна, казалось, струилась перед глазами и скрывала от взора даже пальцы собственной вытянутой руки.

– Кажется, случилось несчастье, – сказал Паяльная Лампа, тоже вылезая из кабины и становясь рядом с Геймом.

Подожли выбравшиеся из своего убежища в санях тщедушный Лоусон, его спутник Скаддер, Боб Финчли. Узнав об исчезновении Нортон, Лоусон в выражениях, не идущих к

его ученому званию, принялся бранить летчика, а Скаддер обратился к полковнику с требованием немедленно ехать дальше.

– Иначе мы все из-за него погибнем, – скулил он.

Бриджес некоторое время колебался, не зная, как быть. Затем махнул рукой и приказал двигаться.

– Нет, сэр, мы не поедem дальше, – возразил Гейм и положил руку на плечо Брэя, давая тому понять, что он надеется на его помощь.

Паяльная Лампа нерешительно мялся, но занять свое место за рулем не спешил.

Гейм поднял револьвер и несколько раз выстрелил. Вспышки выстрелов гасли в странном ослепительно белом сиянии. Финчли притащил связку веревок, привязал один конец веревки к раме вездехода, и Гейм тотчас понял его замысел.

– Идемте с нами на поиски Нортонa, – предложил он Брэю.

Но Брэй, отойдя на несколько шагов от машины, у которой Лоусон и Скаддер продолжали насаждать на полковника, тихо сказал Гейму:

– Вы ступайте одни, я останусь здесь. Так будет лучше... При случае я вам расскажу об одной непонятной штуке... Нет, черт побери, я должен быть возле машины и дожидаться вас. Идите и не беспокойтесь.

Гейм и Финчли отошли на несколько десятков метров от вездехода, стараясь выстрелами и ракетами привлечь внимание Нортонa. Так продолжалось довольно долго.

– Вот она – пасть дьявола, – вытирая с лица пот, промолвил утомившийся Финчли. – И боюсь, что Нортону не удастся из нее выбраться.

– Вздor! – рассердился Гейм. – Мы спасем его.

Прошел еще час. И в минуту, когда Гейм усиленно размышлял над тем, что же делать дальше, он неожиданно столкнулся с Нортонoм. Они крепко пожали друг другу руки и направились к машине.

– Как же ты допустил такую неосторожность? – упрекнул Гейм приятеля.

– Что-то произошло с компасом. Он неожиданно отказал. К несчастью, я обнаружил это, когда уже потерял вас из виду. Вот и все.

Гейм задумался.

– Что же с ним случилось? Давай-ка посмотрим. – Он взял из рук Нортонa компас и тотчас спросил: – Ты давал мой компас в руки кому-нибудь из твоих спутников на санях?

– Нет, – с недоумением ответил Нортон. – А что?

– А то, что это вовсе не мой компас. Такой же, но не мой.

Нортон, пораженный, остановился.

– Рядом со мной в санях лежал Лоусон, – медленно сказал он. – Н-не может быть... Зачем ему нужно было подменять компас?

– Не знаю, – буркнул Гейм. – Как-нибудь выяснится... А пока, думаю, подмену компаса следует скрыть.

Снова Гейм занял место в кабине рядом с притихшим Бриджесом, и вездеход тронулся вперед. Брэй вел машину мастерски.

Прошло, по-видимому, еще часа два, прежде чем задремавшие Бриджес и Гейм очнулись от толчков. Машина шла зигзагами, делала крутые повороты.

– Что случилось? – испуганно закричал полковник, вскакивая на сиденье и сильно при этом ударившись головой о крышу кабины.

Брэй неожиданно остановил «Норд».

– Не могу, – простонал он. – Началось...

– Что началось? – продолжал допытываться у него Бриджес, испуганно озираясь.

– Видения, сэр.

– Что за чертовщину ты городишь!

– Нет, сэр, я знал, что при «белизне» это случается, но со мной – впервые. Мне казалось, что я еду по людным улицам города. Понимаете?

Бриджес явно ничего не понимал.

– Галлюцинации, – произнес Гейм и занял место у руля.

– Вот что, капитан, – сказал Бриджес. – Я устал сидеть здесь, скорчившись, пойду отдохну в санях.

Место полковника занял Лоусон, и управляемый Геймом вездеход продолжал свой путь.

И вдруг видения начались и у Гейма. В призрачной белизне он неожиданно увидел яркую зелень растений. Ему захотелось рассмотреть, что это такое, и он узнал знакомую аллею, ведущую к отцовской ферме в Калифорнии. Машина плавно мчалась по этой аллее, ставшей бесконечной.

Гейм очнулся – видение исчезло, и он свободно вздохнул. Ему не хотелось, чтобы спутники увидели, что с ним творится неладное. Но никто ничего не заметил. Так прошел еще по крайней мере час. Внезапно высокие снежные сугробы преградили путь, и Гейму пришлось проявить все свое искусство, чтобы вести «Норд», почти не снижая скорости.

– Куда мы, собственно, едем? – спросил Финчли у своего друга.

– Пытаемся пробраться к северной оконечности мыса Риксдаген, откуда мы начинали эту злосчастную поездку, – ответил Гейм. – Разве ты сам не догадался об этом?

– Боюсь, – с некоторой тревогой возразил Финчли, – что мы напрямик направляемся к полюсу. Ведь до него отсюда примерно четыреста пятьдесят миль.

Гейм только пожал плечами.

– Могу тебе порекомендовать обратиться к полковнику, – с грустной иронией ответил он.

Но мысль о том, не направляются ли они к Северному полюсу, встревожила Гейма. Полковник Бриджес явно заболел от страха и давно уже не руководил экспедицией. Гейм хотел посоветоваться с Нортонем, но профессор Лоусон упорно не уступал тому своего места в кабине – совершенно очевидно, он стремился помешать Нортону остаться с Геймом.

Вдруг Паяльная Лампа во весь голос крикнул:

– Смотрите!

– Что такое? – спросил Гейм, не понимая в чем дело, и резко затормозил.

– Приливная трещина. – Брэй многозначительно посмотрел на Гейма, и тот понял, что вопрос об их местонахождении мучил не его одного.

Погода прояснилась, туман исчез, и перед взорами членов экспедиции открылось нечто поистине их поразившее: они находились на краю огромной арктической равнины, гладкой, покрытой легкой рябью снежных волн.

– Вот оно! – вздохнул Бриджес. – Нашел!

Спорить с ним было некому, хотя все знали его роль в этом опасном путешествии. Бриджес был здесь начальником, и он не замедлил дать это понять: по его приказанию для него и профессора Лоусона была немедленно поставлена отдельная палатка, в которой Брэй установил походную рацию.

– Вот тут будет наша военно-воздушная база «Норд», – заявил снова ставший спесивым полковник. – Отсюда мы будем угрожать северному побережью Советского Союза.

Его не слушали – все это было не ново, воспринималось каждым по-своему, а главное – надо было разбивать лагерь и без конца карабкаться по сугробам и косогорам, обследуя окружающую местность.

Как-то неожиданно для Гейма он во время одной из таких вынужденных прогулок очутился в паре с Лоусоном. Летчик и геолог на лыжах возвращались с юго-запада. Крошечный пока лагерь экспедиции был скрыт от них высоким ледяным куполом. Они двигались прямо, намереваясь добраться до лагеря кратчайшей дорогой. Неожиданно путь им преградила тре-

щина, достигавшая трех-четырех метров ширины. Трещина уходила далеко в обе стороны, и пришлось потратить немало сил и времени на то, чтобы миновать ее.

Какова причина возникновения этой трещины? На эту тему, воспользовавшись представившимся случаем, Лоусон прочел летчику целую лекцию. По его словам выходило, что вся Гренландия покрыта мощным ледниковым щитом. Откуда же взялся этот щит? За короткое и суровое лето снег не успевает растаять. Так он накапливался в течение тысячелетий. Под давлением собственной тяжести снег превратился в колоссальные толщи льда. Толщина покрывающего сейчас остров ледникового щита, с изумлением узнал Гейм, достигает в среднем двух-трех километров. Поверхность гренландского ледникового щита уступами спускается к окраинам. Ученые высчитали, что объем гренландского льда равен трем миллионам кубических километров; если этот лед растопить, то уровень Мирового океана поднимется на восемь метров и воды океана затопят низменные берега всех материков.

Под толщей льда в центре острова лежит равнинная поверхность суши, возвышающаяся всего на триста – пятьсот метров над уровнем моря и повышающаяся к окраинам.

Поверхность ледника очень неровная, ее пересекают бесчисленные трещины, достигающие порой десятков метров ширины.

– Нам с вами повезло, мистер... э-э-э... Гейм, – бормотал Лоусон. – Мы могли бы встретить вот такую трещину, скрытую тонким покровом рыхлого снега... Тогда наша песенка была бы спета...

– Стало быть, глубина этой трещины... – попытался уточнить Гейм.

– Никак не меньше километра, – ответил Лоусон.

Гейму сделалось несколько не по себе. «Это же ледяная бездна», – подумал он.

Далеко обойдя ледяной купол с юга, Гейм и Лоусон достигли лагеря.

Финчли угостил друга горячим чаем, и тот завалился спать. Но на этот раз отдыхать ему пришлось недолго – его растормошил Брэй.

– Вас вызывает к себе полковник, – извиняющимся голосом сообщил он.

Наскоро приведя себя в порядок, Гейм в сопровождении Паяльной Лампы направился к палатке, над которой возвышалась антенна походной рации.

Как только они очутились на открытом месте, Гейм почувствовал, что Брэй хочет что-то сообщить ему, и он не ошибся.

– Я хочу сказать вам... Но дайте слово, что вы меня не выдадите, капитан.

Гейм насторожился:

– Можете не сомневаться во мне, Джо, даю слово. В чем дело?

– Эта собака Скаддер... Он что-то замышляет скверное.

– Почему вы так думаете?

– Потому что он странно ведет себя. Зачем, собственно, он здесь, кто он, что ему тут нужно? – Брэй гневно сжал кулаки. – Но это не все, капитан... Помните, как я пришел к вам в палатку в ту бурю? Вы о чем-то беседовали с Бобом Финчли и мистером Нортоном.

– Помню. Ну и что?

– А то, капитан... Мне почему-то кажется, что вы настоящий человек – за прошедшие дни мы с вами многое испытали вместе за рулем «Норда»... Мы свободно могли погибнуть в этой Богом забытой стране... И я говорю вам, капитан, – берегитесь Скаддера! Тогда, идя к вам, я натолкнулся на него – он подслушивал разговоры в вашей палатке.

Гейм с недоумением пожал плечами.

– Мы, помнится, не говорили ни о чем особенном... Но за предупреждение спасибо вам, Джо, – и Гейм от души пожал руку Брэя.

Оставшись один, Гейм задумался. Прежде всего он попытался вспомнить, о чем говорилось в палатке в то время, когда Скаддер хотел подслушать их разговор. Без особого труда летчик вспомнил: Нортон сказал им кое-что о своей прошлой работе у Уильяма Прайса, о полетах

на «Метеоре»... Может, Скаддер слышал, о чем говорил Нортон? Нет, вряд ли – тогда бушевали снежные вихри, разговаривали они тихо. Но что нужно здесь Скаддеру? Кто он?

Гейм вошел в палатку полковника. При первом же взгляде на начальника летчик понял, что тот сильно навеселе. Бриджес трудился над очередной порцией своего любимого коктейля «Фиалка вечных льдов».

– Хэлло, капитан, – приветствовал он Гейма. – Ну как вам нравится база «Норд»?

– О, это будет первоклассная база, сэр, – в тон ему ответил Гейм.

– Вы ошибаетесь, капитан, база «Норд» не будет, а уже есть... Я приказал перебросить сюда нашу стоянку... Я связался со штабом округа, – Бриджес сделал рукой жест в сторону рации, – и с минуты на минуту жду сюда самолеты с грузом, оборудованием. Мы немедленно приступаем к строительству «Норда». Выпьемте по этому случаю, капитан.

Гейм проглотил стакан дрянной смеси.

– Да, капитан, – еще более захмелев, игриво заговорил Бриджес, хлопая летчика по плечу, – я и не знал, что вы такой скрытный.

Гейм вопросительно посмотрел на своего начальника. Тот продолжал:

– Но раз так, то и у меня имеется тайна... Это касается вас, но поиграем в прятки, капитан, я вам ее не сообщу. Выпьемте еще по одной – в этом ужасном климате моя «фиалка» чертовски полезное снадобье, можете мне верить.

– Я не понимаю, о какой тайне, которую я будто бы скрываю от вас, вы говорите, сэр, – осторожно начал Гейм, осушив очередную порцию коктейля.

Полковник приятельски подмигнул ему:

– Ну, не будем больше об этом, капитан... Я не знал, что вы доверенное лицо старого дракона – Уильяма Прайса.

«Что он этим хочет сказать? – думал ошеломленный Гейм. – Как надо реагировать на его болтовню?» И так как ответить себе на эти вопросы Гейм пока не имел возможности, он решил вести себя уклончиво.

– У каждого имеются свои тайны, сэр, – сказал он выжидательно.

– Верно, верно, – охотно согласился полковник. – Бизнес есть бизнес! Не осуждаю вас, капитан. Признаюсь, когда мне сообщили об этом, – он снова сделал произвольный жест в сторону рации, – я вам позавидовал. Иметь своим патроном самого Прайса – это... – и будучи не в состоянии выразить свою мысль словами, Бриджес выразительно щелкнул пальцами. – Но мою тайну я вам пока не выдам, это послужит вам уроком на будущее. – Он захохотал.

Гейм решил перевести разговор на другую тему.

– Сэр, – осторожно начал он. – Я хотел бы обратить ваше внимание на одно обстоятельство, которое меня как офицера не может не смущать.

– Что вы имеете в виду, Гейм?

– Было бы правильно, если бы вы приказали Лоусону и Скаддеру... Они люди штатские и здесь мне представляются лишними...

– Чтобы я приказал Лоусону и Скаддеру? – перебил его полковник с изумлением. – Но скорее они могут что-нибудь приказать мне, чем я им.

– Но кто же они? – в упор спросил Гейм.

Бриджес бросил на него беглый взгляд и в тот же миг, задыхаясь от смеха, буквально свалился в заскрипевшее под ним походное кресло.

– Э-э-э... да вы еще и шутник, капитан! – говорил он сквозь взрывы душившего его смеха. – Вы решили и тут испытать меня...

– Но кто же они? – повторил свой вопрос летчик.

Бриджес стал серьезен.

– Доверенные люди Уильяма Прайса, – торжественно ответил он. – И я уверен, что вам это известно так же, как и мне. Впрочем, меня это не касается. Оставьте ваши шутки, капитан.

Люди Уильяма Прайса – вот оно что!

После непродолжительной беседы, во время которой Бриджес интересовался соображениями Гейма о технике посадки тяжелых самолетов в условиях перекрещивающихся вихрей, типичных для данной местности, летчик покинул полковника и в глубоком раздумье направился к своей палатке. Какой касающейся лично его тайной владеет Бриджес? Лоусон и Скаддер – люди Прайса. Лоусон явно хотел погубить Нортон, подменив тогда компас. Скаддер же пытался подслушать беседу в палатке... Содержание чьих слов его интересовало? Конечно Нортон.

Мысль, мелькнувшая как молния, поразила Гейма: это был ответ на все мучившие его сейчас вопросы.

– Эх, Джо, почему ты поздно сообщил мне эту историю со Скаддером!.. – почти закричал он и бросился к своей палатке. Нужно было немедленно, не теряя ни секунды, предупредить Нортон о смертельной опасности, которая, по-видимому, ему угрожает.

– Где Дуглас? – с тревогой спросил он Боба Финчли, вбегая в палатку.

– Он пошел туда, на вершину ледяного купола, – ответил бортмеханик, не понимая причин волнения своего друга.

– С кем?

– Со Скаддером.

– Что? Со Скаддером? Давно они ушли?

– Да, когда ты еще спал. Полковник приказал произвести измерение силы ветра на подходе самолетов к посадочной площадке.

Гейм уже не слушал: в крайней тревоге бросился он из палатки.

В двух километрах на юго-запад от лагеря по склону ледяного купола к самой его вершине поднимались два человека. Это были Нортон и Скаддер.

Полуденное полярное солнце отражалось в тысячах сверкающих ледяных брызг. Зеленые и фиолетовые призрачные огоньки искрились по всему склону мощного купола, того самого, у крутого подножия которого, как это хорошо знал Гейм, расположена ледяная бездна.

Вот оно что! Стало быть, Лоусон успел сказать Скаддеру! Гейм стремительно бежал вперед. За ним спешил Боб Финчли, еще не понимавший, в чем дело.

Две фигурки достигли самой вершины и остановились, осматриваясь. За это время Гейм и его бортмеханик успели пробежать не более километра. Но теперь и Скаддер и Нортон им были отчетливо видны. По-видимому, они, в свою очередь, заметили направляющихся к ним Гейма и его помощника – Дуглас Нортон приветственно замахал руками. Гейм свободно вздохнул – еще немного, и они будут вместе! Но в этот момент на вершине ледяного купола что-то произошло, Скаддер отскочил в сторону, раздался отчаянный крик, и Нортон исчез.

– Поздно, – прошептал Гейм сквозь стиснутые зубы.

– Что там случилось? – вскричал еще не понимающий смысла происшедшего бортмеханик.

– Убийство, – ответил Гейм.

– Я пристрелю эту обезьяну! – рванулся Боб Финчли навстречу Скаддеру, который в это время гигантскими прыжками бежал по направлению к лагерю и что-то истошно вопил.

– Спокойствие, Боб, – и Гейм железной рукой сжал плечо приятеля. – За мной, и ни слова о виденном. Понял?

Они рванулись вперед. Идти на лыжах было трудно – увеличивалась крутизна подъема. Скоро мимо них, как огромный кенгуру, промчался Скаддер с выражением крайнего смущения на тупой физиономии и с раскрытым в крике ртом. Финчли вопросительно посмотрел на Гейма.

– Искусный симулянт, – пояснил летчик и еще быстрее пошел вперед.

Финчли отстал, и на вершину ледяного купола Гейм поднялся один. Он оставался там не более минуты. Казалось, для него было достаточно бросить мимолетный взгляд, чтобы убедиться в том, что несчастье уже непоправимо. Он сделал Бобу знак не подниматься и стремительно начал спускаться.

Финчли не задал ему ни одного вопроса – все было ясно и без того.

– О преступлении Скаддера надо доложить полковнику, – предложил он.

Гейму сейчас же пришла на память фраза, слышанная им от Бриджеса всего несколько минут назад: «Скорее они мне могут приказать что-нибудь, чем я им».

– Нет, – отрывисто бросил он.

– Но что же в таком случае должны предпринять мы? Должны же мы что-нибудь придумать?

– Молчи, Боб, молчи! Ни словом не проговорись о виденном, – почти прошептал Гейм. – Во имя жизни.

– Во имя жизни? – иронически спросил бортмеханик. – Я не узнаю тебя, честный и смелый Стив, – возмутился он.

– Сержант Финчли, – свирепо шепнул Гейм. – И как друг, и как твой командир приказываю молчать! Это очень важно.

И они поспешили навстречу остальным участникам экспедиции, уже поднимавшимся по склону с веревками и прочими приспособлениями для спасения Нортон.

– Он поскользнулся и свалился в трещину, – слышался лающий голос Скаддера.

– Что там? – спросил полковник.

Гейм с мрачным видом махнул рукой.

– Карабкаться туда излишне. Спасение Нортон – дело абсолютно безнадежное: скала с той стороны почти отвесная, а трещина проходит у самого подножия. Глубина же трещины... Какова глубина, профессор? – обратился он к Лоусону.

– Не менее километра, – с готовностью ответил тот.

– Так что нам придется смириться с фактом – капитан Нортон был слишком неприспособлен к здешним условиям, джентльмены, – и Гейм обнажил голову.

Все в молчании последовали его примеру.

– Чертовски жаль парня, он был хорошим офицером и мог бы здорово пригодиться мне тут, – искренне пожалел Бриджес и повернул к лагерю.

На горизонте, с востока, появилось несколько стремительно увеличивающихся точек.

– Капитан Гейм, – обратился полковник к летчику и протянул руку по направлению к приближающимся самолетам. – Вот и моя тайна, о которой я недавно вам говорил.

– В чем дело, полковник? – спросил Гейм.

– Через час мы покинем это место... Здесь останется пока лишь Брэй со своими рабочими. Строить аэродромы, склады, жилища – дело для него привычное по его службе на Аляске... Что касается вас, Гейм, вам дьявольски повезло – вы возвращаетесь в Штаты.

– В Штаты? – спросил пораженный летчик.

– Да, да... Это и есть моя маленькая тайна, касающаяся вас.

– Но почему меня отсюда отзывают?

Бриджес игриво подмигнул:

– Об этом, я полагаю, лучше всех осведомлены вы сами. В штабе части в Туле вам вручат направление, и вы тотчас, не мешкая, покинете Гренландию.

– В чье распоряжение я направляюсь? – допытывался летчик.

– В личное распоряжение Уильяма Прайса, – и полковник дружески хлопнул капитана Гейма по спине.

– Но...

– Не беспокойтесь, Гейм, вы остаетесь на действительной службе в армии. Ну а теперь идите и готовьтесь к отъезду, – и вместе с Лоусоном и Скаддером Бриджес поспешил вниз.

Самолеты кружили над долиной, и первый из них уже заходил на посадку. Это был двухмоторный С-47, снабженный лыжами.

По приказанию Гейма Финчли торопливо направился к палатке. Брэй повернулся было для того, чтобы идти с ним, но Гейм задержал его. Когда полковник и его спутники удалились на значительное расстояние, Гейм твердо сказал, смотря Брэю в глаза:

– Джо, вы погубили капитана Нортон. Вы это понимаете и сами, не правда ли?

– Это Скаддер? – спросил Человек с Аляски, и в глазах его вспыхнул гнев.

Гейм утвердительно кивнул.

– Я расправлюсь с негодяем, – и Брэй сжал кулаки, порываясь идти вслед за преступником.

– Этим вы ровным счетом ничего не добьетесь, – произнес Гейм. – Я хочу, чтобы вы поняли, что ваши колебания – сказать ли мне о поведении Скаддера, тогда, во время бурана, привели к потере времени и дали ему возможность совершить преступление. Вы погубили Нортон.

Брэй горестно смотрел на летчика.

– Но что... что же я могу сделать теперь? – бормотал он.

– Вы погубили Нортон, но... вы же должны и спасти его, – продолжал Гейм.

– Спасти? – в крайнем изумлении прошептал Брэй.

– Да, спасти. Слушайте меня внимательно, Джо... – и Гейм торопливо заговорил.

В конце этой короткой, но весьма важной беседы Брэй заверил Гейма:

– Будет сделано, капитан.

Когда Гейм вошел в свою палатку, Финчли уже все подготовил к отъезду.

– Дуглас Нортон погиб... – страдальческим тоном говорил он. – Дуг был таким прекрасным летчиком, таким добрым товарищем! Помнишь, Стив, как нас почти подбили над Баварией? Дуглас тогда...

Но Гейм прервал приятеля.

– Ты должен забыть, Боб, что когда-нибудь знал Нортон, – тихо сказал он. – Никогда впредь, ни при каких обстоятельствах, ты не должен упоминать о нашей дружбе с Нртоном.

Финчли возмущенно вскочил на ноги. Он хотел было разразиться проклятиями, но, увидев выражение лица Гейма, только спросил:

– Что еще случилось, Стив?

– Неужели ты еще сам не понимаешь?

Финчли молча поднял глаза на друга и затем необыкновенно серьезно произнес:

– Тайна, о которой говорил нам Нортон? Каррайт, профессор Ясный... Ты думаешь, что Прайс хочет заменить Нортон тобой?

– Я в этом почти уверен, – ответил Гейм.

– Итак, мы счастливики, на которых почему-то остановил свой выбор сам Уильям Прайс, – произнес Финчли.

Гейм сурово поправил приятеля:

– Мы не счастливики, а очередные жертвы Прайса. Можно не сомневаться, что настанет час, когда по замыслу Прайса и нас уничтожат за одно соприкосновение с его страшными делами. Мы обречены, Боб.

– Не хочешь ли ты отказаться от службы у Прайса, Стив?

– Нет, ни за что! – энергично сказал Гейм. – То, что не удалось сделать Нортону, должны сделать мы. И не только проникнуть в его страшную тайну... Ты понимаешь?

– Да. Мы должны помешать Прайсу, – и Финчли крепко пожал руку Стива Гейма.

Снаружи доносился шум готовых к старту самолетов.

Глава восьмая

Как это ни странно, но заехать к родным Боба Финчли, проживающим в Нью-Йорке, друзьям не разрешили. С аэродрома их доставили на вокзал и усадили в поезд.

– Какая учтивость! – язвительно бормотал Боб. – Просто не верится, что у нас могут так нянчиться с простым сержантом.

Гейму была понятна досада бортмеханика. Бобу, конечно, не только хотелось снова очутиться в квартире своих стариков, где-то у самого Гарлема, но и еще раз увидеть милое ему личико Лиззи – симпатичной девушки, работающей продавщицей в большом галантерейном магазине. Боб так надеялся снова увидеть ее большие серые глаза, услышать ее чудесный голос, но, увы! Из этого ничего не вышло.

– Вот брошу все, демобилизуюсь и женюсь, – с досадой ворчал Боб в вагоне. – Надо же когда-нибудь кончать эту идиотскую жизнь! Что я им, путешественник или разъездной торговец подтяжками? Хватит с меня...

Гейм молчал. Поезд мчался вперед. За окнами мелькали города и поселки, стаи автомобилей у бензозаправочных колонок, пустыри, одинокие фермы.

Под мерный перестук колес летчик вспоминал свой путь оттуда, из Гренландии. Собственно, ничего примечательного-то и не было. Бросилась в глаза лишь странная поспешность, с которой полковник Бриджес погрузил их в первый же самолет, предварительно заставив Гейма еще раз выпить с ним стакан отвратительной смеси, именуемой коктейлем «Фиалка вечных льдов».

– За ваши успехи, капитан! – кричал полковник. – Вы меня, конечно, понимаете?

Гейм, конечно, его не понимал, но сути дела это не меняло, и вместе с Бобом ему пришлось занять места в кабине самолета, возвращающегося в штаб части, на западное побережье острова. А через несколько часов, когда самолет уже подходил к Туле, Гейм заметил внизу странное движение и посмотрел в бинокль. От городка на север цепочкой уходили люди, одетые по-эскимосски. Они тащили на себе какой-то скарб, волочили санки с пожитками, женщины несли детей.

Пилот охотно объяснил Гейму в чем дело. Оказалось, что отныне Туле как датского поселка, населенного коренными обитателями острова – эскимосами, больше не существовало. По приказу американских военных властей датчане выбросили эскимосов из их домишек, и они должны были переселиться в бухту Ингфильд, На сто шестьдесят километров севернее.

Гейм посмотрел вниз... На огромном снежном плато виднелась вереница обездоленных людей, беженцев в мирное время, уходящих навстречу своей судьбе туда, где до сих пор еще не смогла выжить ни одна эскимосская семья.

Гейму не пришлось даже заезжать в штаб части: приказ о его назначении был вручен ему прямо при пересадке на другую машину, которой надлежало доставить его в Штаты. Потом Нью-Йорк, вокзал, поезд, и вот теперь – брюзжание раздосадованного бортмеханика да привычные виды северо-восточной части Штатов.

Поезд остановился на небольшой станции, и летчики покинули вагон.

– Капитан Гейм и сержант Финчли? – спросил подошедший к ним человек в штатском.

Получив утвердительный ответ, он усадил их в автомобиль, отдал какое-то приказание шоферу, и машина рванулась вперед. Друзья думали, что вот пройдет несколько минут, шофер затормозит – и наконец-то они будут на месте. Но ничего подобного. Время шло, все так же гудел мотор, все так же молчал водитель, а конца пути не было видно. Сначала они мчались по широкой автостраде. Местность постепенно менялась, появились холмы, леса, небольшие озера. Все реже стали попадаться города и поселки, сиротливо выглядели одинокие, почерневшие от времени фермы. Неожиданно шофер резко свернул в сторону, автострада оста-

лась позади, машина двигалась теперь по проселочной дороге. Лес подступал здесь с обеих сторон. Порой ветви деревьев почти преграждали путь. Зеленый полумрак господствовал в лесу. Оттуда тянуло запахом цветов, сыростью, прелыми прошлогодними листьями. Так ехали, наверное, не менее получаса. И вдруг густой лес остался позади – летчики неожиданно оказались на берегу широкой многоводной реки. Величественное зеркало воды отражало лучи предвечернего солнца. Тугие волны, одна за другой шли к океану.

– Гудзон, – прошептал Гейм.

Да, они были на берегу реки Гудзон. Теперь их машина повернула вдоль берега, вверх по течению. Прошло еще часа два. И вот наконец показалась серая каменная ограда, ворота. Через несколько минут автомобиль остановился у подъезда большого двухэтажного дома.

«Так вот где она находится – вилла короля атомной энергии, могущественного Уильяма Прайса!» – думали друзья, осматриваясь по сторонам.

Заходящее солнце ласкало мягкую хвою окружающих дом сосен и елей, аккуратно подстриженную лужайку, клумбы георгин, флоксов и роз. Неподалеку слышались веселые молодые голоса, смех – там была площадка для тенниса.

Летчиков встретил невысокий толстый человек с совершенно лысой головой, густыми седыми бровями и румяным лицом. Он улыбался. Добродушие и благожелательность, казалось, излучались из каждой клетки его упитанного, шарообразного тела.

– Томас Вуд – управляющий, – представился он, энергично и с выражением крайнего дружелюбия пожимая им руки. – Ваш покорный слуга... Рад приветствовать вас, капитан, и вас, сержант... Полагаю, вы будете очень довольны... Можете звать меня просто старина Том – в обиде не буду.

Продолжая с простодушным видом болтать, Томас Вуд привел друзей в просторную комнату на первом этаже.

– Располагайтесь пока тут, – сказал он. – Здесь хорошо, не правда ли? – И, не дожидаясь ответа, понизив голос, сообщил: – В этой самой комнате еще недавно помещался кабинет самого хозяина, понимаете? Мистера Уильяма Прайса... Между нами, только сегодня мы оборудовали ему кабинет в другом помещении. Отдыхайте, сейчас я пришлю вам что-нибудь покушать. Джентльмены извинят меня, но я не хотел бы, чтобы вы предстали уставшими и голодными перед гостями мистера Прайса, а их сейчас у нас много, впрочем, как обычно. Вон, видите, идет корреспондент светской хроники нью-йоркской «Таймс».

Летчики бросили взгляд в окно и увидели спешащего куда-то мужчину в клетчатом, в обтяжку, костюмчике.

– Светская хроника? – с недоумением протянул Финчли.

Вуд, казалось, только и ждал этого выражения недоумения. Он рассмеялся добродушным смехом, отчего его лицо стало еще симпатичнее.

– Именно, сержант, именно. Почти не проходит недели, чтобы у мисс Бэтси – это единственная дочка Уильяма Прайса, сами увидите, очаровательное создание, – не проходит недели, чтобы у нас тут не гостила молодежь из высших кругов. Мистер Уильям не жалеет денег на развлечения дочери.

– Когда я мог бы увидеть мистера Прайса? – спросил Гейм.

– Сейчас хозяина здесь нет. Когда приедет, полагаю, он сейчас же пригласит вас к себе.

Наконец не в меру болтливый управляющий исчез. Вскоре слуга принес закуски, вино. И только теперь друзья почувствовали, что они действительно проголодались. Молодой слуга негр, с открытым лицом и большими печальными глазами, молча накрывал на стол и казался чем-то напуганным. Желая как-то ободрить парня, общительный Финчли дружески хлопнул его по плечу и сказал:

– У вас здесь всегда так хорошо, приятель?

– О да! – поспешил ответить негр, но в голосе и в выражении его глаз скрывалось что-то иное, и Финчли стало жаль его.

– Да что ты трясешься? – дружески спросил он. – Уж не нас ли ты испугался?

– О нет, что вы... Я вас знаю, – смущенно ответил негр.

– Ты нас знаешь? – с удивлением спросил сержант.

– Да, во время войны я служил в части аэродромного обслуживания и не раз встречал вас на фронте... Я знаю – вы хорошие, настоящие люди.

– Тогда выпьем за встречу, – добродушно предложил Финчли.

Но негр отрицательно покачал головой.

– Мне нельзя задерживаться тут, – шепотом пояснил он. – Я хотел бы только предупредить вас: эта вилла – сам ад. Если вам дорога жизнь, не оставайтесь здесь ни минуты. Здесь – страшное место.

Послышались шаги, и в комнату вошел Томас Вуд.

– Ты что-то замешкался тут, Джо, – обратился он к негру. В его тоне и взгляде, который он бросил на слугу, друзья отчетливо заметили плохо скрытую подозрительность.

Негр пробормотал что-то в свое оправдание и выскользнул из комнаты. А вслед за ним удалился и управляющий.

Что хотел сказать им негр, о чем предупредить?

Приятно было, вытянувшись в удобных креслах, сидеть у открытого окна и попивать вкусное виноградное вино, привезенное из Франции. Солнце уже село. С Гудзона потянуло холодком, тени сгустились. Зашелестели ветви деревьев. За деревьями меж цветочных клумб виднелись группы оживленных людей. Гирлянды разноцветных электрических лампочек разгоняли наступающую темноту. Слышалось пение; кто-то играл на рояле.

– У меня такое ощущение, будто нас поместили в один из лучших отелей на побережье Флориды, где-нибудь в Майами-бич, – тихо произнес Финчли.

Гейм молча пожал плечами. Вспомнилось то, о чем рассказал Дуглас Нортон. Тревожно стало на душе.

Вдруг кто-то неожиданно спросил:

– Вы у себя, сэр?

– Да, – буркнул Финчли. Он ответил раньше, чем подумал над тем, что вопрос, собственно, вряд ли относится к ним, так как слово «сэр» не принято в Америке в обращении к простому смертному.

Голос продолжал:

– К мистеру Гарольду идет фон Краус. Включаю помещение мистера Гарольда.

Голос умолк. Что-то слегка щелкнуло. Послышался тихий непонятный шум.

Летчики вскочили на ноги и с изумлением посмотрели друг на друга: в комнате, кроме них, никого не было. Откуда же исходил голос и к кому он обращен?

Ясно, что обращались к Уильяму Прайсу, и тот, кто говорил, по-видимому, не знал двух обстоятельств: того, что кабинет Прайса отныне находится в каком-то другом помещении и что хозяина вообще сейчас нет на вилле. Но кто такой Гарольд, помещение которого включено для подслушивания? И кто этот фон Краус, который идет к нему с визитом? И удобно ли, что они будут сейчас слушать чужой и совсем неинтересный для них разговор? Какое им в сущности дело до какого-то Гарольда или Крауса? Но сколько они ни пытались определить источник проникающих в комнату звуков, им этого не удалось установить. По-видимому, где-то в стене был скрыт микрофон. Что же делать? Уйти? Но куда? Да и почему, собственно, они, уставшие с дороги люди, должны куда-то бежать только потому, что нерадивые хозяева вовремя не предупредили своего доверенного по подслушиванию, что кабинет Уильяма Прайса переведен в другое помещение? Гейм с досадой махнул рукой, сделал знак Бобу, и приятели тихо опустились на свои места. А непонятный шум все нарастал. Вот отчетливо послышался скрип двери,

шаги, кто-то, по-видимому Гарольд, тяжело двинул кресло, очевидно, вставая для приветствия, вслед за тем незнакомый мужской голос вкрадчивым тоном произнес:

– Добрый вечер, мистер Прайс. Явился по вашему вызову.

«Вот оно что, этот Гарольд – тоже Прайс!» – друзья значительно переглянулись – это становилось интересным; оказывается, один Прайс шпионил за другим.

Гарольд Прайс ответил. У него был грубый, слегка хриплый голос, с повелительными интонациями человека, привыкшего к бесцеремонности.

– Хэлло, Краус, рад вас видеть. Мне казалось, что вы и без моего вызова должны были поспешить ко мне. К сожалению, этого не случилось. Хотел бы знать почему?

– Это вопрос, мистер Прайс?

– К чему формальности? Не хватало еще, чтобы вы величали меня мистером Гарольдом Прайсом-младшим.

– Это только соответствовало бы действительности, – заметил Краус.

– Шутки в сторону, дружище, садитесь вот сюда, поближе, и давайте побеседуем.

Последовала пауза – очевидно, Краус занимал указанное ему место, затем Гарольд Прайс продолжал:

– Куда вы столь таинственно исчезли после того, как я избавил вас от суда и тюрьмы там, в Западной Германии?

– Меня пригласил к себе на службу ваш отец, мистер Уильям Прайс.

Вот оно что, Гарольд Прайс – сын хозяина виллы!

– И куда же вы спрятались от меня? – допытывался Гарольд Прайс.

– Я получил специальное назначение и уехал... – Краус замялся, не желая, видимо, сообщать, куда именно он уехал.

Пока все это для летчиков не представляло никакого интереса. Но уже следующий вопрос Прайса-младшего заставил их насторожиться.

– И вы уехали в Азию? Не так ли? Могу вас заверить, это-то мне известно. Но я хотел бы, чтобы вы информировали меня об условиях вашей работы там под руководством Каррайта.

– Н-но в моей работе нет ничего примечательного...

Прайс-младший хрипло рассмеялся.

– Об этом предоставьте судить мне, – в его голосе послышалась скрытая угроза. – Вспомните, Генрих фон Краус, некоторые детали вашей биографии: служба в эсэсовских частях, вы – доверенное лицо ставки Гитлера... Затем вам не повезло, вы встретились со своим старым коллегой, этим русским профессором Ясным, и попали к партизанам. Встреча стоила бы вам головы. Вы спаслись тогда не только благодаря случайности, но и потому, что мои люди вовремя пришли вам на помощь. Так или нет?

– Да, так...

– Затем печальные события мая сорок пятого года – русские взяли Берлин, вы бежали на запад, попали в руки французов и очутились в тюрьме. Вас должны были предать суду военного трибунала и судить. Так? Конечно же так. Но я снова пришел к вам на помощь – это стоило мне немало денег и забот, – и вы снова оказались на свободе. Не думаете ли вы, что я все эти годы опекал вас из филантропических соображений? О нет, просто вы нужны мне, ведь мои заводы изготавливают оружие, и атомное в том числе. Но вы исчезли, даже не оставив адреса.

– Чего вы хотите от меня? – упавшим голосом спросил Краус.

– Вы должны рассказать мне, чем занимаетесь на службе у моего отца.

– Я не могу никому говорить об этом, не имею права, – почти прошептал Краус. – Если я нарушу свои обязательства перед вашим отцом, я погиб, и на этот раз даже вам не удастся спасти меня.

– И все-таки вам придется отвечать мне, – жестко сказал Прайс-младший. – У меня нет иного выхода. Я работаю, прилагаю все усилия к тому, чтобы заводы нашей фирмы произво-

дили как можно больше оружия, я мечусь по всему свету... Вот только что возвратился из Испании, где вел переговоры с Франко... А мой отец... С некоторого времени я не понимаю его: он слушает меня, но не слышит, мои дела мало интересуют его. Он смотрит на меня, как будто я занимаюсь какими-то пустяками, и лишь он один знает смысл, так сказать, всего сущего. Это очень грустно. Я пришел к выводу, что стариком овладела какая-то навязчивая идея. А я знаю моего отца – он не такой человек, чтобы не работать практически над осуществлением этой, засевшей в его мозгу идеи. Так в чем же дело? Объясните мне.

– Я не могу говорить на эту тему, – повторил Краус.

– Не можете? Как бы вам не пришлось в этом раскаиваться, – заговорил Прайс требовательно. – Я хорошо знаю своего отца... Боюсь, что он задумал нечто страшное, необычное, и именно поэтому и не посвящает меня в свои дела. Впрочем, я в этом абсолютно уверен. Скажите, Краус, где находится профессор Старк? Он нужен мне.

– Он в заключении.

– Об этом я догадывался. Где именно?

– Не знаю.

– Вы лжете, Краус... Скажите, по какой причине Старк впал в немилость? Ведь он и мой отец были друзьями.

– Не могу утверждать определенно, – неохотно заговорил Краус, – но, кажется, именно это-то и погубило его... Сэр Уильям посвятил профессора в свои дела, а тот... не согласился с ним, и тогда сэру Уильяму пришлось его... изолировать.

– Что же стало известно Старку?

– Он узнал о назначении Стального зала. Этого вполне достаточно, чтобы остаться без головы.

– Вы часто бываете здесь, на вилле отца?

– Н-нет... Два дня назад я прибыл сюда по специальному вызову.

– Да, но вы не хотите сказать мне, что вы несколько раньше прожили здесь целый год... Молчите! Не отрицайте!.. А вы не такой человек, чтобы не ориентироваться в обстановке... Где находится этот Стальной зал?

– Не знаю.

– Вы опять лжете.

– Я знаю только, что пройти в Стальной зал можно лишь через личный кабинет вашего отца. Но мне неизвестно, где именно находится этот кабинет, а стало быть, и о Стальном зале я вам ничего определенного сказать не могу. Прошу верить моему слову.

– Кто же имеет туда доступ кроме моего отца?

– Мистер Джонстон...

– Как, этот выживший из ума звездочет? Еще кто?

– Кажется, Чарли Скаддер.

– Что вам известно об этом субъекте?

– Чикагский гангстер... Скаддер был приговорен к казни на электрическом стуле за многочисленные убийства. Он уже сидел в камере смертников, когда в Синг-Синг пожаловал ваш отец... И теперь Скаддер – его раб.

– Да, мой отец умеет подбирать себе помощников... Жаль, что вы сегодня неразговорчивы, Краус. Решили отмалчиваться? Поздно! Я сумею заставить вас говорить, сумею заставить вас служить мне!.. Вы думаете, что я еще ничего не знаю... Ошибаетесь. Посмотрите сюда... Что вы видите?

Краус ответил:

– Клочок копировальной бумаги.

– Да, это всего лишь клочок копировальной бумаги, но он из того самого кабинета моего отца, местоположение которого вам якобы неизвестно. И вот по этому клочку бумаги я узнал,

что старик занят работой над планами «Бездна» и «Космос». Знаете ли вы, что это за планы, осуществлению которых он посвятил всего себя? И почему эти секретные планы зашифрованы названиями «Бездна» и «Космос»?

Снова заговорил фон Краус, и в его голосе слышался теперь неподдельный ужас:

– Я не знаком с этими планами, нет, я ничего не знаю... «Бездна»! Я знаю лишь то, что касается непосредственно моей работы, а это только один небольшой участок того дела, которым занят ваш отец. Гарольд Прайс, во имя моей преданности вам, заклинаю вас оставить попытки проникнуть в тайну...

– Стального зала?

– Вы погубите себя, – продолжал почти кричать Краус. – Если Прайс-старший увидит в вас помеху к осуществлению своих замыслов, он не остановится ни перед чем! Он беспощаден!

Гарольд Прайс ответил почти равнодушным тоном:

– Спасибо за предупреждение, Краус. Я тоже не из сентиментальных, вы это знаете. Сейчас я очень обеспокоен, только и всего. Я вооружаю против Советского Союза всех, кого еще можно вооружить, а моего отца, смертельно ненавидящего русских, все это как будто ничуть не интересует. Чем же он занят? Это я должен узнать во что бы то ни стало. Почему он скрывает свои замыслы от меня?

– А вы бы прямо спросили об этом его самого, – посоветовал Краус.

Гарольд Прайс иронически возразил:

– Вы же сами предупреждали меня... К тому же отца сейчас нет здесь, он у себя в правлении «Интэрнейшнл Уран» на Уолл-стрит. Итак, Краус, прежде чем вы покинете виллу, вы должны получить мои указания в отношении дел, которыми волею судеб вам приходится заниматься.

– Слушаюсь, – покорно ответил Краус.

В микрофоне что-то щелкнуло, по-видимому его переключили, и невидимый голос спросил:

– Запись беседы представить вам, сэр?

Агент Уильяма Прайса снова по ошибке обратился к летчикам. Гейм и Финчли обменялись взглядами. Надо было что-то ответить, немедленно ответить, чтобы не возбудить подозрений.

– Нет, – пробурчал Финчли.

– Запись беседы хранить или прикажете уничтожить, сэр, – продолжал допытываться агент.

– Уничтожить, – снова пробормотал Финчли, намеренно глухим, искаженным голосом.

– Слушаюсь, сэр.

Снова послышался легкий щелчок. Друзья вскочили на ноги и бросились вон из комнаты. Никем не замеченные, они прошли между цветущих клумб и по дорожке направились в глубь парка. Здесь было сыро и совершенно темно. Молча удаляясь от дома, летчики оставили затем дорожку, поднялись на невысокий холм и уселись прямо на траву.

Говорить не хотелось – не было никакой уверенности в том, что аппараты подслушивания и звукозаписи не расставлены и здесь, где-нибудь совсем рядом. Наоборот, можно было быть уверенными, что дело обстоит именно так.

Пребывание на вилле «короля урана» началось для летчиков весьма неблагоприятно. Прежде всего, что хотел сказать им молодой негр, о какой страшной опасности хотел их предупредить? Впрочем, это-то можно будет выяснить в самое ближайшее время, например утром, когда Джо принесет им завтрак. Что это за немец, с которым беседовал Гарольд Прайс? Какое он имеет отношение к делам Уильяма Прайса? Почему, в самом деле, старый Прайс не посвящает в свои дела сына? Нортон был прав – знаменитый профессор Старк находится в заточении, сегодня Краус подтвердил это. Но где? Может быть, где-нибудь поблизости отсюда? Что

это за Стальной зал и почему он доступен астроному Джонстону? Наконец, что значат планы Прайса под шифром «Бездна» и «Космос»?

В глубокой задумчивости долго сидели друзья среди деревьев. Метрах в ста от них парк пересекала высокая стена, из-за которой виднелось озеро. Огромное, бесформенное, похожее на башню строение поднималось будто из самой воды и высоко уходило в ночное небо. Гейму показалось, что одно из окошек башни неярко светилось. Очевидно, это и есть обсерватория Джонстона.

Свежело. Как-то незаметно появилась на вечернем небе луна. Зеленые призрачные лучи упали на вершины деревьев. Гейм встал и сделал знак своему помощнику. Они дошли до высокого забора и повернули в южном направлении: Гейму казалось, что, идя таким путем, они рано или поздно выйдут на какую-нибудь тропу, ведущую к главному зданию. Но никакой тропы не попадалось. Летчики сделали огромный круг и примерно через час вышли на площадку перед воротами. Электрические огни между клумбами погасли, машины с гостями одна за другой покидали виллу, разворачиваясь на берегу Гудзона, и с ревом уходили в ночную темь.

Друзья прошли в отведенную им комнату и устало опустили у окна. Почти тотчас вошел Джо, неся ужин.

– Джентльмены гуляли... – заметил негр каким-то странным голосом, в котором слышались и удивление, и тревога, и желание о чем-то предупредить. Именно так и понял его Гейм. Он решил не терять времени.

– Почему гости так поздно покидают виллу? – спросил он.

– О, они просто отправились ночевать в другое помещение, километрах в десяти отсюда, – ответил слуга. – У нас такой порядок – гости никогда на вилле не ночуют. Для ночлега имеется «Приют Бэтси» – так зовут дочь хозяина, джентльмены.

Финчли уже раскрыл рот для того, чтобы спросить Джо о причине этого, не совсем обычного гостеприимства, но в комнате появился управляющий со своей обязательной улыбкой и настороженным взглядом, и негр выскользнул в коридор.

– Гуляли? – проговорил Вуд не столько вопросительно, сколько утвердительно.

Гейм кивнул.

– Я боялся, что вы можете заблудиться, ведь территория виллы весьма обширна, – продолжал Вуд, и в его голосе послышались плохо скрытая тревога и любопытство.

Гейм и Финчли незаметно переглянулись: что значит тревога управляющего? Разве они не могли никуда выходить без того, чтобы заранее не предупредить его? Ведь они здесь не пленники! Но кто же они тут в самом деле?

Чтобы успокоить Вуда, Гейм произнес безразличным тоном:

– Хотели прогуляться, да забрели на какой-то холм, а дальше уж и идти не захотелось. – Гейм понимал, что в этом доме, где за ними, по-видимому, тщательно следят, нужно держать ухо востро. Его ответ, казалось, успокоил управляющего, и он собрался уходить.

– Когда же я увижу мистера Уильяма Прайса? – спросил его Гейм.

– Не спешите, капитан, не спешите, – заулыбался Вуд, – сейчас хозяин в Нью-Йорке. Когда будет надо, он пригласит вас. Спокойной ночи, – и он удалился.

– Теперь спать! – скомандовал Гейм и решительно подошел к одной из двух находившихся в комнате кроватей.

Все выше поднималась луна на темном ночном небе. Погасли огни во дворе, в саду. Огромная уродливая тень от башни-обсерватории лежала на тихих водах озера.

Сколько так прошло времени – сказать трудно. Гейм проснулся внезапно, как если бы его толкнули. Но нет, все было спокойно, он по-прежнему лежал в своей кровати. Летчик повернулся на другой бок и бросил взгляд в сторону окна. Но что за чертовщина? Никакого окна он не увидел. В комнате стояла абсолютная темнота. Гейм прислушался: дыхание спящего помощ-

ника не доходило до него. Летчик почувствовал, как у него напряглись все мускулы. Он осторожно слез с кровати и сделал шаг вперед: его руки уперлись в стену. Держась за нее, он обошел вокруг своей кровати: сомнений не было – он находился не в той комнате, в которой лег спать, а совсем в другом помещении, похожем на карцер. Снова и снова исследовал он стены, но двери обнаружить ему не удалось. Что же делать дальше? Оставалось одно – ждать. Гейм пытался понять, что же с ним произошло? Кому и зачем нужно было похищать его? Неожиданно его обожгла мысль: а что, если Вуд установил, что он с Бобом слышал беседу Прайса-младшего с фон Краусом? Может быть, кому-то все-таки стало известно о том, что им тогда в Гренландии сообщил Нортон? Но что стало с сержантом Финчли, где он? А главное, каким образом он, капитан Гейм, очутился в этой странной западне? Нужно было во всем этом разобраться. Как бы то ни было, летчик решил мужественно встретить любое новое испытание. Пока же ему не оставалось ничего иного, как терпеливо ждать.

Неожиданно где-то под потолком загорелась лампочка-ночник, и тотчас послышался несколько насмешливый голос Вуда:

– Вы уже проснулись, капитан?

– Да, – сердито ответил Гейм, еще не зная, как надо вести себя.

– Одевайтесь быстрее, – опять послышался голос невидимого Вуда. – Платье рядом, на стуле. Вас вызывает к себе мистер Уильям Прайс.

Вспыхнула другая лампочка. Яркий свет залил крошечную комнату. Гейм быстро оделся. Внезапно открылась не замеченная им ранее дверь, и Гейм увидел себя стоящим в самом начале длинного, теряющегося в темноте туннеля. В нескольких шагах от летчика находилась обыкновенная железнодорожная дрезина.

– Поспешите, я жду вас, – послышался нетерпеливый голос управляющего, и в тот же миг Гейм увидел его. Вуд вынырнул из темноты и поспешно усаживался в дрезину. По знаку Вуда летчик занял место рядом с ним, и машина устремилась вперед. По мере того как она продвигалась по невидимым рельсам, вверху и с боков автоматически зажигались и снова гасли крошечные лампочки дневного света. Вуд повернул какой-то рычажок, дрезина остановилась, и вверху вспыхнули залившие все светом электрические лампочки.

Гейм очутился посреди круглого, увенчанного белым лепным куполом зала, похожего на небольшую станцию метро. Это сходство только усиливалось тем, что темная пасть туннеля уходила куда-то дальше.

Вуд открыл находящуюся в углублении дверь и пропустил Гейма.

– Ждите. Вас позовут, – сказал он.

Гейм остался один. Он находился теперь в обширной, почти совершенно пустой комнате. Несколько написанных темными красками картин на стенах, круглый, заваленный газетами и журналами стол посередине и два кожаных кресла возле стола. Вот и все. Комната, которая, очевидно, служила приемной, была слабо освещена единственной настольной лампой, прикрытой плотным абажуром. Гейм опустил в кресло и приготовился ждать вызова к Прайсу.

Неожиданно в комнате очутился еще один человек. Откуда и как он появился – Гейм не заметил. Услышав тяжелые шаги, летчик повернулся и увидел Скаддера. Да, да, это был тот самый, напоминающий гигантскую обезьяну человек, которого он недавно оставил на базе «Норд» в Гренландии. Теперь он подходил к Гейму с протянутой рукой.

– Вы удивлены, увидев меня здесь, капитан? – начал Скаддер голосом, в котором нетрудно было уловить оттенок торжества и иронии.

– Нет, – сухо ответил Гейм.

– Почему?

– Я солдат.

– Правильно, – покровительственно согласился Скаддер.

– Меня вызвал сюда мистер Уильям Прайс, – сказал Гейм.

– Знаю, – ответил Скаддер. – Сейчас он примет вас. Как бы в подтверждение его слов раздался звонок.

Скаддер заторопился.

– Вас зовут. Пойдемте, – сказал он. – Оружие оставьте здесь, оно вам не понадобится.

– Нет, – резко сказал Гейм. – Я нахожусь на военной службе в армии Соединенных Штатов.

Скаддер с нескрываемым презрением посмотрел на него.

– Вы служите Прайсу, и только Прайсу, советую вам понять это, – произнес он. – Впрочем, как знаете, капитан, мое дело предупредить вас. Идемте.

Гейм переступил порог, и дверь за ним захлопнулась с глухим шумом.

Он очутился в обширном, залитом ярким электрическим светом кабинете. Ковровая дорожка вела к огромному, заваленному бумагами письменному столу, за которым сидел Прайс. У стены, рядом со столом, стоял большой сейф. Прямо перед столом Гейм заметил закрывающие что-то металлические шторы, а в стене, позади кресла, в котором сидел хозяин, – три одинакового размера двери.

Четким военным шагом Гейм пересек кабинет и остановился у стола. Прайс поднял голову и в упор посмотрел на него. Длинный и тонкий нос миллиардера, наподобие птичьего клюва нависший над верхней губой, старое, в многочисленных складках лицо производили отталкивающее впечатление. Особенно неприятны были глаза Прайса, в которых Гейм увидел беспредельную жестокость. Он понял, что перед ним фанатик или сумасшедший.

Прайс молча протянул ему руку.

– Известно ли вам, капитан, что вы откомандированы сюда в мое полное распоряжение? – раздался скрипучий голос старика.

Гейм подтвердил, что ему это известно.

– Я знаю о вас все, – продолжал Прайс, сверля Гейма злобными глазами. – Это естественно... У вас произошло несчастье там, на базе «Норд». Погиб ваш коллега...

Гейм пожал плечами и как можно безучастнее сказал:

– В армии все случается... Что же касается капитана Нортон, то я почти не был знаком с ним – он был замкнутым человеком.

– Был... – казалось, Прайс прислушивался к тому, как звучит это «был», и Гейм отлично понимал его: если Нортон «был», значит, его нет; это для Прайса очень важно.

– Вы интересуетесь политикой? – спросил Прайс, меняя тему разговора.

– Моя специальность – самолеты, – сухо ответил Гейм.

– Мне рекомендовали вас как патриота, капитан, – Прайс откинулся в кресле.

Гейм молча поклонился.

Следующий вопрос застал Гейма врасплох.

– Вы счастливы? – неожиданно спросил его Прайс.

«Что он хотел этим сказать? – думал летчик. – Хочет убедиться, что находящийся у него на службе человек счастлив? Нет, пожалуй, нет. Вряд ли такой человек вообще понимает, что такое человеческое счастье».

– Я не задумывался над этим, – уклончиво ответил Гейм, – но вряд ли могу считать себя счастливым, сэр.

Казалось, Прайс только и ждал этого ответа. На его лице мгновенно появилось выражение удовольствия, глаза засверкали каким-то неестественным восторгом. Он соскочил с кресла, подбежал к летчику и вцепился ему в рукав.

– Я не ошибся в вас... вы молодец, капитан. Откровенность со мной – прежде всего. Вы несчастливы, значит, вы чувствуете жизнь! Да, да, вы далеко пойдете... Слушайте, что я вам скажу: если сейчас кто-либо не чувствует себя несчастным, то он чудовище, святой или идиот!

Вам необходимо наблюдать за окружающей вас Вселенной – она разваливается над вашей головой... Вы понимаете меня?

– Да, да, конечно, – бормотал ошеломленный Гейм.

Возбуждение, охватившее Прайса, казалось, оставило его. Он снова занял место в кресле.

– Теперь перейдем к делу, – сухо, почти враждебно произнес он. – Вам предстоит совершать полеты по маршрутам, которые я вам буду давать в каждом отдельном случае. Вам придется летать на машине, которую, надеюсь, нетрудно будет изучить. Это самолет марки «Метеор». У него есть некоторые особенности, с которыми я вас познакомлю. Пройдемте со мной.

Гейм с готовностью поднялся с места. Они прошли приемную, где к ним присоединился Скаддер, и вышли в туннель. Дрезина стояла на месте, но Вуда нигде не было видно. Скаддер включил рычаг скоростей, и машина снова устремилась вперед, на этот раз несколько под уклон. Когда Гейм вслед за Прайсом сошел с дрезины, он увидел, что туннель в этом месте упирался в большую стальную дверь. Скаддер вложил в замок ключ... Гейм ожидал, что вот сейчас они переступят порог нового помещения и начнут выбираться на поверхность, но ничего подобного не произошло. За открытой дверью находился лифт. Скаддер нажал одну из многочисленных кнопок, и кабина лифта, точно оборвавшись, стала падать вниз. Впрочем, ощущение движения тотчас же прекратилось, и определить, на какое именно расстояние они опустились, Гейм не смог.

– Свет! – скомандовал Прайс, когда они вышли из лифта.

Скаддер привел в действие какой-то механизм, мощный луч прожектора ушел в глубину и стал что-то нащупывать.

– Ну! – нетерпеливо понукал Прайс.

– Сейчас, сейчас, сэр... – бормотал Скаддер. Наконец луч прожектора метнулся влево и снова замер.

– Видите? – обратился Прайс к летчику. Но тот пока ничего не видел.

Прайс торжествующе рассмеялся:

– Вот вам первая особенность вашего «Метеора», капитан, – вы не видите его.

Но теперь, напрягая зрение, Гейм различил неподалеку что-то смутно отсвечивающее на фоне темной стены.

– Идите сюда, – и Прайс, взяв Гейма под руку, отошел в сторону.

Луч прожектора переместился, и теперь перед Геймом оказалась не черная, а белая стена.

– Видите? – снова спросил Прайс.

И опять, лишь напрягши зрение, Гейм сумел различить на белом фоне нечто весьма неопределенное по форме, а по цвету напоминающее морскую медузу.

Прайс ждал ответа. Гейм молча пожал плечами. Тогда Прайс, сделав летчику знак следовать за ним, торжествующе направился к тому месту, где луч прожектора упирался в стену. Только подойдя почти вплотную, Гейм увидел своеобразный, с короткими стреловидными крыльями самолет, сделанный из какого-то незнакомого ему материала, способного как бы просвечиваться на любом фоне. Самолет стоял на платформе, которая, по-видимому, и выбрасывала его в нужный момент в воздух.

– Мой «Метеор», капитан, следовало бы именовать одновременно и хамелеоном, – сказал Прайс. – Свойство этого самолета – мгновенно сливаться с фоном, на котором он появляется, и в зависимости от угла, под которым на него смотрят. Это весьма ценно. Я не предлагаю вам сейчас же заняться изучением «Метеора», для этого у вас еще будет время. Мне просто хотелось, чтобы вы поняли, на какой необыкновенной машине я даю вам возможность летать, поняли и оценили это.

– Подземный ангар великолепен, – произнес Гейм.

– Вы находите? – Прайс был явно польщен. Он шепнул что-то Скаддеру, тотчас прожектор погас, и они очутились в полнейшей темноте. Не успел еще Гейм сообразить в чем дело, как Прайс приказал:

– Смотрите вверх!

Летчик поднял голову. Где-то высоко-высоко раздвинулся потолок, и Гейм увидел спокойное ночное небо, усеянное крупными и яркими звездами. Ему казалось, что он стоит на дне необычайной глубины колодца. Но вот Прайс распорядился, и обе половинки потолка сошлись.

Когда дрезина двинулась обратно и остановилась у знакомой двери, Гейм подумал, что уж теперь-то Прайс отпустит его спать, но тот снова пригласил его в свой кабинет.

– Мне осталось сегодня сказать вам немного... – начал Прайс, закуривая сигару. – Скажите мне, мистер Гейм, вы верите во всемогущество атомной бомбы?

Капитан с изумлением посмотрел на Прайса: какого же ответа ждет он от него, от офицера воздушных сил?

Прайс, прищурившись, молча смотрел на него, затем, довольный, захихикал.

– Вы не верите в нашу атомную бомбу, Гейм, – тихо, заговорщическим тоном продолжал Прайс. – Вот за это вы мне еще больше нравитесь. Вы молодец, капитан. Но боже вас избавь где-нибудь проговориться, это будет не патриотично и может стоить вам головы, особенно если об этом узнает мой сын Гарольд.

Гейм хотел возразить, но Прайс жестом остановил его:

– Меня вы можете не опасаться, я тоже не верю в то, что с помощью атомной бомбы Соединенным Штатам удастся установить свое господство над всем миром. К тому же русские тоже владеют этим секретом, а Китай давно выбросил Чан Кайши и стал союзником России. Мы с вами понимаем, что все это значит. Но пусть мой Гарольд пока тешится, ему нужна вера во всемогущество оружия, которое он производит и которым торгует. Сейчас вы отправляйтесь спать, а завтра вместе с вашим помощником поедете на юг...

Гейм вопросительно взглянул на Прайса.

– Через несколько дней, – продолжал тот, – на атомном полигоне Юкка-Флэтс в штате Невада состоится очередное испытание атомной бомбы. Оно будет произведено в присутствии подразделений армии. Там будет и Гарольд, чтобы еще больше уверовать в свою идею, там будете и вы, но для того, чтобы воочию убедиться в иллюзорности этой идеи. Гуд бай, Гейм, – и Прайс углубился в свои бумаги.

Гейм встал.

– Слушаюсь, – ответил он. – В котором часу завтра я должен покинуть вашу виллу?

– В двенадцать за вами придет Скаддер.

Летчик возвращался в свою комнату в сопровождении Скаддера через главный подъезд. Кровать его стояла на прежнем месте, а на соседней, как ни в чем не бывало, безмятежно спал Финчли.

Было уже поздно, когда Гейм очнулся от тяжелого, не давшего ему отдыха сна. В открытые окна врвался свежий ветерок с Гудзона и аромат цветов. Мурлыкая что-то себе под нос, Финчли возился у чемодана.

– И здоров же ты спать, – сказал он, заметив, что Гейм проснулся.

– Что ты делаешь? – спросил его Гейм.

– Разве не видишь? Распаковываю наши чемоданы, пора переходить на оседлый образ жизни, – бодро ответил бортмеханик.

– Ну так укладывай все обратно, – приказал Гейм и начал поспешно одеваться.

– А в чем дело? – осведомился Финчли.

Гейм взглянул на часы:

– Через два часа мы покидаем виллу Прайса.

– Почему?

– Мы отправляемся в штат Невада.

– Зачем?

– Для участия в испытании атомной бомбы на полигоне Юкка-Флэтс.

Финчли в крайнем изумлении посмотрел на приятеля.

– Тебе что-нибудь приснилось, Стив? – с тревогой в голосе спросил он.

Гейм возразил:

– Я слишком мало спал в эту ночь, чтобы видеть сны, Боб. После я тебе все объясню, а сейчас давай собираться. Скоро за нами придет Скаддер.

– Как? Эта горилла здесь? – Финчли от удивления даже присвистнул и принялся поспешно укладывать вещи в чемоданы.

Скаддер подал автомобиль точно в 12.00.

Глава девятая

Командировка кончалась. Капитан государственной безопасности Сергей Русаков и его начальник полковник Соколов должны были возвратиться в Москву с поездом, который проходил через Краснотал на следующий день рано утром. Русаков чувствовал себя превосходно: задание, с которым он приезжал в Краснотал, удалось выполнить успешно и в срок. Пришлось, правда, основательно поработать, порядком устать, но теперь все уже было позади, завтра утром он покинет Краснотал, а сегодня можно не спеша пройти по чистым тенистым улицам этого украинского городка и пораньше лечь спать, чтобы вовремя поспеть к отходу поезда.

Но ни Русакову, ни его начальнику полковнику Соколову не пришлось отдохнуть перед дорогой, а утром поезд на Москву ушел без них. Неожиданно им пришлось заняться операцией, которую полковник назвал «Незванный гость».

... В семь часов вечера полковник Соколов возвратился в гостиницу и немедленно вызвал капитана, только что вернувшегося с прогулки.

– Будьте готовы в восемь ехать вместе со мной к генералу Бондаренко, – сказал он Русакову.

– Разрешите спросить – зачем? – обратился к нему капитан.

– Приглашены на ужин перед отъездом, – пояснил Соколов.

Русаков хотел было от участия в ужине уклониться, но полковник рассердился.

– Раз приглашают, надо идти, – сказал он неожиданно сурово и, помолчав, добавил: – Бойтесь оказаться лишним? А генералу-то, может, вас будет приятнее видеть, чем меня. Эх, комсомолия... не понимаешь!

Русаков действительно ничего не понимал и продолжал молча смотреть на шагнувшего назад и вперед начальника. За два года службы под его руководством Русаков впервые видел полковника столь глубоко взволнованным. Что же случилось? Генерал Бондаренко был старым другом Соколова. Почему же ему будет приятнее видеть у себя Русакова?

– Простите, Иван Иванович, – сказал он, обращаясь к полковнику, – а не тактичнее ли мне все-таки не идти?

Соколов строго взглянул на него.

– Нет, – ответил он. – Мы пойдем вместе. Во-первых, это будет приятно генералу Бондаренко, во-вторых, легче мне... Дело в том, – пояснил полковник, – что у Бондаренко был сын... Генерал на днях сказал мне, что вы, капитан, напоминаете ему его Сашу.

Генерал извиняющимся тоном сказал жене:

– Мы пройдем ко мне, потолкуем, а ты вели подать нам туда чаю.

В сопровождении хозяина Соколов и Русаков прошли в его залитый ярким светом вечерней зари кабинет. Русаков полагал, что вот сейчас генерал скажет им на прощание что-то веселое, шутливое и что именно эти, последние минуты встречи друзей и будут самыми легкими и приятными. Но, к его удивлению, произошло нечто совсем обратное. Никто не шутил и не смеялся. Как только закрылась дверь кабинета, и Бондаренко и Соколов, казалось, даже внешне изменились: у генерала опустились плечи, он согнулся так, будто какое-то горе придавило его. Соколов же сразу подтянулся и стал строже обычного. Это было заметно по блеску глаз, по плотно сжатым губам, – уж Русаков-то знал своего начальника. Бондаренко сказал Соколову:

– Расскажи... Я для этого и пришел сюда... чтобы тут без Маши (так звали жену генерала) спросить у тебя подробности гибели моего сына.

– Я уже писал тебе, – тихо ответил Соколов. – Мне тяжело, очень сейчас тяжело, друг.

И Русаков видел, что полковнику действительно было очень тяжело.

– Я знал, что, встретив меня, ты будешь спрашивать, – снова заговорил Соколов, – и... боялся этой минуты.

Наступило тягостное молчание.

Лучи предзакатного солнца наполняли комнату золотым светом.

Генерал сказал:

– Саша был моим единственным сыном. Я так любил его...

– Он погиб с честью, – перебил его Соколов.

– Да, знаю, он не нарушил присягу. Но... я хочу услышать от тебя, понимаешь, услышать, как произошло несчастье.

– Хорошо, – глухо ответил полковник. – Как ты знаешь, гитлеровцы тогда свирепствовали в Крыму. Партизанский отряд, в котором случайно очутились вместе я и твой Саша, был окружен в южной части Яйлы. – Полковник взял лежавший на письменном столе лист бумаги и стал набрасывать на нем схему расположения отряда. – Мы находились вот здесь, среди скал, без продовольствия и боеприпасов. Гитлеровцы наседали на нас со всех сторон... Мы знали, что скоро нам помогут, выручат. Единственно, что угнетало нас, – наши раненые товарищи, которые были обречены на верную смерть.

Резкое, крупное, будто вырубленное из гранита лицо Соколова выдавало волнение. Серые его глаза, прикрытые нависшими над ними густыми бровями, пристально смотрели на генерала.

– Нужно было во что бы то ни стало достать хоть немного хлеба, спасти людей... Но к кому обратиться? Население окружающих деревень само голодало – фашисты всех обобрали до нитки. Русских арестовывали, истребляли – и гестапо, и карательные отряды. Пока мы ломали себе головы над тем, что делать, Саша, твой сын, попросил разрешить ему попытаться пробраться в долину и там, у верных людей, достать хлеба для раненых.

Генерал опустил голову.

– Дело в том, – продолжал полковник, – что у нас в отряде был один партизан из местных жителей, молодой человек лет двадцати, высокий, сильный. Звали его Али Каримов. До войны он учился в одном из московских вузов. Война застала его в Крыму, у родных. На фронт он почему-то так и не попал, но когда фашисты ворвались в Крым, ушел к партизанам. После того как отряд Карпенко наскочил на засаду, Али вместе с несколькими уцелевшими партизанами пробрался к нам, воевал с нами плечом к плечу, часто ходил в разведку и всегда приносил ценные сведения. Он первым сообщил, что немцами сформирован новый карательный отряд во главе с предателем Абдуллой Османовым. Отряд этот состоял из уголовников. Много наших людей погибло от их рук. Говорили, что главарь банды – молодой парень, сын человека, владевшего в прошлом огромными виноградниками в Крыму. Одно время немцы бросили карателей Османова на ликвидацию партизан под Феодосией, а затем бандиты полезли против нас. Это они помогли гитлеровцам окружить наше убежище. Али Каримов часто скрежетал зубами, рассказывая нам о преступлениях бандита Абдуллы Османова, и жалел, что тот до сих пор не попал к нему в руки. А что бывало с попадавшими к нему в руки карателями из того же отряда Османова, мы знали: их Али собственноручно уничтожал. Саша сдружился с Али, иногда вместе с ним ходил в разведку, а однажды во время стычки с бандой Абдуллы Османова Али своим телом прикрыл Сашу. После этого случая дружба Саши и Али стала еще теснее, и вот Саша пришел к нам и сообщил, что среди местных жителей имеется много людей, преданных советской власти, тайно сочувствующих нам, и если бы мы смогли установить с этими людьми связь, можно было бы получить у них немного хлеба для наших товарищей, находящихся в тяжелом состоянии. Идти на это дело одному Саша считал слишком рискованным. Сопровождать его вызвался Али.

Посоветовавшись, мы решили все же воздержаться пока от их предложения. Оба они ушли от командира огорченные. «Поверьте, – говорил нам Саша со слезами на глазах, – не могу же я

сидеть тут сложа руки и спокойно смотреть, как умирают от голода мои боевые друзья!» А друзей у Саши – весь отряд, партизаны любили его за чистую душу, за горячее сердце. Саша ушел дежурить в наш полевой госпиталь, а потом ночью куда-то исчез. Нашли его записку командиру, в которой он сообщал о том, что вместе с Али идет в долину за хлебом для товарищей. Он просил не беспокоиться и заверял, что через день вернется. Решили мы серьезно поговорить с Сашей... Но прошел день, другой, прошло четыре дня, а Саши все не было. Больше мы его не видели...

Полковник умолк. Бондаренко всем телом тяжело подался в его сторону.

– Что же было потом? – проговорил он сдавленным голосом.

Полковник продолжал машинально чертить ненужную уже теперь схему.

– Через несколько дней нам стало известно, что Саша вместе со своим другом Али попал в лапы немцев. Сперва их допрашивали в гестапо, потом передали Абдулле Османову.

– Дальше, дальше, – почти беззвучно шептал Бондаренко.

– Бандиты согнали окрестное население в село Покровское, и... там, на площади, Саша героически погиб.

Генерал встал с кресла. Лицо его, казалось, окаменело.

– Я хочу знать подробности, – сказал он сурово.

– Бандиты хотели запугать партизан, – опять глухо, через силу заговорил полковник. – Сашу... распяли. Сначала распяли, а потом... сожгли живым.

Генерал пошатнулся. Русаков бросился поддержать его, но он вдруг выпрямился во весь рост и странно спокойным голосом приказал:

– Дальше.

Полковник поднял голову и вопросительно посмотрел на генерала.

– Ты не все рассказал мне, – сурово сказал Бондаренко. – Ты не сказал мне, кто командовал тогда бандитами и что стало с Али Каримовым.

– Казню распоряжался Абдулла Османов... А... Али, друг Саши, оказался... на самом деле это был...

– Кто же он был на самом деле? – почти вскричал генерал Бондаренко.

– Абдулла Османов.

– Что?! – генерал гневно смотрел на Соколова.

– Да, это был он...

– Где этот бандит теперь? – спросил генерал.

– По нашим сведениям, он бежал вместе с немцами, был завербован американской разведкой, позднее перебрался в Стамбул, к туркам, – ответил Соколов.

Молчаливые возвратились Соколов и его помощник в гостиницу. Полковник долго стоял у открытого окна, курил. Русаков снова и снова вспоминал его рассказ о героической смерти Саши Бондаренко, пытался представить себе предателя Абдуллу Османова.

– Спать, – скомандовал Соколов.

Но сон не шел к ним. Русаков видел в темноте огонек папиросы в зубах своего начальника, слышал шум ветра за окнами – после захода солнца погода неожиданно изменилась, небо покрылось тучами, было похоже на то, что дело шло к дождю.

Зазвонил телефон. Русаков поднял трубку и услышал голос Бондаренко.

– Вас спрашивает генерал, – сказал он полковнику.

Русаков не слышал, что именно говорил генерал, весь разговор продолжался какие-то доли минуты.

– Да, да, – ответил Соколов, – конечно. Хорошо, – и включил свет.

– Одевайтесь, быстро, – приказал он помощнику. – Машина, наверное, уже у подъезда. Дорога каждая минута.

– Разрешите спросить, что случилось? – обратился Русаков.

– Мы примем участие в операции... Получено сообщение о том, что в районе Большого Гая с неизвестного самолета сброшены парашютисты.

У здания областного Управления государственной безопасности к ним в машину подсел генерал Бондаренко. Следом двинулись в ночную темь грузовики с солдатами.

– На помощь не мешало бы привлечь колхозников, – сказал полковник Соколов, обращаясь к генералу.

– Я это и сделал, – ответил Бондаренко. – В селениях, расположенных поблизости от Большого Гая, объявлена тревога, и люди, наверное, уже направились к лесу.

Генерал посмотрел на светящийся циферблат своих часов и спросил шофера:

– За час доберемся?

– Доберемся, – уверенно ответил тот.

Действительно, не прошло и часа, как они очутились на опушке леса, вставшего перед ними огромной темной массой. Слегка накрапывал дождь. Русакову впервые приходилось принимать участие в такой операции, и она увлекала его.

На опушке их встретили прибывшие ранее заместитель генерала по управлению безопасности и председатель ближайшего райисполкома. Генерал Бондаренко проинструктировал собравшихся. Была дана команда зажечь факелы, и мгновенно вспыхнула нескончаемая линия огней.

По новой команде цепи пришли в движение, факелы мелькнули среди деревьев и, разгоня темноту, двинулись в глубь леса.

Русаков шел рядом с полковником Соколовым. Вместе с группой солдат и колхозников им предстояло пройти через топь к пересекающей лес речке, выйти к месту, которое местные жители зовут Вороньим островом, и тщательно обследовать его.

Полковник приказал внимательно осматривать все канавы, лощины, густые кроны деревьев.

– Они должны были спуститься где-то тут, в отведенном нам секторе, – сказал Соколов.

– Почему? – спросил его Русаков.

– В свое время мне пришлось основательно изучить Большой Гай, – ответил полковник, – и если бы мне предстояло быть сброшенным здесь, то я постарался бы приземлиться именно на этом участке. Тут кругом трясина – «Гнилая топь», а рядом, у самого Вороньего острова, – речка. А вы знаете, что значит речка для любого заброшенного в наш тыл врага.

Русаков понимал, конечно, какое значение для врага имела речка – по воде он мог скрыться бесследно.

– Так вот, – продолжал полковник Соколов. – Надо думать, что речку эту вражеские парашютисты имели в виду, еще находясь за кордоном.

По голосу полковника Русаков почувствовал, что тот усмехнулся – стало быть, в поимке вражеских парашютистов он был уверен.

– Но в таком случае их наверняка уже нет здесь, – заметил Русаков. – Ведь с момента приземления диверсантов до того, когда Большой Гай был нами оцеплен, прошло довольно много времени. Вряд ли они сидели тут и ждали, пока мы явимся.

– Конечно, – ответил Соколов. – Генерал учел это и уже принял кое-какие меры. Но лес прочесать все-таки надо.

С этим Русаков не мог не согласиться. «Раз над Большим Гаем сброшены парашютисты, то необходимо обыскать его вдоль и поперек: мы ведь не знаем, с какими заданиями заброшены к нам вражеские лазутчики», – размышлял он.

Начало рассветать. Соколов со своими людьми упорно продвигался к Вороньему острову.

– Теперь надо бы идти осторожнее, – сказал молодой парень, местный колхозник. – Тут вот, товарищ полковник, и начинается «Гнилая топь».

«Гнилая топь». Вековые замшелые коряги, густые папоротники, воздух, пропитанный болотными испарениями...

Где-то прокричала испугнутая выпь, и опять стало тихо. Люди продолжали идти вперед. Вернее, они теперь не шли, а прыгали с кочки на кочку, с коряги на корягу: впереди проводник, молодой колхозник, за ним полковник, капитан Русаков и все остальные. Остановиться нельзя, да и негде.

Это был на редкость утомительный поход. Даже молодой и закаленный регулярными занятиями спортом Русаков почувствовал, как у него от усталости дрожат ноги. А конца пути все не было видно. Наконец удалось добраться до небольшой полянки.

Стало совсем светло.

Люди расположились на короткий отдых в густой тени раскидистого дуба.

– Дальше будет легче, – заметил Соколов. – Скоро мы дойдем до канавы и пойдем по ее гребню.

Русаков с удивлением посмотрел на него.

– Никакой иной возможности добраться до Вороньего острова у нас нет, – пояснил полковник.

– Вы так говорите, точно сами были в этой местности, – сказал капитан.

– Да. Вы слышали о моем друге, профессоре Ясном Александре Ивановиче? Так вот, в этих гиблых местах мы с Александром Ивановичем воевали против немецких фашистов в сорок первом году. Я тогда командовал соединением, а Ясный работал при штабе партизанского отряда переводчиком. Время было тяжелое, немцы бросили против нас огромные силы: танки, самолеты. Орудия били по лесу со всех сторон. Шли мы тогда на Вороний остров. Шли ночью, с ранеными и больными... Жертвы были. Видите, топь какая – засосет мигом... Короткая остановка вот на этом самом месте – и опять в путь, чтобы к утру добраться до Вороньего острова.

– И долго партизаны оставались здесь? – спросил Русаков.

– Долго... Сначала мы притихли – нужно было собраться с силами. Немцы решили, видно, что с нами покончено. А когда подморозило, нам стало сподручнее воевать – опять поезда полетели под откос. Был однажды и такой случай: пошел я с несколькими бойцами в разведку... Только выходим на шоссе, смотрим – мчатся несколько машин, фары потушены... Рассчитывали проскочить. Залегли мы... Александр Иванович Ясный рядом со мной, локоть к локтю. Думать-то особенно некогда, машины близко. Ударили мы сначала по крышкам, а потом по людям. Полетели гранаты, пустили в дело автоматы. Немцы – врассыпную, и палят куда придется. Бросились мы к лимузину... огромный такой... Шофер убит, а внутри немец в форме полковника эсэсовских войск. Молчит, смотрит волком. Мы с Ясным обезоружили его, схватили в охапку да через болото на Вороний остров. Немцы позади галдят, пули по деревьям шлепают... Ух и намучились мы с ним, нести пришлось до самого острова.

– Ну и что же вы сделали с этим эсэсовским полковником? – спросил Русаков.

– Допрашивал его Ясный в штабе. Потом отправили к тайному партизанскому аэродрому, чтобы доставить на Большую землю, да неудачно – и немец этот, и конвоиры попали под бомбы...

– Погибли? – спросил Русаков.

– Трудно сказать, я в расследовании не принимал участия, но по заключению тех, кто расследовал, – погибли.

– Что же это за птица была, что его потребовалось отправлять через линию фронта? – спросил Русаков.

– Из бумаг, которые мы взяли вместе с ним в машине, выяснилось, что наш пленный не только эсэсовский полковник, но и ученый, специалист по ядерной физике.

– Вот оно что!

– Впрочем, это обстоятельство мы имели возможность выяснить и без документов.

– Каким образом?

– Александр Иванович Ясный встречался с ним во время своих научных командировок в Англию и Германию. Во время неожиданной встречи с нами в лесу этот ученый фашист ехал в штаб своего фронта, чтобы потом направиться в ставку Гитлера. Но, как видите, доехать ему было не суждено – погиб.

– А вы не помните фамилию этого ученого-эсэсовца? – полюбопытствовал капитан.

– Фамилию? Н-нет... Впрочем, погоди, барон... барон Генрих фон Краус, – вспомнил полковник. – Пошли, товарищи, – скомандовал он, быстро поднимаясь.

Лишь минут через тридцать удалось добраться до острова... Несколько гектаров твердой земли в самом центре болота. Холмы, овраги, ручьи, светлые родники, вековые дубы, празднично-белые березы, густые заросли орешника, кусты дикой малины, белая пена черемухи... Над холмами и вершинами деревьев веселый птичий гомон.

Не прошло и десяти минут, как неподалеку раздался крик: там что-то нашли. Вслед за полковником Соколовым Русаков быстро прошел в ту сторону. Солдаты и колхозники, бросив не нужные уже теперь факелы, из-под кучи хвороста вытаскивали сверток.

– Парашют, – произнес полковник.

Да, это был военный парашют иностранного образца. Недалеко от того места, где был найден парашют, солдаты обнаружили остатки костра. Русакова это несколько озадачило: неужели диверсант позволил себе такую неосторожность – начал разводить костер?

– Вы упускаете из виду, – сказал ему полковник, – что враг наверняка надеялся на то, что сбросивший его самолет не был своевременно нами обнаружен, так как летел очень высоко, и к тому же ночь была выбрана облачная, темная. Совершенно очевидно, что костер разводил именно парашютист.

– Да, – вынужден был согласиться Русаков. – В такую глушь местным жителям ходить незачем. Но для чего ему понадобился костер? Вряд ли он успел настолько проголодаться, чтобы, добравшись до земли, сразу же начал разогревать консервы.

Соколов тщательно осматривал место, где был разведен костер.

– Посмотрите, – указал он на обугленную, черную землю.

Зная своего начальника, Русаков понял, что тот обнаружил нечто весьма важное.

– Да тут, кроме обугленной земли, ничего нет!.. Ни одного кусочка дерева! Ни одного сучка! Что же это значит?

– А вот что, – сказал полковник и, взяв в руку горсть почерневшей земли, протянул ее своему помощнику. От земли исходил неприятный запах, похожий на запах ацетилена при газосварке.

– Что это такое?

– Это значит, что никакого костра тут и не разводилось, – твердо произнес полковник. – Да, да. Здесь что-то жгли, но не огнем, а специальной кислотой.

– Что же он жег? – протянул капитан.

Соколов пожал плечами:

– Это-то и предстоит нам выяснить.

Они прошли немного по направлению к речке. Русаков сказал:

– Судя по следам, вражескому парашютисту посчастливилось приземлиться на поляне, а не застрять где-нибудь на вершине ели или дуба. Вот его следы у костра, они же идут к речке.

Полковник не торопился с ответом. Он продолжал тщательно осматривать местность. Русакову непонятно было, зачем Соколов снова осматривает следы диверсанта, но, через минуту внимательно всмотревшись в следы, капитан сам вскрикнул:

– Что за черт?

– Что случилось? – странно усмехнувшись, спросил полковник.

– Да посмотрите, товарищ полковник, оказывается, диверсант шел вовсе не к речке, а от нее, туда, в глубь леса! Как же это мы не обратили внимания! Вот же отпечаток каблука – он ясно виден. Надо возвращаться.

– Нет, надо идти вперед, и как можно скорее, – твердо возразил Соколов. – Иначе будет поздно.

И он бросился вперед. Вот она – неширокая речонка, заросшая лозняком и осокой. Следы обрывались у воды. Осмотрев их, полковник сказал:

– Надо быть внимательней, капитан. Не следует забывать, что враг хитер. Диверсант шел не отсюда, не от речки, а сюда.

Полковник распорядился, чтобы участвовавшие в облаве люди тщательно осмотрели оба берега речки, вверх и вниз по ее течению.

– А мы задержимся на минутку, – сказал он капитану. – Мне нужно проверить свое предположение и еще раз осмотреть берег вблизи того места, где диверсант вошел в воду.

– Для чего? – спросил Русаков.

– Для того, чтобы взглянуть еще раз на след, приведший нас сюда, – усмехнувшись, ответил Соколов.

– Уж не думаете ли вы, что парашютист, войдя в воду, сейчас же вылез на берег для того, чтобы продемонстрировать нам отпечаток своей ноги? – недоверчиво осведомился капитан.

– Да, именно это я и думаю.

На этот раз повезло Русакову: у самой кромки воды, примерно в полусотне шагов от того места, где враг вошел в речку, он обнаружил отпечаток ног.

– Что же это значит? – спросил несколько растерявшийся капитан.

Как раз в этот момент подошел генерал Бондаренко, и Соколов начал ему докладывать.

– Знаю, знаю, – перебил его генерал. – Как ты думаешь, куда он направился?

– Ближайшая отсюда станция, кажется, Никитовка? – спросил Соколов.

– Да. Туда я с самого начала послал опергруппу.

– По-моему, нам следует тоже поспешить на станцию, – сказал Соколов.

Генерал не возражал. В сопровождении Соколова и Русакова он вышел на опушку леса. Здесь они сели в машину и помчались целиной. Следом направился газик заместителя генерала.

Машины выскочили на шоссе и повернули влево. Навстречу на нескольких подводах ехали крестьяне.

– Сегодня воскресенье? – спросил полковник.

– Да, воскресенье, – ответил Русаков.

– Какое это имеет значение? – осведомился генерал.

– Я пытаюсь разгадать, было ли и воскресенье принято в расчет там, за кордоном, – пояснил полковник.

Генерал понимающе посмотрел на него.

– Думаю, что они там и о воскресенье не забыли, – сказал он.

По приказанию генерала шофер остановил машину, не доезжая моста, переброшенного через речку. Все вышли из автомобиля и поспешно подошли к обочине дороги. Здесь они снова увидели свежий след, такой же глубокий и такой же непонятный: он вел не от речки к шоссе, а наоборот – от шоссе к речке.

– Расторопный, подлец, – бросил генерал.

– Он, – уверенно произнес Соколов. – Видите, товарищ генерал, отпечатки каблук? Обратите внимание – на одном подбита подковка, а на другом торчит широкая шляпка гвоздя.

– Вижу. Но куда же он направился?

– Постараемся разобраться в этом.

Возвратились на шоссе. Следы нарушителя здесь кончались – они смешались со многими другими.

– Куда же он все-таки делся? – размышлял генерал.

– На станцию Никитовка, – уверенно сказал Соколов, внимательно осмотрев многочисленные следы на дороге.

Полковник отвел генерала в сторону, и они о чем-то долго говорили. Русаков видел выражение удивления и недоверия, появившиеся на лице генерала, и услышал, как он произнес:

– Да... день воскресный, колхозники едут в Краснотал на базар, любой может подвести человека до города...

Генерал дал своему заместителю какие-то инструкции, и тотчас машина с ним ушла к городу.

Бондаренко и Соколов направились в Никитовку. Теперь Русаков уже ничего не понимал: вражеский парашютист определенно направился к станции Никитовка, так почему же приказано искать его в Краснотале?

Справа промчался скорый поезд, тот самый, с которым Русаков с Соколовым должны были выехать в Москву. По утренней заре слышимость была великолепная – где-то впереди, за скрывающими горизонт невысокими холмами, лязгнули буфера, и поезд остановился.

– Неужели ему удастся удрать? – с досадой произнес Соколов.

– Не думаю, – ответил Бондаренко. – Я послал туда толковых ребят.

Шофера торопить не приходилось – он выжимал из мотора все, что мог.

Но вот опять лязгнули буфера... Недолго в Никитовке стоят скорые поезда. Русаков слышал, как сидевшие позади него Бондаренко и Соколов со сдержанным возбуждением переговаривались.

Вот и Никитовка... Их встретил начальник оперативной группы.

– Вы не обнаружили здесь человека с рюкзаком? – спросил его Бондаренко.

– Так точно, товарищ генерал, обнаружил.

– Он уехал с прошедшим поездом?

– Нет, он здесь.

– Пытался ли он уехать?

– Да.

– Купил ли он билет?

– Нет, к кассе он не подходил.

– Стало быть, решил ехать на чаевых... Та-ак... И почему же он все-таки не сел в поезд?

– Заметил, что мы следим за ним, товарищ генерал.

– Где же он сейчас и что делает?

– На этот вопрос, наверное, могу ответить я, – вмешался полковник Соколов. – Сейчас он... – полковник осмотрелся, – сидит вон там, в помещении буфета, и пишет.

– Так точно, товарищ генерал, сидит и что-то пишет, – с нескрываемым удивлением подтвердил начальник опергруппы.

– Разрешите, товарищ генерал? – обратился Соколов.

– Действуйте, – согласился Бондаренко.

– Капитан Русаков, идемте, – приказал полковник.

Они вошли в просторное помещение буфета. В нем никого не было, лишь в дальнем углу за столом сидел какой-то человек и писал.

Повинуясь взгляду полковника, Русаков направился к незнакомцу.

– Гражданин, предъявите ваши документы.

Незнакомец не выказал никаких признаков испуга или удивления.

– Сию минуту... – произнес он, бросив на Русакова мимолетный взгляд и ставя свою подпись на листке блокнота. Вслед за тем он встал и, вынув из кармана паспорт, протянул его капитану.

– Струнников Петр Петрович, – прочитал Русаков.

Перед Русаковым стоял плотный, выше среднего роста мужчина. На нем были ситцевая рубашка-косоворотка, легкий парусиновый пиджак и такой же, только давней носки, картуз, простые яловые сапоги, сбитые и сильно покрытые грязью и пылью. С этим нарядом резко контрастировала откормленная и холеная физиономия его обладателя.

Русаков встретился с тяжелым взглядом Струнникова: его веки, по-видимому в силу какой-то болезни низко нависшие над глазами, дрожали. Русаков отлично понял – враг все еще надеялся, что ему удастся уйти.

– Я должен задержать и обыскать вас, – сказал капитан и сделал знак сопровождавшим его солдатам.

– Это совершенно излишне, – правое веко незнакомца запрыгало и почти наполовину закрыло глаз. – Я сам намерен был обратиться к властям, да, как видите, не успел, – и человек протянул Русакову вырванный из блокнота исписанный листок. – Сдаю вам и все снаряжение, с которым я прибыл. – Он ткнул рукой в стоявший рядом со столом большой рюкзак, за который уже взялись солдаты.

– Обыскать, – приказал капитан.

На листке блокнота было написано:

«Советским властям

Заявление

Настоящим имею заявить, что я нелегально прибыл в Советский Союз не как враг. Во время войны я попал в плен к гитлеровцам, позднее был немцами передан американской военной администрации в Западной Германии. На предложение американской разведки перебросить меня на территорию СССР, чтобы затем выполнять антисоветские задания, я согласился исключительно с целью таким путем вырваться из рук врагов моей родины и вернуться домой, к семье.

П. Струнников».

При обыске у парашютиста изъяли два пистолета, патроны к ним, приемопередаточную радиостанцию, шифр, код, фотоаппарат, набор фальшивых печатей и бланков советских учреждений и семьдесят тысяч рублей.

Задержанного отправили в Краснотал, куда еще раньше уехал генерал Бондаренко.

В Краснотале Струнникова немедленно допросили. Когда допрос приближался уже к концу, полковник Соколов с разрешения генерала задал задержанному несколько вопросов.

– Вы подтверждаете свои показания о цели, с которой появились на территории Советского Союза? – спросил он Струнникова.

– Конечно, – в голосе арестованного послышалась обида.

Соколов продолжал задавать вопросы:

– Где вы приземлились?!

– На поляне, на Вороньем острове. Вы, наверное, знаете.

– Подумайте лучше, вспомните, где вы приземлились с вашим парашютом? – Соколов подошел к Струнникову и с нескрываемой насмешкой в упор посмотрел на него.

Тот сделал вид, что ему непонятна настойчивость полковника. Но, по-видимому, он был единственным среди присутствовавших, кому вопрос Соколова был понятен. Русаков хорошо знал своего начальника и теперь видел, что тот доволен тем, что какие-то его предположения подтвердились и что врагу не удалось провести его.

– Повторяю – я приземлился на поляне, – бесстрастно сказал Струнников.

– Допустим... Что же вы сделали потом?

– Собрал свой парашют и спрятал его под кучей валежника.

– Зачем?

Казалось, этот вопрос никогда не приходил Струнникову в голову, и Русаков снова увидел, как у него дрогнули веки: нервы сдавали.

– Очевидно, я сделал это бессознательно, – подумав, ответил Струнников.

– Допустим. Но вы уверены, что под валежником спрятали именно свой парашют?

Струнников тревожно посмотрел на полковника.

– Я был сброшен один, – ответил он наконец. – И вы это знаете.

– Допустим... Тогда, может быть, вы объясните нам, зачем вы подходили к дубу, находящемуся на некотором расстоянии от места вашего приземления?

– Я сделал это в поисках места, где можно было бы положить парашют.

– Допустим и это... Затем вы возвратились назад. Зачем вы становились на кучу валежника?

– Уверяю вас, что ни на какую кучу валежника я не становился, – ответил Струнников.

– На этот раз я вам верю: я так и думал, что это были не вы, – усмехнулся Соколов. – Но, может быть, вы нам объясните, с какой целью к дубу вы шли в одной обуви, а от дуба в другой, уже вот в этих сапогах.

– Уверяю вас, что вы ошибаетесь – я не переобувался.

– О нет, я не ошибаюсь! Вы действительно не меняли обуви, в этом я был заранее уверен. Скажите, что вы жгли там, на поляне? И где же сосуд из-под кислоты? Куда вы его девали?

Русаков отчетливо увидел, как задержанный вздрогнул и побледнел.

– Я ничего не жег и ничего не знаю, – ответил он, стремясь подавить волнение.

– Допустим... Но почему вы шли к речке задом наперед, а войдя в воду, приблизились к берегу и на кромке оставили свои следы?

– Тут вы что-то путаете, гражданин полковник. – Струнникову явно нечего было больше сказать.

– Как будто? – усмехнулся Соколов. – А почему вас отправили в такую ответственную операцию в сбитых сапогах, на одном каблуке которых отчетливо видна шляпка гвоздя?

Струнников пожал плечами:

– На гвоздь я не обратил внимания, в этих сапогах я хожу давно.

– Вы не обратили внимания! Но при чем тут вы? Ведь дело-то не в вас, а в представителях американской разведки, пославших вас именно в этих сапогах. Почему же они приказали вам надеть эти сапоги, а не другие? Вот вопрос... Ну и последний. Вы в самом начале сказали, что семья ваша живет вблизи Краснотала, что вы стремились к жене, к детям, почему же вы вместо того, чтобы направиться в город, направились в другую сторону, на станцию? Вы пытались договориться с проводником вагона, чтобы уехать без билета с московским скорым поездом. Как же так, вы страстно мечтали о родине, о доме, о семье, а прибыв, можно сказать, домой, и прибыв очень дорогой ценой, ценой измены Родине, вдруг захотели немедленно же уехать от этого дома подальше? Объясните нам, как все эти ваши действия следует понимать?

Струнников бросил на полковника опустошенный взгляд и ничего не ответил.

Соколов обменялся взглядом с генералом Бондаренко.

– Как видите, гражданин Струнников, ваша карта бита, – сказал он жестко. – Вам ничего не остается, как рассказать обо всем откровенно и раскаяться в ваших преступлениях против

Родины. А для того, чтобы вам было ясно, что иного выхода у вас нет, я расскажу вам об обстоятельствах вашего появления в районе Большого Гая. Этот район вы сами предложили своим шефам – вы из здешних жителей и хорошо знакомы с местностью, – но вам не повезло, вы попали не на поляну, как нас уверяете, а на верхушку того дуба, о котором я уже упоминал. Вы запутались в стропах, и как долго оставались бы на дереве – трудно сказать, но вас выручил ваш спутник, сброшенный одновременно с вами, тот, которому посчастливилось упасть на поляну.

Русаков со смешанным чувством восхищения и изумления посмотрел на своего начальника: мысль о наличии второго диверсанта до сих пор не приходила ему в голову. Но Бондаренко, по-видимому, так же как и Соколов, был в этом вполне уверен. Так вот кого ловить в Краснотае были посланы люди!

Парашютист сидел сгорбившись, молча устремив неподвижный взгляд в пол. Он понимал, что разоблачен, что проиграл.

Соколов продолжал:

– И тут вы немедленно приступили к исполнению ваших шпионско-диверсионных обязанностей. От дерева ваш спутник уже не шел. Куда же он делся? Улетел на небо? Конечно нет – просто он забрался вам, Струнников, на спину, и вы понесли его. Как вы понимаете, вам была отведена не очень почетная роль. Не правда ли? Но прежде чем покинуть место приземления, вам было приказано один парашют уничтожить, а другой спрятать, чтобы в случае, если ваш самолет будет засечен и начнутся поиски, был обнаружен только один парашют, который заставил бы нас поверить, что сброшен только один человек. Чей же парашют был спрятан, а чей уничтожен предусмотрительно захваченной кислотой? Ясно, что обнаруженный нами парашют принадлежит вашему спутнику, ваш же должен был в какой-то мере пострадать от ветвей дерева, и именно его-то, чтобы избежать разоблачения, и следовало сжечь. Все это совершенно ясно. Уничтожали свой парашют вы лично, Струнников, а своего спутника вы на это время поместили на кучу валежника, дабы не было заметно его следов. Но он уже наследил, и дважды: когда шел к дубу вам на помощь и на валежнике, – он не мог стоять спокойно и повредил кору сучьев. Затем, неся на себе второго диверсанта, вы отправились к речке. Нелегкое это было путешествие, черт возьми! И тем не менее вы шли задом наперед, чтобы, в случае преследования, снова попытаться сбить нас с толку. Но одновременно вы оставляли характерный след, эту шляпку гвоздя на каблуке, а войдя в воду, постарались оставить именно этот свой след на кромке берега. Случайно? Конечно нет. Вам, Струнников, было приказано маскироваться только наполовину, в случае же преследования увлечь нас в свою сторону и в последнюю минуту, когда вам станет предельно ясно, что провалились, преподнести нам вот это заявление, которое было для вас составлено за кордоном.

Стало быть, на то, что вам удастся благополучно скрыться, американская разведка не очень рассчитывала.

А это значит, что основной агент не вы, а ваш спутник, «агент-невидимка», которому вы помогли скрыться. Но мы найдем его, в этом вы можете не сомневаться, главное – мы теперь знаем о его появлении на территории Советского Союза.

Струнников не отвечал. Казалось, он ничего не слышал. Он был поражен и подавлен.

Глава десятая

Дезерт-Рок означает «Каменистая пустыня». Название это полностью соответствует местности, по-видимому, самому дикому и пустынному уголку во всем штате Невада. Всюду, куда хватает глаз, лежит серая каменистая почва, безжизненная, лишенная красок, изрезанная овражками да кое-где поднимающимися грядами холмов. На западе высоко в небо уходят гребни Скалистых гор. Атомный полигон в Юкка-Флэтс, на котором производилось испытание атомной бомбы, находился примерно на расстоянии сорока миль от Дезерт-Рок.

В течение многих дней перед испытанием войска и наблюдатели стекались в Дезерт-Рок поездами, автобусами, самолетами.

Гейма и Финчли, как только они вышли из вагона, направили в канцелярию временного военного лагеря. Полковник, чем-то напоминавший Бриджеса, человек лет под пятьдесят, в нескладно сидящем мундире, вскрыл переданный ему конверт и поднес к самому носу письмо Уильяма Прайса. Придирчиво озирая прибывших, он сурово спросил Гейма:

– У вас, капитан, есть, я полагаю, и другие документы, которые бы удостоверяли ваши личности?

– Да, конечно. – Гейм подал документы.

– Та-ак... – произнес полковник, тщательно просмотрев бумаги. – Добро пожаловать, капитан, в Дезерт-Рок. Но у меня к вам есть дело. – И, обратившись к Финчли, он неожиданно приказал: – Отправляйтесь, парень, в третий сектор, дежурный офицер укажет вам палатку, ответит место.

Финчли вышел. Делая соответствующие отметки в документах, полковник сказал Гейму:

– Вы, конечно, понимаете, капитан, что у нас тут... э-э... несколько особые условия... специфика секретности, так сказать.

– Да, да, еще бы. Но ведь комиссия по атомной энергии, очевидно, не допускает сюда людей непроверенных.

– Нет, что вы! – воскликнул полковник. – Сюда прибыли только те, кто прошел проверку с точки зрения возможности участия в таком сек-рет-ней-ше-м деле, как испытание атомной бомбы. Это сделано независимо от того, идет ли речь о генерале или простом солдате. Но тем не менее мы здесь вынуждены снова проверять все данные о прибывающих. Специальная служба следит, конечно, за каждым временным жителем Дезерт-Рок, но это не снимает ответственности с военной администрации. Понимаете?

Гейм молча кивнул головой.

– Каждый офицер, – продолжал полковник, – полностью несет ответственность за две палатки с солдатами. Вам тоже придется взять на себя две палатки в третьем секторе. Кроме того, из некоторых офицеров, не вызывающих у нас абсолютно никаких сомнений, мы создали так называемые взводы доверенных офицеров, организации негласные, примите это к сведению, капитан. И хотя вы прибыли всего за день до испытаний, я почту за свой долг включить вас в один из таких офицерских взводов, – полковник заглянул в лежащую перед ним конторскую книгу, – именно в сорок шестой взвод майора Кросби. Вы найдете его в третьем секторе.

Гейм распрощался с полковником и отправился разыскивать майора Кросби, оказавшегося пожилым артиллерийским офицером. Майор без видимого удовольствия поделился с Геймом соображениями по поводу того, как, по мнению начальства, следовало бы организовать подслушивание и слежку за подчиненными им жителями палаток, но при этом не мог не признать, что Гейм прибыл слишком поздно для того, чтобы успеть что-либо предпринять.

– Все же я занесу вас в списки своего взвода доверенных. Вы будете восемнадцатым по счету.

От Кросби Гейм узнал, что на демонстрацию взрыва приглашены люди самых различных военных профессий. Так, взвод доверенных по третьему сектору состоит из нескольких офицеров, работающих в области атомной энергии на заводах Прайса, которые еще не видели производимую ими атомную бомбу в действии, офицера-химика, офицера инженерных войск, лейтенантов авиации и военно-морского флота.

Гейм отправился было знакомиться с лагерем, но уже вскоре ему пришлось от этой затеи отказаться: военная полиция, специальные патрули и какие-то офицеры, по-видимому из взводов доверенных, то и дело останавливали его, проверяли документы и с нескрываемым подозрением осматривали с ног до головы. Он возвратился в свою палатку и лег спать.

На другое утро Гейму все же удалось уединиться со своим помощником.

– Ты знаешь, зачем всех нас собрали сюда? – обратился к нему Финчли.

– Показать атомную бомбу в действии и вселить в нас веру в ее мощь, – иронически ответил Гейм.

– Как бы не так, – зло прошептал бортмеханик. – Вселить веру – это только одна из нескольких задач. Но главное не в этом... Во время испытаний в атолле Бикини, как ты знаешь, использовались для опытов морские свинки, козы, овцы. Ну а на этот раз, кроме морских свинок, будем мы с тобой. Поведение солдата в условиях атомной войны, изменения в его психике – вот что интересует наших генералов. Поняли, капитан? И затем уже чисто военная тренировка, в первую очередь маневры по занятию вражеской территории, подвергшейся атомной бомбардировке, немедленно после взрыва.

Финчли думал о том же, о чем думал и Гейм. Капитану приятно было это отметить. Они понимали друг друга с полуслова.

Вскоре Гейма вызвали в управление коменданта лагеря. Тут он застал довольно много офицеров из «взводов доверенных». Знакомый Гейму полковник обратился к собравшимся:

– Джентльмены, испытание атомной бомбы состоится завтра утром. Не пытайтесь почему-либо покинуть лагерь – вас не выпустят. Вокруг лагеря поставлена охрана... А теперь идите к себе и смотрите в оба за вверенными вам людьми: все должны находиться на своих местах. Помните, наступает решительный час.

Солдаты нервничали, шепотом делились друг с другом тревогами: а вдруг летчик ошибется расстоянием? Правильно ли рассчитан размер бомбы? Как далеко они будут находиться от нулевой точки, от места взрыва?

Под вечер лагерь Дезерт-Рок огласился шумом и ревом моторов – многотонные грузовики остановились у самых палаток. Офицеры с секундомерами в руках расположились вокруг них. Солдаты опрометью, с ошалелым видом прыгали через высокие борта. У автомобилей получалась давка, офицеры неистово свистели и кричали:

– Отставить!

– Стой, начинай сначала.

– Что тут происходит? – спросил своего приятеля Финчли.

Остановившийся возле них майор Кросби пояснил:

– Мы должны научиться как можно быстрее погружаться в автомобили, чтобы занять подвергшуюся атомной бомбардировке территорию немедленно после взрыва, пока противник еще не пришел в себя.

– А кто ж это знает, сколько противнику нужно времени, чтобы прийти в себя?..

Шум, гам, крики солдат и рокот автомобильных моторов продолжались не менее двух часов.

Усталость и раздражение не проходили и после ужина.

Вечер на этот раз наступил как-то совсем незаметно. В палатке, в которой помещались Гейм и его бортмеханик, как, впрочем, и в большинстве других, началась игра в покер. Люди стремились убить время, успокоиться. Но отдохнуть не удалось.

Ночью в лагере объявили тревогу. Где-то выли сирены. Группа совершенно незнакомых людей в форме и без формы ввалилась в палатку, и один из штатских, по-видимому сыщик Федерального бюро, обратился к Гейму:

– Ваши люди все на месте, капитан?

– Да, – ответил Гейм.

– И вы могли бы поручиться, что они будут на своих местах до самого утра, пока начнется погрузка?

– О да, конечно, – заверил Гейм.

– Хорошо, посмотрим. Помните, что вы своей головой отвечаете за каждого из них. – Пересчитав присутствующих в палатке полуголых людей, сыщик удалился вместе с сопровождавшими его людьми.

После торопливого завтрака людей построили и провели перекличку. Все они были одеты теперь в специальное защитное противоатомное обмундирование с противогазами.

Длинные ряды грузовиков и автобусов поджидали солдат.

Уже почти рассвело, в пустыне заиграли светло-голубые предутренние тона, розовые блики заревом вспыхнули на далеких вершинах гор.

– До места испытаний сорок миль, – шепнул Кросби Гейму.

Длинная цепь машин медленно двигалась из низины к проходу в горах, в направлении на Юкка-Флэтс. Через каждые полкилометра стояли проверочные посты.

Миновали горный проход, вышли на плато и несколько прибавили ходу. Гейм и Финчли молча смотрели вперед, туда, где в утренней дымке скрывался атомный полигон.

Но вот машины остановились. Офицеры построили солдат и снова провели перекличку.

Из-под ног первых же шеренг поднялась сухая, плотная пыль. Тысячи людей сквозь эту пыль направились к месту, откуда они должны были наблюдать взрыв. Впереди каждой группы шал военный полицейский с номером автомашины на спине.

Вот и цепь траншей, одинарных и парных окопчиков.

Гейм и Финчли поместились вместе. Было шесть часов тридцать минут. Вокруг снова стало тихо. Тысячи людей молча следили за несколькими самолетами, летевшими на большой высоте.

– Уф... – с облегчением произнес Финчли, опускаясь на дно окопа. Наконец-то можно было отдохнуть – до момента взрыва оставался еще целый час. Заговорило радио. Сперва это были уже успевшие за эти дни надоесть наставления, как вести себя во время взрыва, какими при этом можно пользоваться очками и почему нельзя смотреть в бинокли, но потом ведущий передачу произнес нечто такое, отчего даже мужественный Гейм почувствовал себя в окопе весьма неуютно – надо было определить местонахождение нулевой точки, то есть той точки на поверхности земли, называемой иначе эпицентром взрыва, которая находится непосредственно под местом предстоящего взрыва атомной бомбы, взрыва, который будет произведен в воздухе на сравнительно небольшой высоте.

Нулевая точка! Где она? Это сейчас был вовсе не теоретический вопрос для большинства находящихся здесь людей.

По радио объяснили, что нулевая точка находится близ стыка дорог. Гейм и его бортмеханик вместе с тысячами других солдат добросовестно пытались найти эту проклятую нулевую точку, до которой по прямой было семь миль. Но далеко это или близко – семь миль? Поскольку между застывшими в нервном напряжении людьми и нулевой точкой не было никаких естественных преград, она казалась неприятно близкой.

Откуда-то донесся отдаленный гул. На расстоянии двух миль поднялось небольшое облачко пыли. Что это? Взмолнованное оживление прошло по траншеям. Но радио успокоило: это было подорвано триста фунтов тринитротолуола для предварительной проверки работы

многочисленных приборов. Ведущий передачу добавил, что самолет, который сбросит атомную бомбу, уже находится в воздухе и сейчас сделает заход.

Гейм и Финчли взглянули направо: высоко над горами летел самолет В-50. Надо обязательно смотреть, что будет дальше. Но в этот момент раздалась команда: «Отвернуться от взрыва и сесть на землю. Исключение только для тех, у кого есть специальные очки».

Теперь минуты казались вечностью. Разговоры прекратились. Кое-кто пытался украдкой взглянуть назад, но тотчас испуганно отводил глаза, боясь, что именно в этот момент взорвется бомба. Голос по радио громко отсчитывал секунды, затем произнес: «Бомба сброшена».

Гейм и Финчли невольно приподняли плечи. И вдруг гигантская вспышка белого света возникла перед их глазами. И тотчас же по радио раздалась команда «Повернись!». Вместе с пятью тысячами солдат и офицеров Гейм и Финчли повернулись; страшный жар, как из жерла доменной печи, обдал людей, а над землей повис огромный раскаленный огненный шар, который обычно образуется за вспышкой атомной бомбы. Бомба взорвалась на высоте трех с половиной тысяч футов. Огненный шар был столь ослепителен, что на него невозможно было смотреть. Но так продолжалось какие-то секунды. Тонны земли и песка оторвались от поверхности пустыни и оказались втянутыми в беснующееся, ослепляющее пламя огненного шара. В высоту устремились облака пыли. Вверх начал подниматься гигантский столб грязно-серого цвета диаметром в несколько километров.

Прошли секунды – и вдруг земля стала раскачиваться, как при землетрясении. Казалось, воздух, земля, все живое рушится под ужасными ударами сил природы, ударами такой силы, которой никто из присутствующих на полигоне солдат не только никогда не слышал, но и не мог себе представить – шла ударная волна.

Следом за первым раздался второй удар. Возможно, это было эхо, кто знает.

Поднимавшийся все выше и выше грязно-серый столб быстро принимал пурпурные и голубые оттенки – чудовищное пламя бушевало в нем. Адская энергия, равная энергии взрыва сотен тысяч тонн тринитротолуола, билась над землей, готовая испепелить все живое. Затем чудовищный столб превратился в бурлящий и переливающийся гриб с ярко-белого цвета шляпкой. Коричневые, оранжево-красные и нежно-розовые струи пробивались в середину белой раскаленной массы. Прошло несколько минут, верхушка гигантского атомного гриба поднялась почти на шесть тысяч метров и двинулась по ветру в сторону Скалистых гор.

А колоссальный бурлящий столб газов, пыли и пламени все втягивался ввысь, как в воронку, – неведомая сила рвала его верхушку и громадными хлопьями разбрасывала по опаленному небу.

Гейм уже заметил вертолет, некоторое время тому назад поднявшийся с командного пункта, что находился на расстоянии нескольких миль позади траншей и окопов. Вертолет сделал круг над самой землей в районе взрыва. Капитан понимал, в чем дело – шла проверка состояния радиации. Он мрачно улыбнулся: радиация – главное пугало. От жары и взрывной волны еще могут защитить окопы, убежища. Другое дело радиация!

Сколько же времени противник должен будет находиться под действием смертоносного атомного излучения?

С вертолета дали сигнал и по радио объявили, что опасность радиации миновала.

Теперь нужно было как можно быстрее занять подвергшуюся атомной бомбардировке территорию «противника». Гейм и Финчли имели возможность воочию убедиться, как мало пользы принесла проведенная накануне тренировка солдат. Наконец машины устремились вперед, туда, где был произведен взрыв.

В машину, где находились Гейм и Финчли, влез один из инструкторов, которые были приданы каждому подразделению.

– Как с радиацией? – спросил офицер-артиллерист.

– О, не беспокойтесь, – успокоил его инструктор. – Пятьдесят процентов радиации пропадает через одну секунду после взрыва атомной бомбы в воздухе. Всякая опасность остаточной проникающей радиации исчезает через полторы минуты.

Финчли это показалось невероятным.

– И вы утверждаете, что я могу безопасно ходить по этой только что облученной земле? – спросил он.

Инструктор рассмеялся.

– Конечно, – сказал он. – Если вас волнует вопрос о том, какова возможность попасть под действие радиации, можете об этом не думать – она меньше нуля.

Заметив недоверие в глазах солдат, инструктор отвернулся. «Если радиация столь безопасна для нас самих, то почему же она убийственна для противника? Где тут правда?» – думал Финчли. Понимал и Гейм, что выводы делать еще рано.

Машины прошли несколько миль, и все увидели основательно подготовленные оборонительные сооружения пехотного батальона. Тут были стрелковые ячейки, заграждения из колючей проволоки, пулеметные гнезда, артиллерийские позиции... Повсюду было расставлено оружие, которым обычно располагает стрелковая часть. Оружие находилось и в окопах, и прямо на земле. Вместо людей здесь всюду были овцы.

Инструкторы принялись объяснять действие взрывной волны на таком расстоянии от эпицентра.

До нулевой точки осталось менее двух миль. Дозиметрические приборы со счетчиками Гейгера щелкали как сумасшедшие, но инструктор, стараясь успокоить солдат, заметил:

– Они так же будут щелкать, если их поднести, например, и к циферблату моих часов. Все в порядке.

Встречавшаяся скудная растительность обгорела, редкие кустики отклонились в сторону от центра взрыва.

У самой нулевой точки земля оказалась опаленной адским пламенем... Пласты черной окалины, сплав песка, глины и камня источали тяжелый запах тлена и удушающих испарений...

Оружие, лежавшее на поверхности земли, оказалось непригодным к употреблению. Гейм взглянул на танки – жара обрушилась на них сверху и оплавил металл... Потоки уже застывшей стали закрыли смотровые щели, заклепали орудийные башни. Некоторые танки будто вдавило в землю, с других сорвало башни.

Неподалеку от себя Гейм увидел орудия: их перевернула взрывная волна и разбросала в разные стороны. Орудийные стволы были изогнуты и порваны.

При осмотре оружия было установлено, что то, которое находилось в укрытиях под землей, пострадало меньше.

– Обыкновенный окоп – надежная защита от действия атомной бомбы, – говорил инструктор, и солдаты соглашались с ним.

Гейм обратил внимание на группу высших офицеров. Среди них он заметил человека в штатской одежде, лицо которого выражало явное недовольство.

– Генерал Стоун, – заговорил он странно знакомым Гейму голосом, – доложите, как велики разрушения от взрывной волны.

Ответственный за проведение испытания атомной бомбы генерал Стоун ответил:

– Неподалеку от центра взрыва обвалились крепления траншей, но крепления были весьма непрочными, сэр. На фронте в наше время строят траншеи гораздо более солидные.

– Там были люди?

– О нет, не беспокойтесь.

Гейм отчетливо услышал, как человек в штатском грубо выругался и быстро пошел в сторону.

– Куда же вы, мистер Прайс? – вслед ему закричал генерал Стоун.

«Прайс? Так это Гарольд Прайс?» – Гейм с интересом посмотрел теперь на него. Летчику была понятна причина, вызвавшая у этого человека приступ гнева. Взрыв атомной бомбы должен был, по замыслу Прайса, продемонстрировать перед всем миром разрушительные свойства атомной бомбы, оружия, которое он производит. Ему было бы только выгодно, если бы при этом погибла часть солдат. Тогда он мог бы сказать: «Вот она какая нужная штука, моя атомная бомба!» А вместо того Стоун успокаивал его!

«Что сегодня нам хотели показать здесь? – размышлял Гейм по дороге в Дезерт-Рок. – Силу оружия, которым мы, американцы, владеем? Нас хотят убедить, что от этого оружия должен пострадать Советский Союз. Но если не предаваться угрызениям совести, не думать о моральной стороне дела – о гибели ни в чем не повинных людей, то сам собой возникает другой вопрос: кто даст гарантию, что однажды я, Стив Гейм, не увижу картину, подобную той, которую я видел сегодня, но уже не на полигоне Юкка-Флэтс, а где-нибудь в одном из многочисленных городов восточных штатов – ведь там, вдоль всего побережья Атлантики, куда бы ни упала бомба, она попадет в цель. Война, развязанная злодеями, всегда несет с собой возмездие. Неужели мои соотечественники поймут это, когда будет слишком поздно?»

Солнце уже поднялось высоко. Пустыня дышала жаром. Душный, перемешанный с мельчайшей пылью воздух был неподвижен и плотен. Колонна автомашин двигалась к лагерю Дезерт-Рок на этот раз без особых задержек. Солдаты, погруженные в невеселые размышления, ехали усталые, раздраженные. Над пустыней, колонной, людьми нависло зловещее молчание. Даже Боб Финчли за всю дорогу не произнес ни слова.

Глава одиннадцатая

Бобу Финчли нравилась эта комната. Она была просторной, в ней много света и воздуха. Бортмеханик готов был примириться с некоторыми ее неудобствами, связанными с аппаратами подслушивания, которыми она была оборудована еще тогда, когда служила кабинетом Уильяма Прайса. Тяжелые дни, сперва в Гренландии, а потом в пустыне Дезерт-Рок, изрядно утомили парня, и отдых, простой, незатейливый отдых даже в этом помещении, он встретил с величайшим удовольствием и завалился спать.

Гейм отдыхал иначе: он отправился на прогулку в окрестности Прайсхилла, как называлась территория, занятая виллой «короля урана».

Сначала капитан шел по берегу Гудзона, вверх по течению, затем свернул в лес и по встретившейся ему тропинке направился на северо-восток.

Гейм затруднился бы сказать, сколько времени он бродил. Почувствовав усталость, он осмотрелся и увидел себя в густом подлеснике, окружавшем небольшую, залитую солнцем полянку. Выбрав место под ветвистым дубом, где трава была особенно густа и высока, летчик с наслаждением растянулся на земле. Пряный запах трав и цветов напоминал ему дни его юности, когда он вот так же отдыхал, бывало, где-нибудь в поле на отцовской ферме.

Некоторое время Гейм бездумно следил за копошащимися в траве насекомыми и незаметно для себя задремал. Очевидно, прошло не менее часа, прежде чем охваченный чувством какой-то тревоги и настороженности он очнулся.

Сперва Гейм не мог понять причин, пробудивших в нем беспокойство, – в лесу было по-прежнему тихо и спокойно. Но он уже не доверял этой тишине, он больше верил теперь себе, и не ошибся – послышался мерный конский топот и на поляну выехали два всадника: молодая девушка и средних лет мужчина, оба в костюмах для верховой езды. По-видимому, близ того места, где отдыхал Гейм, проходила тропинка. Мужчина придержал своего коня и обратился к спутнице:

– Здесь нам никто не помешает, мы могли бы закончить наш разговор.

Девушка подняла на него большие серые глаза и несколько вызывающе спросила:

– О чем же мы должны еще договариваться? Я ответила, что нам обоим лучше забыть о вашем предложении.

Гейм видел, как побледнело и исказилось гневом лицо мужчины, но, казалось, он овладел собой, когда заговорил спокойно и назидательно:

– Вы не любите меня... Но мы могли бы все-таки быть вместе. Я не могу сказать вам всего того, что мне известно, но поверьте, настало время, когда вам не следует оставаться одной, без... друга. Это просто опасно для вас...

Девушка звонко и беззаботно расхохоталась.

– Желая жениться на мне, вы пытаетесь запугать меня, – и она шутливо погрозила спутнику хлыстом.

По примеру мужчины девушка сошла с лошади и уселась на ствол полусгнившего дерева. Мужчина хотел привязать лошадей к росшему по соседству деревцу, но вдруг остановился напротив девушки и резко сказал:

– Вы никак не хотите поверить, что именно вам угрожает серьезная опасность. Однако это так. Сегодня я все объясню вам... И я хотел бы быть возле вас, чтобы иметь возможность защитить, позаботиться о вашей безопасности. Я же люблю вас...

Девушка рассерженно вскочила на ноги, и теперь летчик заметил, что она стройна и красива. Смотря на своего спутника блестящими от возмущения глазами, она почти выкрикнула:

– Я запрещаю вам так разговаривать со мной! Вы не нужны мне ни в качестве жениха, ни в качестве опекуна!

Черт возьми, девушка определенно нравилась Гейму – в ее движениях чувствовались и прирожденная женская грация, и сила тренированной спортсменки.

Летчику было неприятно, что он является невольным свидетелем чьих-то любовных объяснений, хотя он и признавал, что вины его в этом никакой нет. Но что же ему, собственно, делать? Уйти незаметно было уже невозможно, а встать и удалиться вот так, прямо на глазах, тоже не годилось – эти незнакомые люди могли плохо подумать о нем. Приходилось оставаться на месте и ждать, когда путники отправятся в свой дальнейший путь. Однако все получилось иначе, чем он рассчитывал.

– Вы не нужны мне! – гневно кричала девушка, подняв хлыст над головой. – Я не верю в вашу любовь, слышите? Еще недавно вы ухаживали за моей подругой, Чармиан Старк, клялись в любви ей. Оставьте меня в покое!

Лицо мужчины покрылось красными пятнами, рот судорожно искривился.

– Хорошо, – медленно, с угрозой произнес он. – Вы еще пожалеете об этом...

После этих слов из-за ближайшего дерева неторопливо, какой-то переваливающейся походкой вышел еще один человек. Ему было на вид никак не меньше шестидесяти лет. Верхняя часть крупного обрюзгшего лица была гладко выбрита, а нижнюю закрывала длинная рыжая борода. Видавшая виды шляпа каким-то чудом держалась на самой макушке. В правой руке старик держал массивный кольт, дулом которого он, очевидно шутовства ради, лениво чесал у себя за ухом. Вперив в девушку наглые глаза, он насмешливо произнес:

– Хэлло, мисс... Вот и я... Да, да, это я.

– Кто вы? – закричала девушка. И в тот же миг вскочила в седло.

– Не спешите, мисс, – рассмеялся рыжебородый. Дулом пистолета он указал куда-то в сторону: на тропинке, недалеко от девушки, Гейм увидел двух вооруженных молодчиков, и в тот же момент еще трое стали приближаться к ней, поднявшись из-за соседних кустов.

– Банда Старого Бена, – прошептала девушка своему спутнику. – Я погибла... Они требовали денег, шантажировали.

Старый Бен продолжал издеваться:

– Узнали меня, мисс? Ха-ха-ха... Я пришел за ответом на мои письма, на которые вы не изволили отвечать. Но теперь уж вместо ответа я заберу вас. А разговаривать будем позже.

Летчик сразу понял, в чем дело. Это был случай типичного киднеппинга. Киднеппинг – термин, означающий похищение детей. В англосаксонских странах, особенно в США, киднеппинг превратился в обычный и весьма выгодный бизнес. В свое время жертвой киднеппинга стал известный американский летчик Чарльз Линдберг, превратившийся впоследствии в поклонника Гитлера. У Линдберга украли ребенка, которого затем бандиты убили, так как не получили от папашы требуемой суммы выкупа. Но став для уголовного мира промыслом, киднеппинг в США давно перестал быть связан только с детьми – бандиты похищают и взрослых, судьба которых целиком зависит от того, внесут ли за них родные требуемый выкуп.

Гейм поднялся и прижался к стволу раскидистого дуба, в тени которого он лежал. Летчик хотел присоединиться к спутнику девушки, чтобы защитить ее. Как-никак – два против шести, не так уж мало. Но мужчина вел себя странно – он не проявил никаких признаков отваги и, кажется, не собирался оказывать сопротивления.

– Эй вы, мистер, как вас там... – обратился к нему главарь банды. – Можете себе улепетывать, пока живы, вы нам не нужны. Марш!

Спутник девушки вскочил в седло, повернул лошадь и во весь опор погнал ее через поляну. Бандиты, очевидно, ожидали, что девушка последует за ним, и группой бросились наперерез. Однако они ошиблись: девушка соскочила на землю, повернула своего коня, слегка ударила его хлыстом и приказала:

– Домой, быстро!

Лошадь тотчас исчезла. Бандиты бросились к своей жертве, но первый же из них упал, убитый наповал, – в руке девушки блеснул небольшой пистолет.

– Неплохое начало, – прошептал Гейм. В эту минуту летчик не задавал себе вопроса, должен ли он прийти на помощь незнакомке, которой сейчас угрожала смертельная опасность. Он презирал бы себя, если бы даже подумал об этом. Единственное, что его волновало, это как сделать так, чтобы и защитить девушку, и уцелеть самому. Прежде всего ему не следовало показываться бандитам: они разрядили бы в него полдюжины револьверов, и он погиб бы бесславно и без пользы, только и всего.

Кровь пролилась. Гейм знал, что по неписаным законам уголовного мира теперь девушку, попади она в руки бандитов, не спас бы уже никакой выкуп – она была обречена на смерть.

По-видимому, девушка сама понимала это и решила защищаться до последнего. Но незнакомка допустила ошибку – вместо того, чтобы спрятаться за дерево, а затем попытаться скрыться в лесу, она, думая лишь о том, чтобы подороже продать свою жизнь, опустилась на землю и притаилась в небольшой канавке. Среди бандитов поднялся хохот.

– Сейчас мы ее умирим! – угрожающе произнес Старый Бен.

– Эй, Длинный Хью! – позвал он сутулого парня и отдал ему какое-то приказание. Длинный Хью скрылся в лесу.

– А ты, Красавчик Гарри, – обратился главарь к другому бандиту, – потренируйся-ка! Сначала бей в правую руку, а затем займись ее ушами. Она будет хороша и без этих принадлежностей красоты.

Красавчик Гарри, высокий, с опухшим от пьянства лицом сухопарый детина, явно красуясь перед приятелями, заложил левую руку назад, а правую, с револьвером, опустил вдоль тела.

Гейм понимал, что Красавчик Гарри решил щегольнуть своим искусством. И он не ошибся: спокойно опущенная вниз рука молниеносно взлетела вверх, блеснуло дуло револьвера, раздался выстрел и... в следующий же момент оружие выпало из рук бандита, а сам он, схватившись за окровавленную, пробитую пулей правую руку, скорчился от боли.

Хитрость Гейма удалась: прежде чем бандиты поняли, что стрелял не Красавчик Гарри, а, наоборот, кто-то, опередив, подстрелил его самого, прошло не меньше минуты, которой летчик и воспользовался.

– Ко мне, скорее! – крикнул он девушке, и та одним прыжком очутилась возле него, но в то же мгновение Длинный Хью, совершивший обход с тыла и, по всей вероятности, не заметивший притаившегося летчика, схватил девушку в охапку. Он успел издать торжествующий крик, но тут же со стоном выпустил свою жертву и опрокинулся навзничь – Гейм нанес ему страшный удар рукояткой револьвера по голове.

Поняв, что на них самих напал кто-то, кого они еще не сумели увидеть, бандиты мгновенно скрылись в лесу.

Девушка схватила Гейма за руку, порываясь бежать: казалось, только теперь, увидев, что ей пришли на помощь, она испугалась.

– Нет... – высвободился из ее рук летчик. – Бежать они нам сейчас не дадут.

Он подобрал оружие Длинного Хью и снова скрылся за толстым стволом дуба.

– Что же мы должны делать, чтобы спастись? – спросила девушка. – Есть ли у нас какой-нибудь выход?

Гейм слегка улыбнулся:

– Выход один – перебить бандитов одного за другим или нанести им такие потери, чтобы они отступили, оставив нас в покое.

Девушка с изумлением посмотрела на капитана – ведь он же был один. Но никакого иного выхода действительно не существовало: бежать по лесу бессмысленно – там наверняка находились люди из шайки Старого Бена, которые без труда расправились бы с ними. Им ни минуты нельзя было оставаться и на месте, у подножия дерева, – Гейм не сомневался, что бандиты,

как только придут в себя, возьмут их в кольцо и поведут атаку по всем правилам. Он указал девушке на соседнее, такое же мощное дерево и приказал:

– Лезьте вверх... осторожнее – не оставляйте следов и не показывайтесь им...

– А вы? – спросила девушка, подняв на него свои необычайно ясные и глубокие серые глаза.

– Я последую за вами, – прошептал Гейм. – Скорее!

По-видимому, капитан не ошибся, угадав в ней спортсменку, – девушка быстро поднялась по стволу дерева и притаилась в его густой кроне. Он последовал за ней.

Гейм и спасенная им девушка сидели не шевелясь. Позиция была не из отличных, но отсюда они по крайней мере могли видеть каждого, кто захочет к ним приблизиться... Прошло полчаса, час. Девушка несколько раз вопросительно вскидывала на Гейма глаза: не пора ли спускаться? Но каждый раз капитан отрицательно качал головой.

Неожиданно девушка сделала беспокойный жест... Гейм посмотрел туда, куда она ему указала, – густая высокая трава шевелилась, кто-то осторожно полз сюда, по направлению к ним. Трава шевелилась и в ряде других мест, и даже на открытой поляне, однако людей нигде не было видно. Лицо девушки выразило явное недоумение: она не понимала, в чем дело. Но разве можно было обмануть Гейма?! Там, в южной части Калифорнии, на ферме отца, играя с товарищами в индейцев и «отправляясь в поход» на вероломных апачей, он, Стив Гейм, изображавший вождя команчей, не раз маскировался сплетенной из травы сеткой, точь-в-точь как это сейчас делали люди Старого Бена.

Но они не учли, что их противники могут видеть их сверху. По-видимому, им пока и в голову не пришло, что их враги могут скрываться на дереве. Это обстоятельство давало Гейму хотя и временное, но совершенно очевидное преимущество.

Летчик решил во что бы то ни стало пристрелить в первую очередь бородатого главаря. Но как угадать, под какой травяной сеткой скрывается его рыжая борода? Оставалось следовать уже избранной тактике, и Гейм продолжал выжидать.

Бандиты двигались со всех сторон, находясь друг от друга примерно на равном расстоянии, и останавливались ровно через каждые двадцать секунд.

Двадцать секунд! – вот, собственно, на что и мог рассчитывать Гейм. Первые двадцать секунд движения, в течение которых он откроет огонь, должны обеспечить ему победу. Будет ли он потом еще иметь время, угадать заранее было трудно, но эти двадцать секунд необходимо использовать во имя жизни.

Вот первый из бандитов вплотную приблизился к распростершемуся невдалеке телу Длинного Хью и в испуге с криком вскочил на ноги. В то же мгновение раздался выстрел, и он ткнулся головой в высокую траву. Новенький автомат отлетел в сторону. Бандиты замерли на месте: они пытались определить, откуда стреляли по их демаскировавшемуся товарищу, но все было тихо – Гейм продолжал скрытно наблюдать. Вот одна из сеток слегка сдвинулась, и на миг рыжая борода главаря блеснула под яркими лучами солнца. Теперь капитан знал, с кого начинать в данные ему судьбой двадцать секунд.

И этот момент настал – растерявшиеся было бандиты по свисту Старого Бена снова двинулись вперед.

Огонь, огонь, огонь... Выстрелы, быстрые, как на зачетных стрельбах. Девушка следила за движениями Гейма и, очевидно, за его мыслями... Хлоп, хлоп, хлоп, точно взрывались петарды. Двадцать секунд – половина шайки перестала существовать, за это Гейм мог ручаться. Вон там лежит рыжебородый, предсмертными движениями сбросивший маскировку...

Летчик знал, каковы американские гангстеры: беспредельно жестокие и столь же беспредельно трусливые.

Четверо из них вскочили на ноги и, увидев трупы товарищей, поспешно бросились в глубь леса. Стало опять тихо.

Гейм подождал еще немного, затем с облегчением сказал:

– Ну теперь они, кажется, не сунутся. Какой позор, – продолжал он, помогая девушке спуститься на землю. – В двух шагах от Нью-Йорка приходится вести войну с бандитами.

Теперь, когда опасность, казалось, миновала, наступила реакция: девушка едва могла стоять на ногах. Нервное потрясение было слишком велико.

– Я провожу вас, – предложил Гейм.

Она кивнула головой и благодарно посмотрела на него.

Они молча направились по тропинке. Гейм поддерживал девушку. В сущности, ей следовало бы отдохнуть и уж тогда трогаться в путь, но Гейм видел, что ей так хочется поскорее уйти подальше от этого страшного места, что и он не стал задерживаться.

«До сих пор она не назвала себя, – подумал летчик, – что бы это значило?» Ему хотелось спросить, кто она, как попала в этот лес, но он не решался. Какие-то еще неясные ему предчувствия мешали расспрашивать ее, заставляли быть осторожным. Он вспомнил, что во время ссоры со своим спутником она назвала имя какой-то Чармиан Старк. Не имеет ли ее подруга какого-либо отношения к несчастному узнику Уильяма Прайса – профессору Старку? В таком случае Гейм обязан был проявить сдержанность.

Трудно сказать, сколько времени продолжалось бы это молчание, если бы неожиданно впереди не послышался топот многих копыт. Выглянув из-за деревьев, Гейм и его спутница увидели мчащуюся прямо на них группу вооруженных людей. Одного взгляда было достаточно, чтобы определить, что спешат детективы, охраняющие эту девушку и теперь потерявшие голову от страха. С ними были шериф и тот мужчина, который воспользовался разрешением Старого Бена и сбежал. Заметив его, девушка зло сказала:

– Негодяй!

– Кто он? – спросил Гейм.

– Подлый негодяй, Генрих фон Краус... капитан...

– Гейм... Стив Гейм, – представился летчик и тут же шепотом спросил: – А вы, кто же вы? Девушка, с чувством сжав его руку, ответила:

– Меня зовут Бэтси... Бэтси Прайс. Вы придете ко мне, Стив Гейм? Да?

– Да, да, – прошептал Гейм в крайнем волнении. – О да, я приду к вам. Но я прошу вас как о великой милости...

– О чем, Стив? О чем?

– Если вы чувствуете хоть каплю признательности ко мне, Бэтси Прайс, ни одному человеку, слышите, ни одному человеку не говорите, что это я выручил вас сегодня. Помните, моего имени не должен знать никто, а особенно ваш отец и этот немец Краус. Во имя моей жизни, Бэтси Прайс, я прошу об этом.

Судя по топоту невидимых из-за густых деревьев коней, всадники были уже совсем рядом.

Гейм пристально посмотрел в глаза своей спутницы.

– Во имя жизни, – шепотом повторила она и твердо сказала: – Не беспокойтесь, я обещаю вам... но вы должны навестить меня в «Приюте Бэтси»...

– Я приду, – ответил Гейм и быстро скрылся в чаще леса.

Он шел на север, стремясь еще засветло выйти к берегу Гудзона.

Глава двенадцатая

Русаков стоял у окна своего кабинета и смотрел на площадь имени Дзержинского. Мчались автомобили, шли троллейбусы. Но молодой чекист ничего этого не замечал, занятый своими мыслями. Затем он подошел к письменному столу и поднял телефонную трубку.

– Здравия желаю, товарищ полковник. Говорит капитан Русаков. Разрешите зайти к вам по важному делу.

– Заходите, – ответил полковник Соколов.

Русаков по привычке одернул на себе китель, поправил прическу и, взяв со стола папку с документами, вышел из комнаты.

– Вовремя вы, – встретил его полковник. – Я как раз собирался вызвать вас с докладом по делу о «Незваном госте».

– О «Незваном госте» я и хочу доложить. Разрешите?

– Докладывайте.

– Начну с того, что час тому назад арестованный Струнников попросил свидания со мной.

– Стало быть, он решил прекратить играть в молчанку?

– Вот именно, – подтвердил Русаков. – Я велел сейчас же привести его ко мне. И вот его показания. – Русаков протянул полковнику протокол допроса. – Струнников признал, что собранные о нем данные правильны. В плену он, конечно, не был. Сын крупного кулака, высланного в свое время с Украины, Петр Струнников через десять лет вернулся в родные места под другой фамилией, устроился преподавателем русского языка в средней школе, женился... Но ненависть к народу, к советскому строю не давала ему покоя, и он примкнул к банде уголовников, совершавшей нападения на магазины, сельские кооперативы, на партийных работников... Бандиты грабили и убивали. Двойную жизнь Петр Струнников вел до конца 1940 года, когда ему стало ясно, что его уголовным похождениям скоро наступит конец. Тогда он скрылся, уехал в западные районы Советского Союза и сумел тайно удрать за кордон. Семью, детей бросил. Банда вскоре была обезврежена. Струнников, которого судили заочно, был приговорен к двадцати пяти годам тюремного заключения. В годы войны он помогал гитлеровским оккупантам, после войны перешел на службу к новым хозяевам, окончил шпионско-диверсионную школу, там же преподавал разговорную практику русского языка. Затем его решили использовать, так сказать, по прямому назначению, и вот теперь перебросили на территорию Советского Союза для того, чтобы помочь пробраться в нашу страну другому, основному агенту, после чего Струнников должен был приехать в Киев и там ждать, когда с ним свяжется разведка. Арестованный признал, что он и второй агент приземлились в районе города Краснотал, именно так, как это установили вы, товарищ полковник.

– Что же арестованный сообщил о личности другого агента, нелегальную переброску которого в Советский Союз он должен был замаскировать? – спросил Соколов.

– Струнников утверждает, что о втором агенте и о задании, которое ему было дано разведкой, он не имеет ни малейшего представления. После долгих размышлений я пришел к выводу, что этому можно поверить.

– Допустим... – согласился полковник. – Но что он сообщает о личности своего напарника?

– Вот тут положение осложняется, и эту часть показаний Струнникова на веру принимать никак нельзя, – продолжал Русаков. – Арестованный утверждает, что он не только не знает сброшенного вместе с ним человека, но и не видел его лица и не слышал его голоса. По его словам, лицо второго агента было скрыто повязкой, а объяснялся он с ним, со Струнниковым, жестами.

– Н-да... И что же вы думаете о показаниях арестованного? – спросил полковник.

Русаков немного подумал и затем уверенно ответил:

– Я думаю, что в этой части своих показаний арестованный не говорит правды.

– То есть?

– Я думаю, что перед ним поставлена задача не только замаскировать выброску на нашу территорию «агента-невидимки», но и помогать этому агенту в дальнейшем. Возможно, что именно тот агент и должен был позднее связаться со Струнниковым в Киеве.

Полковник встал и прошелся по кабинету.

– А почему арестованный не хотел дать таких показаний сразу или хотя бы немного раньше? – спросил он, круто повернувшись и остановившись против капитана.

– Он объясняет это тем, что боялся за свою семью. Не за ту, которая у него была в Краснотае, а за другую... В Западной Германии Струнников успел обзавестись новой семьей. Согласно его показаниям, у него там жена и двое детей, которые сейчас находятся на положении заложников у американской разведки.

Полковник задумался.

– Ну, все это, полагаю, со временем выяснится, – произнес он. – Думаю, в одном, и очень важном, пункте вы не правы. Да, да, – повторил он. – В важнейшем пункте вы не правы. Видите ли, анализируя показания арестованного Струнникова, вы не можете забыть, что его личность не внушает нам доверия, и, таким образом, инстинктивно, так сказать, ищите какие-нибудь обоснования для выводов, противоположных тем, на которые рассчитаны показания. Так ведь?

– Так, – согласился Русаков.

– Это естественно и понятно, – продолжал полковник. – Вот почему опытные враги иногда охотно дают более или менее правильные показания – они рассчитывают как раз на то, что им не поверят и следствие пойдет по ложному пути. Чтобы избежать подобной ошибки, надо при оценке искренности показаний исходить не только из отрицательного представления о личности того, кто дает эти показания, но и из всего, что мы знаем по делу. Разберемся же в том, что нам удалось пока выяснить. Нас, понятно, главным образом интересует сейчас не Струнников, а тот агент, что был с ним. Итак, во-первых, мы теперь определенно знаем, что такой человек существует, что он был сброшен над нашей территорией с американского самолета и где-то пока скрывается. Во-вторых, нам известно и такое очень важное обстоятельство, что заброска в нашу страну вражеского лазутчика была организована так, чтобы мы не могли узнать о его существовании. С этой целью ими и был использован Струнников. Все это бесспорно, но я чувствовал, что чего-то нам не хватало. Чего? Уверенности в том, что выводы о методе заброски к нам вражеского агента были именно таковы, какими они мне представлялись.

– Но теперь Струнников подтвердил это, – вставил Русаков.

Полковник усмехнулся.

– Эта часть показаний арестованного не имеет сейчас для нас большой цены, – сказал он. – Подтвердить то, о чем мы уже знаем без него, – подумаешь, большая заслуга! Он же знал с самого начала, из беседы с ним тогда в Краснотае, что мы разгадали трюк пославшей его разведки. Дело, милый мой, не в этом, а в том, что он, наверное, сам о том и не догадываясь, сообщает нам весьма важную недостающую деталь к делу о «Незваном госте».

– Какую? – спросил Русаков. – Я что-то плохо понимаю.

Соколов в упор посмотрел на него.

– Струнников не только ничего не знает о сброшенном вместе с ним парашютисте, но действительно не видел его лица и не слышал его голоса. Я абсолютно уверен, что в этой части показания арестованного правдивы.

– К чему им весь этот детектив? – спросил Русаков.

Полковник прошел на свое место и опустился в кресло.

– Детектив? – иронически произнес он. – Это смотря что считать детективом. Если под ним подразумевать необычные поступки людей, то ведь нельзя забывать, что вся грязная, кровавая работа иностранных разведок построена на чем-то необычном, проводится необычными методами; люди, которые при этом ими используются, тоже в своей тайной, предательской деятельности раскрываются не с той стороны, с которой их знают на службе, а часто и дома, а совсем с другой. Но вернемся к тому, чего вы не поняли в показаниях Струнникова... Сейчас мне ясно, что вражеский агент, посланный к нам в качестве «агента-невидимки», имеет какое-то весьма серьезное задание. Разведка позаботилась не только о том, чтобы сделать неизвестным для нас факт его выброски с парашютом в районе Краснотала, но и о том, чтобы Струнников в случае провала не мог опознать его и выдать. Понятно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.